

ПОЧТИ *ненарпаллу*



Annotation

Вместо планируемой свадьбы Герман расстался с невестой. Вместо Цюриха отправился в Черниговскую область. Вместо сувенира из отпуска привез фиктивную жену.

Отныне многое у Германа и Даши почти понарошку.

Просыпался долго. Еще дольше заставлял себя выбраться из постели — на работу категорически не хотелось. Хотелось в отпуск. Который, впрочем, был не за горами.

И эта позитивная мысль стала решающей, подвигнув Германа Липковича решительно проследовать из спальни в кухню. Кофе должен был убедить в правильности намерений. Но вместо этого мерные звуки капель в кофеварке навевали желание вернуться обратно в кровать.

Герман чертыхнулся и поплелся в душ. Поплескаться не удалось. Ровно через три минуты и восемнадцать секунд раздался стук в дверь.

— Гера, ты там долго? — голос Юльки звучал жалобно и сонно.

— Недолго, — ответил Герман, усиленно сгоняя холодным душем сон.

— Ну Герааа! — снова протянула Юлька. Потом, судя по звуку шагов, ее понесло в смежное с ванной помещение, где она и застряла еще на несколько кратких минут.

— Что случилось? — спросил Липкович чуть позднее, отхлебнув кофе, когда и Юлька, наконец, добралась до кухни.

К этому моменту он был одет, выбрит и благоухал одеколоном, подаренным на День святого Валентина. Она улыбнулась и оторвала взгляд от пудреницы, в которую внимательно разглядывала веки, сейчас чуть более припухшие, чем обычно.

— Ничего не случилось, — сообщила Юлька, четко произнося каждый звук. У нее была потрясающая дикция. С таким артикуляционным аппаратом впору работать на телевидении. С такой внешностью — тем более. Самое место в кадре. Она быстро припудрила нос и тени под глазами и полюбопытствовала: — А должно было?

— Ну мало ли... — отозвался Герман и, разглядывая Юльку, поинтересовался: — Ты как, со мной?

— Не-а, — мотнула она головой. — Я в универ. Это надолго. Надеюсь, прикроешь меня перед великим и ужасным? Кроме пациентов, у меня еще отчет.

Юлька проходила интернатуру и настоящим врачом ее пока ни Липкович, ни, тем более, великий и ужасный, не считали. И многое сходило ей с рук.

— Прикрою, но не вводи это в систему, — поморщился Герман.

— Ты же меня знаешь!

Липкович буркнул в ответ что-то малоразборчивое и заговорил о другом:

— Сегодня вечером буду поздно.

Ее бровь приподнялась, она захлопнула пудреницу. И заинтересованно посмотрела на Германа.

— Встреча старинных друзей, — пояснил он и поднялся из-за стола.

— Бабы будут? — хмыкнула Юлька.

— Ревнуешь? — весело спросил Гера.

— Я не ревнивая. Гуляй. Но если придешь под утро, кроватку сам найдешь, укладывать не стану.

— Как скажешь, — согласился он.

Добравшись до клиники без приключений и задержек в пробках, Герман Липкович, успешно оправдывающий надежды своего профессора нейрохирург, сперва занялся бумагами Юльки. У самого Липковича оставался единственный пациент, да и тот сегодня

выписывался. Остальное все после отпуска.

В ноутбуке что-то негромко погромыхивало, отдаленно напоминая музыку, под которую легко составлялся отчет. Свою профессию Герман выбирал сознательно, и она ему нравилась. Но нельзя было не признать, что дни тишины и покоя дороги ему так же, как и наполненные работой и людьми, когда вечер наступал слишком быстро и неожиданно, и хотелось поскорее добраться домой, завалиться на диван, бездумно переключать каналы в телевизоре и слушать возню Юльки, временами не в меру активной.

Например, в прошлом месяце она переклеила обои в прихожей. Почти самостоятельно. Утром он уходил на работу, и ничего не предвещало перемен. Вечером пришел в разгром. С обрывками бумаги на полу, сдвинутым шкафом и торжествующей Юлькой, встречавшей его словами: «Нам надо сюда еще зеркало повесить!» До выходных идея купить зеркало позабылась. Она потащила его за город кататься верхом. Конный спорт был великой страстью семьи Нескородевых. В том числе и Юльки. А еще, имея медицинское (ну, какое получилось) образование, она была страстной поклонницей нетрадиционной медицины. И бесконечно ставила эксперименты на своих близких. Слава богу, хоть не на пациентах.

Вечерами она то усаживалась вязать бесконечный свитер на спицах под сериалы, то надевала наушники и учила польский, старательно проговаривая звуки, то тащила Германа на очередную вечеринку. Иногда убегала сама, предварительно побухтев, что он то ли пещерный человек, то ли человек в футляре, то ли лежащий камень — каждый раз по-разному. Но интерпретировалось в основном одинаково: «От твоей самоуглубленности я задыхаюсь!»

Словом, их жизнь была... увлекательной. Скучать точно не приходилось. Во всяком случае, ежедневные сюрпризы казались забавными и иногда даже милыми.

Неожиданно, отвлекая его от вялого рассудифилиса и планирования дальнейшей жизни или ближайших месяцев, раздался стук в дверь. Та, чуть скрипнув, отворилась, и в кабинет просунулась голова великого и ужасного.

— Сам-один? — спросил он прокуренным голосом, от которого обычно дрожали подчиненные. Но сейчас он звучал миролюбиво.

— А кого еще надо? — усмехнулся в ответ Липкович.

— Никого не надо, но у тебя если не пациенты, то Нескородева, — развел руками зав. отделением и прошел в помещение. Не спрашивая разрешения, уселся напротив Германа и серьезно посмотрел на него. — Ну, так чего? Радовать будешь, или мне вешаться?

— Вот любите вы крайности, ИванСаныч, — покачал головой Герман. — В отпуск я все равно ухожу послезавтра, и не уговаривайте!

— Иди к черту со своим отпуском! — рявкнул великий и ужасный. — После отпуска тебя здесь искать или... где там?... в Цюрихе твоём?

— Я по-немецки на слух плохо понимаю.

— Руки у тебя без языков свое обрабатывают. Так что не юли давай!

— Ладно, ладно, — Герман откинулся на спинку стула, — куда я от вас... Во всяком случае, пока.

— Чего? — охнул Иван Александрович. — Отказался?

Липкович кивнул.

— Чай, кофе?

— Вот дурак... — пробормотал великий и ужасный и тут же отозвался: — Чай, конечно! Ты хоть соображаешь, что там клиника одна из лучших в мире, а?

— Ну я же пока еще не лучший в мире, — Герман включил чайник и достал заварник. — Всему свое время.

Великий и ужасный вертел головой, недоуменно следя за движениями Липковича, а брови его достигли наивысшей точки вечно хмурого лба. Впрочем, за счет завидной плечи могли выползти и на макушку.

— Гера, тебе сколько лет? Тридцать есть?

— Скоро будет, — отозвался Герман, — это важно?

— Да я в твоём возрасте о таком предложении не мечтал! Потом может не быть. А ты... Нескородева не пускает?

— Вот сейчас не понял, вы хотите, чтобы я бросил клинику?

Герман налил в заварник кипяток и сжал под прессом чайные листья.

— Нет, черт подери! Я еще в своем уме. Но это твоя жизнь. И... чтобы тебе было понятно — ты совершаешь ошибку. Это тебе кто угодно скажет. А приходится мне! Это вообще ненормально!

— Вы хотите об этом поговорить? — рассмеялся Герман.

Поставил перед великим и ужасным огромную «персональную» чашку с чаем, а со своей расположился в кресле.

— Да, хочу. Еще раз по порядку. Ты уже отказался? Или только планируешь отказаться?

— Отказался, Иван Александрович.

— Значит, есть альтернатива. Какая?

— Сначала женюсь и заведу наследника, — довольно заявил Герман. — Потом подумаю о диссертации. Дальше — посмотрим.

Великий и ужасный хмыкнул и отпил чаю, на некоторое время зависнув. Потом оклемался. Обычно этот процесс занимал у него секунд пятнадцать, не больше.

— Так, — выдохнул он. — Вот это уже серьезный разговор. Значит, решил? Баста?

— Решил.

— Вот же... Ну, поздравляю... Когда?

— Даты пока не назначали, но вам обещаю сообщить лично.

— Ты предложение-то уже сделал, светило?

— Мы с Юлькой живем вместе почти три года. Самой собой, что однажды поженимся.

— Ну да... — протянул Иван Александрович. — Нескородева или Цюрих... В Цюрихе бы тебе не пришлось за нее пахать. Вот же стрекоза!

— Я и здесь за нее не паху. Посильная помощь будущей коллеге, — улыбнулся Герман.

Он знал, что Иван Александрович терпит Юльку в клинике только из-за него, но предпочитал делать вид, что не догадывается об этом.

— Ну, ну, — крякнул великий и ужасный, который тоже прекрасно понимал, что спорить с Липковичем о правильности его выбора в том, что касается Нескородевой, бесполезно. Но все же не выдержал и развил свою титаническую мысль: — Ну, ну.

— Ну... на том и порешим? — поинтересовался Герман и глянул на часы. — Сейчас Григораш явится. Выпишу его — и свободен, слышите? Звонить только в случае атомной войны.

— Да слышу, слышу! — буркнул великий и ужасный, отодвинув от себя все еще не пустую чашку. — Надеюсь, до войны не дойдет. В отпуск-то куда?

— Так я вам и сказал! — рассмеялся Липкович.

— Не бойсь, вертолет за тобой присылать не буду, — хохотнул Иван Александрович и,

поднявшись, протянул Герману руку. — Ну... хорошо отдохнуть. И это... я рад, что ты остаешься, но ты все равно дурак.

— Спасибо на добром слове, — ответил Герман со смехом и пожал протянутую руку. — В следующий раз уеду от вас, обещаю.

— Я запомнил. Свадьба. Наследники. Диссертация. Раньше не отпущу. Сам напросился! — с этими словами великий и ужасный покинул кабинет Липковича.

Герман лениво потянулся и вернулся к бумагам. Доделал отчет, оформил выписку Григораша.

Снова думал о Юльке — когда она скажет ему. Эта чудачка, похоже, решила, что если он нейрохирург, то не догадывается ни о чем. Он улыбнулся и взглянул на ее фотографию на столе. Его устраивало, как все складывалось. К тридцати годам иметь профессию, работу, жену и ребенка. Жизнь удавалась, и потому можно было позволить себе верить, что будут впереди еще и Цюрих, и, может быть, предложения получше.

Липкович довел порядок на столе до идеального, и делать стало нечего.

— Ничего не изменилось? — набрал он Валеру.

— Ящик пива у меня в холодильнике. Рыбка на любой вкус. Заедешь за мной, или мне трамваем добираться?

— Заеду, все равно делать уже нечего. Пока доберусь, и ты освободишься.

— Давай. Если что, у меня 112 кабинет. Не заблудишься.

Герман громко рассмеялся, почти до слез.

— Даже если бы хотел, уверен, каждая медсестра вне зависимости от возраста с радостью проводила бы меня к тебе.

— Уймись, Липкович, по морде дам. А у нас роддом, не травма. Так что первую помощь не гарантирую.

— Ладно, ладно, я сегодня добрый.

— Оно и видно. Я через час освобожусь. Подъезжай.

Липкович добирался на другой конец города чуть дольше. Машину припарковал недалеко от входа и легко взбежал по крыльцу. Оглянувшись по сторонам, мимолетно улыбнулся нестройным рядам мамашек разной степени кондиции и уже двинулся в сторону означенного Валерой кабинета, когда в голове что-то тревожно звякнуло.

В ярко освещенном больничном коридоре, прикрыв глаза, сидела Юлька. На лице ее, сливавшемся с бледной стеной, на которую она откинула голову, выделялись лишь темные дуги бровей. И в какой-то момент все стало настолько очевидно, что в душе его похолодело — уж лучше бы не понимать. Черт его знает, сколько он простоял, глядя на нее и зная, что она его не видит. Может быть, несколько бесконечных минут. А может быть, и секунды. Ему показалось, что долго.

Потом Герман метнулся к ней, но не успел и рта раскрыть, как рядом нарисовалась медсестра из разряда «особенно сердобольных».

— Вот и молодец, что позвонила своему-то, — закудаhtала она, но звуки ее голоса пролетали мимо него, — куда ж тебе в таком-то состоянии? Что-то тебя, милочка, совсем развезло...

Тут Юлька подняла глаза и увидела его. Герман зло усмехнулся, разглядев отразившийся в них ужас.

— Я такси вызвала, — негромко отозвалась она, по инерции отвечая равнодушной тетке.

А он еле сдерживался, чтобы не разорваться прямо здесь, в коридоре. Медсестра предусмотрительно ретировалась, когда он бросил на нее тяжелый взгляд.

— Отменишь, — проговорил Герман медленно и отчетливо. Крепко ухватил Юльку за руку и поднял со стула. — Поехали!

Ее глаза сверкнули. Руку выдернула. Она всегда так делала, когда готовилась нападать.

— Ты здесь откуда? — прошипела Нескорородева. — Следил, что ли?

— Ты сейчас серьезно? — зло усмехнулся он в ответ.

— Как никогда. В любом случае, можешь начинать читать нотации. Я готова послушать.

Все равно хреново.

— Поехали. Или здесь понравилось?

— Да какая разница где! Сегодня ты должен был явиться домой поздно ночью и пьяный. И утром ничего не заметил бы. А раз так, то пофигу!

— Мне не пофигу! — Герман снова подхватил ее под руку и потащил к выходу.

Дорогой до машины она молчала. Молчала в коридоре. На крыльце. Пока он открывал дверцу и усаживал ее. Как только он сел возле нее сам, она будто завелась. Взгляд снова вспыхнул, резко повернула голову, но от этого движения поморщилась. И сдавленно заговорила:

— Молодец. Поймал с поличным. Орден тебе за бдительность. Так как ты здесь очутился?

— Почему ты мне ничего не сказала? Почему решила сама? — гнул он свое.

— А как я должна была решать? Тебя спрашивать? Когда точно знаю, что мне это сейчас не надо? Мне! Это я из жизни выпаду на энное количество лет.

— Что за каменный век? — удивился Герман, сосредоточенно глядя перед собой. Хорошо, что нужно следить за дорогой, и можно не смотреть на Юльку. — Он такой же мой, как и твой. Я имел право знать. От тебя!

— Вот я сейчас не пойму... Это меня от твоей положительности подташнивает, или наркоз еще не отошел. Ты меня не слышишь, Гера! Это моя жизнь. И я сама в состоянии разобраться, на что ее тратить. Дело не в том, что я детей не хочу. Дело в том, что эта беременность — не вовремя.

— То есть на меня ты готова тратить свою жизнь, а на моего ребенка — нет? Здорово!

— Да при чем тут!.. — Юлька откинула голову на спинку сиденья и засопела носом. В мозговой коробочке явно происходил активный мыслительный процесс. Потом по лицу ее расплзлась улыбка, и она медленно подняла взгляд на Липковича. — Ладно, сам напросился. Я понимаю, что ты сюрприз собирался сделать со своим Цюрихом. Но вот именно ребенок в наш отъезд точно не вписывался. Может быть, потом.

— Конечно, не вписывался, — согласился Герман. — Именно потому я и отказался от этого предложения. Свадьба, ребенок — семья важнее.

Юлька охнула и подскочила. Мотнула головой, словно не верила услышанному. И на всякий случай уточнила:

— Отказался? От контракта? Ты?

— Я.

И тут она тоже зависла. Как давеча Иван Александрович. Но времени, чтобы прийти к себе Юльке нужно было больше, чем ранее начальству. Когда сказанное дошло до ее сознания, она в очередной раз тряхнула светлой головой и отчетливо, как она умела, произнесла:

— Идиот.

— Я тебя тоже люблю, — сказал Герман зло, но чувствовал себя скорее огорошенным ее поступком. Задевало и то, что она сделала, и то, что приняла решение в одиночку. И смириться с этим он не мог. Не сейчас.

— Ни хрена, — прошипела Юлька. — Не любишь. Думаешь, что любишь. У тебя план План капитального строительства собственной жизни. И меня ты в свой чертов план записал под четвертым пунктом. Школа. Универ. Работа. Жена. Пятый — ребенок. Шестой — диссертация. Да? Угадала?

— А ты любишь? — Липкович бросил на нее быстрый взгляд и снова уставился на дорогу.

— А я не знаю! Я не знаю, можно ли любить человека, который даже мечту отбросит за ненужностью, если она не укладывается в его расписанную по минутам жизнь! Ты же на экспромт не способен! Я с тобой чахну. Я три года пыталась, но я не хочу... А ребенок — это слишком серьезно, чтобы рожать, когда не уверена в правильности выбора, понимаешь?

— Понимаю. Не рожать, потому что это мешает контракту — вот это серьезно.

— Не передергивай! Ты понимаешь, о чем я!

— Нет, Юль. Не понимаю. Думал, понимаю. Теперь... Да черт возьми, как ты могла?! — заорал он и шарахнул с силой ладонями по рулю.

— Молча! Залет — моя ошибка, не твоя. Ты не должен был об этом знать. Какого черта тебя вообще понесло в этот проклятый роддом?

— Друг у меня там работает! Тот самый, с которым я должен был встретиться.

— Черт! — психанула Юлька и снова откинулась на спинку кресла. — Меня сейчас стошнит. Можешь ехать нормально?

Герман молча кивнул. Он словно уперся в стену, за которой была пустота. Такая же пустота была и внутри него самого. Что может быть дальше? Делать вид, что ничего не произошло? Или послать все к черту: прожитое вместе, планы, саму Юльку... А что делать с тем, что он ее любит?

— Нам лучше сейчас разойтись, — ее звонкий голос прозвучал достаточно громко, чтобы перекрыть рев двигателя.

— Уверена? — спросил он спокойно, почти равнодушно.

— Уверена. У нас разные приоритеты. На прошлой неделе я поймала себя на мысли, что мне приятно, что за мной Завадский бегаёт. А раньше раздражало.

— Он способен на экспромт?

— Не попробуешь — не узнаешь.

— Успехов! — буркнул Герман.

— И тебе тоже всего... хорошего, — она помолчала, снова задумавшись, и отвернулась к окну. А потом тихо добавила: — И вовсе не обязательно расставаться врагами. Отвези меня к моим. Пока будешь в отпуске, я отопру от тебя свои вещи. Вернешься — поговорим.

— О чем?

— Я отдам тебе ключи, ты пригласишь меня выпить кофе. И мы оба поймем, что все правильно.

— Ты это уже понимаешь. Давно?

— В данную конкретную минуту — окончательно! Гера! Ты себя слышишь? Я тебя бросаю, а ты на меня наорать даже не можешь по-человечески! Это ненормально!

— Я люблю тебя, — сказал он негромко, будто это объясняло все на свете.

— Вот сейчас жалостливо получилось. Я тронута. Но, честно говоря, если б ты мне за аборт по роже дал, я бы в нас больше верила.

Они больше не сказали друг другу ни слова. Пока добрались домой, пока она собирала вещи, пока он вез ее к родителям. Герман до последнего ждал, что она передумает, остановится, что-то скажет, обернется. И знал, что этого не случится. Юлька всегда отличалась решимостью — она умела вырывать с корнем. В отличие от него...

Лев Борисович Липкович относился к жизни с выдержкой истинного философа. Если за окном идет дождь, он пьет горячий чай и слушает Битлз. Если бестолочи из редакции рубят на корню серию очерков, для которой он полгода собирал материал, он пьет горячий чай и слушает Битлз. Если вишневое вино в погребе прокисло, вопреки законам логики и богатому опыту винодела-самоучки, он пьет чай и слушает Битлз. Если не сложилось ни с семьей, ни с карьерой — это еще не повод беспокоиться. Это повод выпить чаю и послушать Битлз.

В общем-то, именно этим он и занимался обыкновенным июньским вечером в родовом гнезде Липковичей неподалеку от поселка городского типа Козелец Черниговской области. И еще читал какую-то ерунду, полученную накануне из издательства. «В этом что-то есть, Лева!» — значилось в коротком послании главного редактора. «Есть, есть, — мысленно отвечал Лев Борисович. — Полторы тонны самолюбования и пару кило здравого смысла».

Не выдержав, захлопнул ноутбук, закрыл глаза. И четко расслышал шуршание гравия во дворе. Расплылся в улыбке, вскочил с кресла и направился встречать гостя.

— Привет, дядь Лёв, — поздоровался Герман, доставая из машины сумку. — Как ты тут?

— Неплохо в пределах статистической погрешности. Как добрался?

— Быстро. Я тебе подарок привез.

Он подошел ко Льву Борисовичу и протянул пакет. Выглядел так, будто и не случилось ничего: чисто одет, гладко выбрит. Разве что благоухал другим одеколоном — подаренный на День святого Валентина был выброшен в мусор. Это была единственная вспышка гнева с той минуты, как ушла Юлька.

Утром он позвонил дядьке и, одновременно спрашивая и сообщая, сказал, что приедет. В этом отношении Лев Борисович был крайне удобен, у себя он принимал Геру всегда, когда бы тот к нему ни заявился.

Липкович-старший повертел в руках пакет, развернул и криво усмехнулся. Внутри обнаружился редкий парлофонофонский винил битловского A Hard Day's Night 1964 года с оригинальным внутренним конвертом. Очередная прелесть для сдувания пылинок.

— Угодил, — хмыкнул Лев Борисович. — Чай будешь?

— Буду, — сказал Герман и прошел в дом. — Только сумку брошу и приду.

Здесь у него была своя берлога, расположенная на втором этаже. Деревянный пол всегда поскрипывал под ногами, отчего было слышно другим обитателям, спит хозяин комнаты или бодрствует. А в большое окно были видны заводь Остра, густо поросшая изумрудной ряской, и пологий берег с высоким рогозом.

— Давай, давай! — пробормотал дядька, глядя ему в спину, и протопал следом. Сделал музыку чуть тише. Поставил пластинку на полку со своими драгоценными раритетами. И поплелся на кухню готовить чай. К чаю нашлись печенюшки. Ну и, кроме печенюшек, картофельные вареники со шкварками свежесваренные, овощной салат, сметаной заправленный, пара тарелок с нарезками магазинными и бутылка «Белого аиста» — на всякий случай.

Когда Герман вошел на кухню, все это чудесным образом оказалось на столе.

— Чем богаты. Я не готовился, — сообщил дядька будничным тоном, прекрасно, между тем, понимая, что племяннику его готовка по барабану.

— Ну как обычно, — усмехнулся Герман и сел за стол, потянувшись за варениками — фирменным блюдом Льва Борисовича. — Если я на весь отпуск — ничего?

— Как пожелаешь. Что отец?

— Нормально. У него сейчас арбузный период.

Валентин Борисович Липкович увлекался карвингом, упорно совершенствуясь в своем мастерстве.

— Потрясающе. Ты решил со своим Цюрихом?

— Решил.

— Вот и правильно, — удовлетворенно кивнул Лев Борисович. — А с Юлей?

— Мы разошлись.

На мгновение завис и Лев Борисович. Но надо отдать ему должное — раздуплялся он еще быстрее, чем великий и ужасный. И уж точно в разы превосходил по скорости Юлию Нескородеву. Потому, как только очухался, решительно придвинул рюмки и сказал:

— Бывает. У нас дожди шли сильно, трава растет. Рассаду забивает. Завтра возьмемся за прополку. После обеда сгоняешь в поселок — чай заканчивается. Интернет я оплатил. Тебе полную? Или будешь продукт переводить?

— Не буду.

— Вот и чудненько.

Еще одна, несомненно, позитивная черта Льва Борисовича заключалась в ненавязчивости. Сказано пить, значит, пить. Что тоже прекрасно шло под битлов. В некотором смысле они с Германом были похожи. Во всяком случае, друг друга понимали с полуслова. И в душу не лезли, осознавая, что самим совершенно не понравилось бы, если бы кто-то ковырялся в их душах. Когда Герман вместо международных отношений выбрал медицину, единственным, кто не пристаивал с уговорами, был Лев Борисович. Потому что знал, никого из Липковичей еще ни в чем не удалось переубедить. Они созревали сами. Или не созревали, что тоже результат. Герман не ошибся — нейрохирургом он был от бога. И это даже отец-дипломат постепенно осознал.

Спать легли рано. На улице снова лило, как из ведра. Потому прополка, скорее всего, отменялась. Капли дождя еще долго стучали по стеклу, и Герман слушал этот стук, пока не провалился в сон.

А на следующий день он сбил человека.

По-прежнему лил дождь, не прекращаясь ни на минуту. Траве на радость, дяде Лёве на огорчение. Голова с утра немного фонила, и доктор Липкович рассудил, что влажный, свежий воздух может способствовать восстановлению трезвой мысли. И повод — чай — тот самый, которым нельзя было ни в коем случае пренебречь.

Дорога была скользкой — от дождя и слякоти, в которую превратилась дорожная пыль. Герман, чувствуя, что машина не всегда его слушается на поворотах, вел аккуратно и не торопясь. Равнодушно слушая шутки радио-диджеев, он следил за равномерным движением дворников, заставляющих, вопреки законам физики, течь воду вверх, когда резко вздрогнул от громкого визга шин по мокрому асфальту.

Это уже потом он понял, что сам вдавил педаль тормоза, когда слишком поздно заметил что-то, влетевшее в бочину.

Выскочив из машины, Липкович кинулся к тому, что сбил. Или что пыталось сбить его.

Между тем ярко-синее «что-то» барахталось, грохотало железом, чавкало грязью, шелестело дождевиком и перепуганно фыркало. Когда железо, оказавшееся велосипедом,

было отброшено в сторону, а «что-то» сдернуло с головы капюшон, на Германа уставилась пара ярко-голубых глаз под взлохмаченной темно-русой челкой.

— Машина цела? — зачем-то спросило «что-то».

— Что ей сделается от вашего... вы-то как? — спросил Герман, протягивая ладонь. — Руки, ноги целы?

— Наверное, — отозвалось пушистое создание. Подняло, было, ладошку. И обнаружило, что та перепачкана грязью. Нахмурилось и, вместо того, чтобы подать ее Липковичу, сперва вытерло о ткань юбки. И только после этого приняло помощь. Наконец, оказавшись на ногах и тихонько охнув, сбитая барышня, а это была все-таки барышня, сообщила: — Асфальт скользкий, поворот резкий. Не успела затормозить.

— Затормозить не успела... — повторил Герман и, осматривая пострадавшую с головы до ног профессиональным взглядом, заметил сильно сбитую коленку. Он быстро и ловко ощупал ее своими длинными пальцами — вечной причиной для шуток коллег. — Сустав целый. Остальное заживет.

— Аф! — выдохнула девушка, морщась. Дождь продолжал стучать по ее синему дождевику, она осторожно убрала ногу и скрыла ее под целлофаном. — Жить буду. А вы... вы бы тоже... смотрели!

— Давайте подвезу, — пропустив ее замечание мимо ушей, сказал Герман, — вам куда?

Она уныло посмотрела на валяющийся под ногами велосипед, тряхнула уже изрядно намокшей и оттого несколько менее пушистой головой, но решительно проговорила:

— Спасибо, но я как-нибудь сама.

— Какой сама под таким дождем? Ну-ка живо садитесь, — скомандовал Герман, — и говорите куда ехать.

Он распахнул перед ней дверцу и подтолкнул ее к машине. Она резко обернулась, охнула, по всей видимости, от боли — нога-то болела — и упрямо показала на грудь железа:

— У меня есть колеса!

— Колеса довезем в багажнике. Садитесь, говорю! Иначе к вашему колену добавится пневмония.

— У меня крепкий организм! И дождь не холодный, — проворчала она, но все-таки пошкандыбала к автомобилю. — За дорогой бы лучше внимательнее следили!

— Обязательно, останетесь в целости и сохранности, — усмехнулся Липкович. — Так куда ехать?

— Пересечение Журавлева и Толстого. Знаете?

— Знаю, — ответил он и завел машину.

В багажнике на ямах, не видных за ливнем, обиженно погромыхивал велосипед. Хозяйка велосипеда, наоборот, не издавала ни звука. Герман же на перекрестке, который должен был привести их к нужному адресу, повернул в другую сторону. И в этот момент пассажирка «зазвучала». Сначала подскочила на месте, потом посмотрела на водителя. И, наконец, вскрикнула:

— Да не туда! Так вы за поселок выедете!

— Выеду, — со знанием дела подтвердил Герман.

Она застыла, внимательно рассматривая его профиль. В глазах отразился весьма широкий спектр самых разнообразных эмоций. Но снова, в который раз за их короткое знакомство, из всех осталась только упрямая решительность. И она рванулась к дверце, по всей видимости, намереваясь выпрыгнуть на ходу. Только вот отстегнуться забыла. И,

обнаружив это, завозилась с ремнем безопасности.

— Перестаньте дергаться! — сказал Липкович и убрал ее руку с замка ремня. — Я обработаю вашу рану, вы успокойтесь, а мой дядя посмотрит ваш велосипед на случай, если ему тоже требуется помощь. Потом отвезу вас на ваш перекресток.

В ответ она задергалась еще сильнее. Но отстегнуться не получалось — дрожали руки. Потом стали дрожать и плечи. Затряслась вся. Оказалось, смеется. Откинулась на спинку сиденья, и, дребезжащим голосом проговорила:

— Сначала вы меня сбили, потом уговорили сесть в машину, теперь везете не туда, куда мне надо... А я даже не знаю, кто вы такой. Кто я после этого, а?

— Вы — пострадавшая в ДТП, — усмехнулся Герман. — А я Герман Валентинович Липкович. И я врач. Так получилось.

Бог его знает, расслышала она или нет. Потому что только засмеялась еще сильнее. Смех был дурацкий и несчастный одновременно. Через полторы минуты она уже отчаянно рыдала, спрятав лицо в ладонях.

— Ну что вы? Что такое?

Она замотала головой и сквозь пальцы ответила:

— Я испугалась.

— Ааа, — протянул Герман. — Я так и понял. Пока вы пугались, мы приехали. И дождь перестал. Выходите.

— Быстро... — ответила девушка. — Только я все равно отстегнуться не могу. Идиотизм...

— Бывает, — Герман помог ей с ремнем. — Кстати, вас-то как зовут, пострадавшая?

— Даша, — всхлипнула она и посмотрела за окно. Дом Липковичей было видно издалека, но вблизи он выглядел немногим более презентабельно. Просторный, скорее коттедж, чем сельский домик, из серого кирпича под коричневой крышей, декорированный диким камнем. Его построили за поселком в живописном месте на реке в незапамятные времена. С тех пор дважды перестраивали и всячески облагораживали. Но так уж вышло, что из последних поколений семейства в такой глухомани желание жить изъявил только младший сын Бориса Липковича, когда-то, сразу после развала Союза, перебравшегося в столицу. Но фамилия все еще оставалась на слуху. Меценаты, что уж!

— Идемте, Даша, в дом. Вы чай пьете?

— Пью... только не зеленый.

— Значит, будет черный, — согласно кивнул Герман и повел свою неожиданную гостью за собой. В прихожей он крикнул в пространство дома: — Дядь Лёв!

Но дядь Лёва не отозвался. Впрочем, еще с утра он угрожал, что наведет все-таки порядок в своем вечно захламленном сарае.

Даша неловко ковыляла за Липковичем, не особо крутя головой по сторонам. Потом осторожно, и чуток хлюпая носом, заметила:

— Плащ мокрый, я вам все здесь залью...

— Не страшно. Вы присаживайтесь, я сейчас.

Он быстро вернулся с перекисью и лейкопластырем.

— Показывайте ваше колено, — скомандовал доктор Липкович.

Она кивнула и вытянула вперед ногу. Дождевика на ней уже не было, но юбка оказалась сырой — видимо, вымокла, когда падала.

— Так глупо получилось, — вздохнула Даша.

— Вы уж простите, — говорил он, пока обрабатывал изрядно разбитое колено. — Я вас действительно не заметил. И сам, знаете ли, испугался, — он усмехнулся. — Ну вот, до свадьбы заживет.

Даша издала странный горловой звук, похожий и на всхлип, и на смешок одновременно. И дернула ногой.

— Теперь-то точно, — пробормотала она. — Но болит адски.

— Вы посидите немного, ране надо дать успокоится. Я пока чаю сделаю.

— Два километра до поселка я сейчас точно не пройду. Так что сбегать больше не собираюсь.

— Вот и умница.

Герман снова вышел.

На этот раз в кухню. Там недолго что-то позвякивало и шумело, в результате чего в руках Даши оказалась большая чашка с горячим чаем.

— Пейте, — велел доктор Липкович.

Она послушно отхлебнула. Было горячо, сладко и терпко одновременно. И еще пробивался посторонний спиртовой привкус. Даша фыркнула и подняла на него глаза.

— Лечите или травите? — голос звучал напряженно, но вместе с тем истерить она уже явно не собиралась.

— Клятва Гиппократы не в счет? — улыбнулся он в ответ. — Пейте, пейте. Не отвлекайтесь.

Даша сделала еще несколько глотков и поинтересовалась:

— Пустырник?

— Типа того. Вам успокоиться надо.

— Надо. А сами?

— Сначала женщины и дети.

— Можно подумать, вы каждый день людей сбиваете, — хмыкнула она. Ее лоб смешно наморщился, и она казалась бы жутко серьезной, если бы не взъерошенный вид.

— Приятно слышать, что не похож на злостного нарушителя общественного порядка. Вы как себя чувствуете?

— Вам честно или вежливо?

— Желательно честно.

— Терпимо. Колотит, но вы же уже обеспокоились лекарством. Пройдет... Который час?

— Вы куда-нибудь опаздываете? Дома ждут?

— Нет... Нигде не ждут... Везде опоздала, — хихикнула Даша. — Так что к лучшему даже все. Вы же меня потом все равно отвезете?

— Отвезу. Потом. Тем более, велосипед еще не осмотрен, — улыбнулся Герман в ответ.

— Да... тот еще пациент. Максимум — раму погнула.

— В любом случае — это моя вина. Будем реанимировать.

— Вообще-то, это я на вас наехала, — усмехнулась Даша. — Так что квиты. А вот вашего имени я с перепугу не запомнила.

— Что и не удивительно. Я — Герман.

— Даша, — снова представилась она и коротко рассмеялась. — Даша Чугай. Живу на пересечении Толстого и Журавлева.

— Я помню. Вы отдохните пока, да?

— Да я и так отдыхаю.

— Тогда не буду вам мешать.

И в третий раз Герман оставил ее одну, отправившись в сарай, где Лев Борисович развел бурную деятельность. С террасы был приволочен большой стол, на котором в данный момент нашли временное пристанище ящики с инструментами и богатейшей коллекцией болтиков и шурупчиков. Газонокосилка благополучно стояла посреди заднего двора, просто на земле. Лев Борисович шебуршал и лязгал садовым инвентарем внутри сарая. Выглядел увлеченным и умиротворенным одновременно.

— Царь Кощей над золотом чахнет, — хохотнул Герман, окинув быстрым взглядом открывшийся ему пейзаж.

— Спасибо хоть не Степан Плюшкин, — хмыкнул Лев Борисович. — Что-то ты быстро.

— Да не доехал, — Герман с равнодушным любопытством рассматривал сокровища дядьки. — Пришлось вернуться, и я не один. С гостьей.

— Корми сам, не маленький.

— Покормлю, если захочет. Ты чем тут занимаешься? С места на место хлам перекладываешь?

— Хлам у каждого свой! А у кого-то вся жизнь — хлам, — невозмутимо сообщил дядя, извлекая из недр сарая спиннинг. — О! На рыбалку, кстати, сходить не хочешь?

— Выпить и дома можно. И не говори, что рыбалка успокаивает.

— Меня успокаивать не надо, ареал моего обитания крайне далек от нервных потрясений. Поставлю вопрос иначе: рыбы хочешь? В прошлую пятницу полведра карасей наловил.

— Кому скормил? Кота завел?

— Обижаешь. В морозилке.

— Ясно. Уху сварим, — Герман перешел к главному. — Дядь Лёв, там у меня велосипед в багажнике. Глянь эту железяку, может, там какой ремонт требуется.

— То есть вместо чая ты приволок мне велосипед на ремонт. А себе — гостью. Может, лучше наоборот, а?

— Велосипед — тебе, а гостью — никому. Потому у тебя есть все шансы, — рассмеялся Герман. — Чай куплю. Мне ее еще домой везти.

— С этого и надо было начинать, — хмыкнул Лев Борисович и соизволил смилостивиться: — Ладно. Мне любопытно. Что случилось вообще?

— Да ничего особенного. Под колеса велосипедистка попала. Приходится оказывать первую неотложную помощь.

Дядька дернулся и отбросил спиннинг в сторону. Прытко выскочил из сарая, на ходу вытирая ладони о какую-то тряпку. И уже обеспокоенно спросил:

— Сильно зашиб?

— Коленку разбила, — сообщил Герман, шагая за Львом Борисовичем.

— Ах ты ж... Ладно, пошли.

Лев Борисович решительно отбросил в сторону тряпку и направился к входу в дом, вместо того, чтобы мчаться ремонтировать велосипед. Взбежал по ступенькам на крыльцо, быстро разулся и, безошибочно рассудив, ломанулся в гостиную. И только тогда, глядя на свернувшуюся калачиком в кресле пострадавшую, тихонько сопевшую носом, тихо-тихо хохотнул:

— Опять Дашка вляпалась!

— Ты знаешь ее? — удивленно спросил Герман.

— Естественно! Это Козелец. Здесь все друг друга знают хотя бы заочно. А она в библиотеке работает, которую твой дед еще открывал. Это туда я пожертвовал Чехова, Булгакова и Дюма, из-за которых Валентин со мной не разговаривает по сей день, будто он их читал, а я отнял.

— И часто вляпывается? — Герман кивнул в сторону спящей девушки.

— Достаточно. Ладно, вроде, живая. Пойду велик посмотрю. А ты все-таки подумай, чем кормить.

Действие настойки пустырника, помноженное на стресс, продлилось до половины шестого вечера. Все это время Даша благополучно провела на кресле в позе эмбриона, что, естественно, не могло не сказаться. Когда она открыла один глаз, сквозь шторы пробивался золотистый свет заходящего солнца, будто и не было в помине никакого дождя. А спина затекла так, что не разогнуться. И, что хуже, в колене отчаянно пульсировала боль.

Стоило открыть второй глаз, как возник вполне закономерный вопрос о том, где, собственно, она находится. Именно этот вопрос заставил ее подскочить на месте и окончательно проснуться, непонимающе оглядываясь по сторонам, пока взгляд не задержался на заклеенном пластырем колене. Вместе с пробуждением мозги стали на место. Она выдохнула.

Откуда-то, вероятно, из кухни до нее донеслись звуки и запахи приготовления еды. И включенная музыка: ливерпульская четверка негромко отжигала. Даша пошла на звук. Песня соответствовала настроению и физическому состоянию. Хелп! Ай нид самбади!

— О! Проснулась! — раздался голос Льва Борисовича Липковича, усердно нарезавшего салат.

У плиты над скворчащей сковородой склонился Герман. Идиллия была налицо.

— Долго спала? — спросила Даша.

— Пару часов, — отозвался Герман. — Жареная картошка и салат, подойдет?

— Спасибо. Я не голо... — начало, было, Даша. Но Лев Борисович ее перебил:

— Велосипед в порядке. После ужина Герман отвезет вас. Садитесь.

Последнее слово прозвучало приказом, послушаться которого она не могла. И тут же бухнулась на ближайшую табуретку. Герман поставил перед ней тарелку с картофелем, сам сел рядом. Пожелал приятного аппетита и принялся за еду. Даша, вопреки собственным ожиданиям, что в горло ни кусочка не влезет — есть в компании Липковичей! — довольно живо смела все с тарелки. Ужин был более чем странным, что явно забавляло Льва Борисовича, включившего погромче The Night Before того же альбома и жизнерадостно уплетающего салат.

— Теперь я с чистой совестью могу вернуть вас домой, — сказал по окончании ужина Герман, и это было первое, что прозвучало за столом. — На пересечение Журавлева и Толстого.

— Да! — вскрикнула Даша, звякнула вилкой и оживленно закивала. — Если вас не затруднит.

— Я же обещал.

Добраться от дома Липковичей до поселка городского типа Козелец — дело пяти минут. Расстояние — каких-то пара километров. Она дольше обувалась. По поселку петляли тоже недолго. На прощание, пока он доставал из багажника велосипед, Даша в очередной раз разразилась благодарственной тирадой, приправленной вполне себе ехидным:

— И смотрите по сторонам — мало ли, откуда сумасшедшие под дождем вылетают.

— Не беспокойтесь, дождь закончился, — ответил Герман вместо прощания.

— Он может опять начаться, — хмыкнула Даша, забрала велосипед и проковыляла к своей калитке: — До свидания!

Дверца скрипнула, и она скрылась во дворе. А Липкович развернул машину и поехал домой. Через магазин — без чая дядька мог даже во двор не пустить. К чаю купил «Наполеон» в двух вариантах и целый пакет полуфабрикатов. Поесть любили и дядя, и племянник. На Льве Борисовиче это никак не сказывалось, а Герман регулярно пользовался своим абонементом в бассейн.

Спать он ушел рано. Вернее, зло ворочаться с боку на бок. Заснуть не удавалось, перед глазами постоянно мельтешила Юлька, так что хотелось взять телефон и набрать ее номер. Чтобы просто услышать ее голос. Или услышать в ее голосе, что она соскучилась, а все обидное было сказано в порыве ссоры. Что там она ему говорила? Что он идиот, что она с ним чахнет, что он не способен не экспромт... На экспромт он не способен! Да он практически гуру экспромта!

Вот например... вот например взять и жениться... на первой встречной. Это же не входит в расписанную по минутам жизнь? Это вообще никуда не входит. Значит, жениться. Где взять первую встречную?.. Да хотя бы эта... Даша Чугай. Сама под машину бросилась. Чем не вариант?

Мысли Германа метались со скоростью лавины.

Оставалось придумать повод явиться в библиотеку — не Вольтера же листать в читальном зале, в самом деле! Сомнений, что она согласится, не возникло. Сельская библиотечка и столичный врач. Кто в своем уме откажется? А если откажется? Надо вроде как поухаживать.

Наверное.

И тут он понял, что оказался в замкнутом кругу. Безрезультатно блуждая в нем, Герман, наконец, заснул.

Но следующий день был определенно днем Германа Валентиновича Липковича. По дороге в кухню он обнаружил забытый Дашей дождевик. Поэтому сразу же после завтрака столичный врач с дождевиком подмышкой отправился напрямик в библиотеку.

Утро, опять же на счастье Германа, было пасмурным. Потому дождевик вполне мог оказаться кстати. А благодарность тоже могла сыграть в плюс.

Библиотека располагалась на втором этаже двухэтажного здания в центре поселка, а на первом разместились многочисленные магазинчики, ателье, ремонт обуви, часов, зонтов и бог знает чего еще. Словом, нечто среднее между домом быта и храмом литературы. Еще лет пятнадцать назад здание полностью принадлежало библиотеке. Потом часть помещений сдали в аренду. Но арендованная площадь все росла, а библиотеке с каждым годом приходилось тесниться все сильнее.

В читальном зале сидело пару пенсионеров. У стола библиотекаря книгу сдавала девочка старшего школьного возраста. Даша заполняла формуляр и, не отрывая глаз, спросила:

— Выбрали, что еще возьмете?

— Ничего, Дарья Михайловна. На каникулы уезжаю.

— Хорошо вам, у вас каникулы, — рассмеялась Даша и, наконец, подняла взгляд.

— Приезжих записываете? — спросил Герман.

Он стоял у ее стола и улыбался. Слишком весело для этого пасмурного утра.

— Вообще-то... не положено, — виновато ответила Даша, забрала у девочки книгу, кивнула ей на прощание и снова повернулась к Герману. — Но... могу оформить на Льва Борисовича, если хотите.

Сегодня она выглядела иначе. Волосы были заплетены в замысловатую косу, начинавшуюся с одной стороны, оплетающую голову по затылку и заканчивающуюся пушистым кончиком на плече. Лицо в форме сердечка — сейчас спокойное, не такое, как накануне — почти совсем лишено косметики. Только пухлые губы подкрашены блеском. На ней было что-то светлое, отчего она казалась еще моложе, чем вчера. И улыбка у нее сейчас не была вымученной. Даже наоборот — приветливой.

— То есть поддержание моего уровня культурного развития, пока я в отпуске в вашем поселке, я должен начинать с обмана? Интересно! — сказал Герман очень серьезно.

— Ну... уровень культурного развития вы вполне можете поддерживать и дома — у вас библиотека не хуже. Знаете, сколько книг сюда от вас перекочевало?

— Точная цифра мне неизвестна. А вы знаете?

— Нет. Могу посмотреть, если хотите. Но довольно того, что у нас теперь хранятся «Темные аллеи» 1946 года издания. Париж. В отличном состоянии.

— Да нет, не хочу, — он обвел взглядом помещение библиотеки.

Длинные, близко стоящие друг к другу стеллажи — так, что между ними разве что и протиснется такая, как Даша. Корешки книг всевозможных цветов, форм и размеров. На самом видном месте, за спиной библиотекаря, БСЭ — второе и третье издания. Столик, на котором лежат газеты и журналы. Потертое кресло. Допотопные плафоны двух ламп дневного света на потолке. И множество цветов на подоконниках.

— Вы у нас свой дождевик забыли, — заговорил Герман снова.

— Я знаю. Я дома заметила... Но неловко было звонить Льву Борисовичу по такому пустяку. Думала заехать, когда нога немного пройдет.

— Сильно болит? Давайте посмотрю.

— Не надо. Все нормально! Болит в пределах допустимого. Я утром снова обработала и перевязала.

— Сама? — удивился Герман и посмотрел на девушку внимательнее. И теперь заметил ее прическу, ярко очерченный рот и глаза удивительного голубого цвета. Увиденное ему понравилось, и он улыбнулся.

— Сама, — засмеялась Даша, будто сказала что-то очень смешное, но тут же смутилась. — Мы в некотором роде коллеги... вернее не то чтобы... но... — она замолчала, перевела дыхание, собралась с духом и выпалила: — Я окончила ветеринарный техникум. Правда, ни дня не работала по специальности, но повязку наложить в состоянии.

— Зачем же учились? Шли бы на библиотечный...

Даша резко помрачнела и зачем-то завозилась с оставленной предыдущей посетительницей книгой. Снова посмотрела на формуляр, на обложку. Потом вскочила со стула и, неловко кивнув Герману, проковыляла куда-то вглубь помещения, между стеллажами. Однако вернулась быстро. Без книги, зато с улыбкой.

— Так получилось, — заявила она. — Техникум закончила, у нас в поселке единственная ветеринарная клиника. Туда без диплома о высшем образовании меня точно никто не взял бы. А в библиотеке место было, вот и... А вы доктор чего?..

— Головы, — рассмеялся Липкович. — Даш, а вы до которого часа работаете?

— До шести, как все.

— Я приглашаю вас на прогулку. В шесть.

Улыбка стерлась с ее лица, и она замерла, глядя на него. Очень внимательно и настороженно. Потом покосилась на свои ноги, сейчас спрятанные под свободными светлыми брюками, и ответила:

— Из меня сегодня компания так себе. Ходок я никакой. Разве только, если хотите, можем посидеть где-то... в парке или на речке.

— Давайте в парке. Мороженое любите?

— Мне всегда было интересно, кто его не любит.

— Случается, — безрадостно ответил Герман.

Юлька не любила. У нее была целая теория о бесполезности мороженого, в которой содержалось множество пунктов, но он отчего-то запомнил только два. От мороженого портятся зубы, и оно для фигуры — смерть. Предложение вместе ходить в бассейн не срабатывало. Извлечение из стройной теории одного пункта не отменяло всего учения в целом.

— Значит, я буду у вас в шесть.

— Хорошо... Я буду вас ждать, — сказала она и тут же хихикнула: — Дождевик-то отдайте! Он мне еще пригодится.

Рассмеявшись в ответ, Герман протянул ей дождевик.

— А у меня есть большой, даже огромный зонт.

Даша смерила его почти оценивающим взглядом, так не вязавшимся со всем ее видом, и тут же решительно уточнила:

— Такой, под которым можно гулять вдвоем?

Должно быть, кокетничала.

— Именно такой!

— Тогда, так и быть, не буду таскаться с ним весь день, — ответила она и сунула свернутый дождевик в ящик стола.

Липкович приехал за ней к шести. Им повезло, несмотря на тучи, медленно ползущие по серому, совсем не летнему небу, зонт им не пригодился. Они гуляли в парке, ели мороженое и говорили о Бродском. Герман поймал на себе пару удивленных взглядов прохожих, которые здоровались с Дашей.

На следующий день ровно в шесть Липкович был у библиотеки. Небо было гораздо светлее, чем накануне. Они гуляли в парке, ели мороженое и говорили о важности пропедевтики.

Еще через день Герман явился с букетом розовых пионов. Солнце слепило, и прятаться от него в тени парка было приятно. На них по-прежнему смотрели с любопытством, а они молча ели мороженое.

На четвертый день наступил кризис. Даша предложила сходить в кино. Из предложенного репертуара был выбран какой-то вестерн, как меньшее из двух зол. Они ели попкорн и смеялись там, где весь зал дружно всхлипывал.

Утром пятого дня Лев Борисович, почесывая небритую щеку, выплыл из дома и неспешно проследовал к грядкам с рассадой, где размахивал тляпкой Герман.

— Правильно, пока не жарко, — задумчиво сказал он.

— Сезон дождей сменился сезоном палящего солнца, — отозвался племянник и разогнулся.

— Мир — штука чертовски непостоянная, — философски заключил дядя, — для созерцателя — вечный ребус.

— Угу, — не менее философски подтвердил Герман.

Несколько мгновений Лев Борисович наблюдал за движениями племянника, снова взявшегося за прополку. Потом невнятно крикнул и промолвил почти человеческим голосом:

— Вы с библиотекаршей примелькались аборигенам. Даже мне донесли.

— И что? — не отрываясь от тляпки, спросил Герман.

— Отвлекаешься?

— У меня отпуск.

— Аааа... — протянул Лев Борисович. — Третья грядка от меня — крайний левый куст. Пропустил. Будь внимательнее.

— Угу, — буркнул племянник.

Несколько минут Липкович-старший еще постоял над душой Липковича-младшего. А потом снова невнятно крикнул и направился в дом. Через пять минут на всю округу загрохотал Сержант Пеппер.

Липкович же младший понял наставление о внимательности буквально во всех отношениях.

Утром он аккуратно прополкал пропущенный куст.

Днем не менее внимательно размышлял о настоящем и анализировал прошлое, когда в его жизни была только Юлька, и Герман бы долго смеялся, если бы в то время ему сказали, что однажды он будет гулять с юной ветеринаршей без опыта работы в каком-то там Козельце. И разве это похоже на «гулять»? Это вообще ни на что не похоже! Потому что и сейчас он любит Юльку, а ветеринарша — временное явление, которое должно...

Но дальше мысль перескакивала на маячившее впереди окончание отпуска и неизбежность форсирования событий.

Поэтому вечером Герман Липкович перешел к наступательным действиям собственного блицкрига. И приблизительно на третьей минуте совместной прогулки у реки — некоторое

разнообразие всегда идет на пользу отношениям — он резко наклонился к Даше и коротко поцеловал ее в губы. После чего, глядя ей в глаза, сказал:

— Выходите за меня замуж.

— А? — икнула Даша, видимо, еще не отошедшая от внезапности поцелуя.

— Замуж, говорю, за меня выходите, — повторил Герман, стараясь говорить максимально доходчиво. Так он обычно разговаривал с родственниками своих пациентов.

Еще какое-то время она внимательно рассматривала его, почти не моргая. В ее глазах читались одновременно удивление, недоверие и явный отказ. Но тут где-то в стороне раздалось протяжное блеяние коз, и показались две пенсионерки, этих самых коз погоняющие, с лозами в руках. Даша, наконец, улыбнулась и вопреки тому, что все еще было в ее взгляде, радостно и звонко проговорила:

— Я согласна.

И в довершение всего, бросилась ему на шею, чего явно не ожидал уже ни он, ни невольные свидетельницы самого дурацкого в мире предложения. Герман сначала обнял ее в ответ, потом подумал, потом и сам заметил старушек с их козами, потом спросил совсем не романтично:

— Вы в ЗАГСе кого-нибудь знаете?

А она не менее неромантично ответила:

— Это Козелец. Здесь все друг друга знают хотя бы косвенно.

— Значит, завтра к вашим косвенным знакомым пойдем. Договариваться, чтобы сразу расписали.

— Как это — сразу?

— Завтра же.

Даша тихонько пискнула. И отстранилась. Старушки тоже притихли, спрятавшись за кустом шиповника, но никуда не ушли. Козы невозмутимо жевали траву.

— Это ничего, если мы никого не предупредим? — спросила новоиспеченная невеста.

— А надо?

— Я думаю, нет, — не раздумывая, сообщила она.

— Ну вот и договорились, — подвел итог переговоров Герман. — Купаться идем?

— Нет! — ее голос звучал очень серьезно. — Я домой. Мне же... собраться надо... да?

— Да? — переспросил он. — Хорошо, домой так домой.

Назад шли молча. Даша притихла, что-то обмозговывая. К любопытным взглядам «аборигенов» уже выработался иммунитет. У калитки своего двора невеста на всякий случай поинтересовалась:

— А у вас еще много отпуска осталось, или мы сразу уедем?

— Немного, поэтому уедем сразу.

Кажется, его ответ ей понравился. Потому что лицо ее сразу же просветлело. Она еще немного помялась на месте. Встала на носочки, быстро поцеловала его щеку, будто клюнула, сказала: «Тогда завтра в девять!» И умчалась к себе.

Ровно в девять утра следующего дня Герман подъехал к дому Даше и дважды просигналил. В девять ноль три калитка скрипнула, и из нее показалась голова невесты. Она оглянулась по сторонам. На улице было довольно оживленно. Тяжело вздохнула. И вышла из двора вся. Полностью. В ярко-голубом платье в розовый цветочек, закрывающем по-прежнему залепленное пластырем колено, но открывающем линию плеч в вырезе-лодочке. С распущенными по плечам пышными волосами и в белых туфлях на каблуках. Помяв в руках

широкий клатч — под туфли — она подошла к машине и неловко сказала:

— Привет...

— Привет, — хмыкнул Герман.

В отличие от Даши, его внешний вид мало говорил о намерениях. Джинсы и футболка с яркой надписью на спине ничуть не выдавали в нем жениха, темные очки скрывали глаза, в которых иногда проскальзывало недоумение от собственных поступков, а лохматые волосы весело кудрявились, будто давно не знали расчески.

— Красивое платье, — добавил он.

— Спасибо, — промямлила она и, снова повернувшись к калитке, выкатила чемодан на колесиках. А потом сообщила: — Нам на Сидорука, 9.

— Да я помню, — сказал Герман, укладывая чемодан в багажник.

— И как ехать, помните?

— Да что тут у вас ехать! Пьяным и то не заблудишься, — вырвалось у Германа.

— Ну знаете, — вспыхнула она, — вы приезжий. Естественно, я уточняю! Не я же за рулем!

В общем-то, чем она могла рулить, кроме велосипеда? В любом случае, вид ее был не самым довольным, и, вместо того, чтобы влюбленно взирать на своего жениха, как то полагается порядочной молодой, Даша мрачно смотрела прямо перед собой.

— Вы передумали? — поинтересовался Липкович на ближайшем светофоре.

— Нет.

— Тогда приехали, — сказал он и припарковался в стороне от главного входа в ЗАГС.

Даша тяжело вздохнула и обреченно посмотрела на будущего мужа.

— А вы не передумали? — зачем-то спросила она.

— Ну, если уж я забрал вас с вещами и привез сюда...

Он помог ей выбраться из машины и уверенно вошел в здание, поймав себя на неожиданной мысли — если бы шел в ЗАГС с Юлькой, то обязательно бы жутко волновался. А сейчас было спокойно.

Герман крепко ухватил Дашу за руку.

— Дальше я точно не знаю, — сказал он.

Невеста пожала плечами и уверенно повела его по коридору — напрямик в кабинет директрисы. «Договариваться». Через сорок пять минут они вышли из этого кабинета со штампами в паспортах и свидетельством о заключении брака в клатче новобрачной.

— Отметим дома? — спросил Герман.

— Давайте уже уедем куда-нибудь, — только и сказала она. Выглядела вялой и сонной. Будто «церемония бракосочетания» утомила ее больше, чем месяц каторжного труда на тростниковых плантациях.

Он кивнул, и они поехали за его вещами.

— Дядь Лёв! — крикнул он, входя в дом. — Я уезжаю.

Дядя Лёва показался в коридоре неожиданно быстро. Смотрел на племянника далеко не самыми трезвыми глазами. Но осуждающе — а довести его до такого еще постараться надо. Он спокойно пронаблюдал за тем, как Герман скрылся на втором этаже, за тем, как он потом спустился вниз с сумкой, за тем, как торопливо обувался. И лишь в конце поинтересовался:

— Гера, что за нафиг?

— Все нормально, — пожал тот плечами.

— Ну-ну. Жене привет.

— Обязательно, — усмехнулся Герман. — Еще чего скажешь?

— Не, я не скажу. Валентин потом скажет.

— Не думаю, что ради этого он станет тратить свое время. Ладно, дядь Лёв. Ты звони, если что...

— Как всегда.

Едва за племянником захлопнулась дверь, Лев Борисович тяжело выдохнул:

— Мрак какой-то!

Врубил Битлз и пошел заваривать чай.

А Герман включил радио, которое быстро замолчало, едва выехали на трассу. В наступившей тишине, перекрываемой ревом мотора, они в скором времени доехали до Киева и пробрались сквозь столичные пробки.

— Приехали, — сообщил Липкович, сворачивая во двор, под раскидистый вяз, где было «его» место. Достал из багажника чемодан Даши и свою сумку и прошел к подъезду. — Не отставай!

Она и не отставала. Не смотрела по сторонам. Шла за ним почти шаг в шаг. И была совершенно погружена в себя. Вошли в подъезд, лифт вызывать он не стал. Оказалось, жил на втором этаже. Вошел в квартиру. Жена прошмыгнула следом. И нерешительно остановилась.

— Проходи, — сказал Герман, разуваясь. — Тапочек нет, потом можем съездить купить. И что там еще понадобится.

Сам он обошел квартиру — Юлька забрала все свои вещи, как и обещала. И даже кое-что из того, что покупал он, потому что она «хотела». В общем, съехала основательно. Но Герман все еще надеялся.

— Надо бы поесть чего-нибудь, — сказал он, возвращаясь в прихожую к Даше. Она так и не сдвинулась с места. — Кто первый в душ?

— Я не знаю, где у вас душ.

— Слава богу, не посреди комнаты, — проворчал он. — Идемте, покажу.

Даша снова засеменила за ним, ни слова не говоря.

Он распахнул дверь в ванную, включил свет.

— В шкафу есть чистые полотенца.

— Спасибо. Этим мылом можно воспользоваться? — она ткнула пальцем во флакон.

— Можно. Берите все, что нужно.

Она выдохнула. Весь ее вид говорил о том, насколько ей не по себе. Но храбрилась. Потому торопливо попросила:

— Мне хотелось бы... если можно, разумеется, первый раз душ на новом месте принимать в некоем уединении.

— А я уж было понадеялся, что меня чем-нибудь удивят, — съязвил Герман и отошел от двери.

Та быстро захлопнулась. И до него донесся звук бегущей из крана воды.

Дальше было еще хуже. Молодожены обедали в неловком молчании. И если тишину в пути с некоторой натяжкой можно было объяснить тем, что он внимательно следил за дорогой, то сейчас все это выглядело откровенным идиотизмом. Только позвякивали приборы. Правда, Даше в некотором роде все же удалось его удивить. Пока он был в душе, она умудрилась соорудить пиццу на сковороде, хотя и вегетарианскую — не стала доверять

провалявшимся неизвестно сколько в холодильнике двум сосискам.

Выгружая блюдо на тарелки, пробормотала, будто извиняясь:

— Сыр был нормальный. А у сметаны срок годности вчера истек. Но, вроде, судя по запаху, не сказалось...

Больше она совсем ничего не говорила. А сразу после обеда отправилась разбирать чемодан, пытаясь при этом выглядеть жутко занятой. Из спальни она не показывалась. Что дало возможность Герману взглянуть на текущее положение вещей здраво и трезво. Впервые за прошедшую неделю. И перед ним ясно встала одна большая проблема — предстоящая первая брачная ночь. Внезапный брак, которым можно будет выпендриться перед Юлькой, — это глупость, шутка, ерунда. Переспать с посторонней женщиной... Это уже измена, самая настоящая. Но Даша же тоже что-то думает по этому поводу. И если она на что-то рассчитывает...

Герман резко поднялся и достал из бара бутылку коньяка.

Но не успел и капли налить в рюмку, как до него донесся Дашин дрожащий голос:

— Я не могу...

— Коньяку хотите? — поинтересовался Герман.

— Ннет... не знаю... Вы слышали? Я не могу, мне лучше уехать...

Он выпил сам, все-таки протянул бокал ей и вопросительно посмотрел на нее. Она кивнула.

— Ну и?.. — спросил Герман.

— Ну и... все. Вы же сами видите, что все это как-то... нелепо получилось.

— Что вы предлагаете?

— Я уеду. Маршрутки каждые полчаса ходят. Или, если хотите, сразу разведемся, а потом уеду. Как вам будет удобнее.

— Почему вы хотите уехать? — спросил Герман и снова выпил.

— Да потому что я обманула вас! — воскликнула Даша и разрыдалась.

Утро на то и утро, чтобы у всех людей начинаться очень похоже. Особенно в будние дни, когда все расписано по минутам от момента пробуждения до выхода на работу. Утро Даши Чугай начиналось всегда одинаково. Даже если это было утро одного из последних дней перед свадьбой.

Она вставала в 7:30 и все еще с закрытыми глазами шла на кухню — ставить молоко. Пока то закипало, она смешивала в чашке какао и сахар. Все так же не раскрывая глаз. И уже потом, вливая кипяток в чашку и помешивая, она вынуждена была внимательно наблюдать за процессом — чтобы не осталось комков. Какао с комками — это моветон.

Пока напиток остывал, Даша принимала душ. А потом у нее было законных полчаса на завтрак и ленту новостей в соцсети. И на молчание. Рабочий день предполагал, что к вечеру она будет чувствовать себя выжатым лимоном с большими проблемами в артикуляции. Правда, летом с этим было попроще — хоть школьники не донимали. В общем-то, ничего особенного. Она привыкла.

Утро четверга началось необычно. Утро четверга началось с смски, когда она еще даже не успела встать.

«Еду в командировку. Два дня. Буду в субботу утром. Ты у меня самая красивая».

Даша сонно улыбнулась, потянулась и нащелкала ответ:

«Встретимся у ЗАГСа. Не забудь галстук надеть, жених».

Полежала еще несколько минут в дурацком ожидании ответа. Но ответа так и не прилетело. «Лодырь!» — хмыкнула Даша и встала с постели.

Дальше все шло по плану с отставанием на пять минут, несанкционированно проведенных в постели. Потому на завтрак и соцсети время пришлось урезать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

К девяти Даша была в библиотеке и уныло вздыхала о том, что впереди еще целых два дня. Два дня! И она расстанется с девичьей фамилией, окончательно став Гороховатской, как она и мечтала последние лет пять своей не очень длинной жизни. Сначала — пока Витя не замечал ее детской влюбленности. Потом — когда начал за ней ухаживать, едва она достаточно подросла, чтобы его заинтересовать. Хоть в чем-то жизнь должна сложиться. А родители всегда говорили, что семья — это главное. Впрочем, что ей еще оставалось, если с остальным были весомые проблемы и полная неудовлетворенность?

В первый час работы почти всегда было тихо и немногочленно. Даша спокойно заваривала себя чашку чаю. И зарывалась носом в очередную книгу. Читала она много и особенно страстно. И не только учебники по ветеринарной токсикологии. Сейчас еще и торопилась. У нее оставалось всего несколько дней, чтобы осилить семитомник известного французского писателя о средневековой Франции. А потом...

— Привет, Даха! — в библиотеку влетела ураганом Таська Нелюбина, одноклассница и лучшая подружка. — Танцуй!

— Танцы — это в субботу. Сегодня рано.

— В Лемеша ветеринар нужен, балда!

Даша оторвалась от книги и чуть не подпрыгнула на стуле.

— А куда?

— Кочубеи на ферму ищут.

— Это ж рядом! — обрадовалась Даша. — Пятнадцать минут всего! Откуда знаешь?

— Анька Кочубей рассказала Ваню-водиле, она сейчас с ним гуляет, тот брату своему брякнул. А брат его с Федором моим корешится, — принялась подробно объяснять Тася. — Вооот, так и узнала.

— Да уж, агентурная сеть! — рассмеялась библиотекарь-ветеринар и тут же задумалась. — Черт! В субботу свадьба, а в конце следующей недели Турция! Только завтра... и согласятся ли ждать... Таська!

— Что Таська? Ты и так уже сколько времени торчишь тут, как книжный... — она махнула рукой. — Поезжай и спроси. Может, и подождут.

— Поехать и спросить... — Даша закусила губу и посмотрела за окно, соображая.

Конечно, Тася права. Поехать и спросить. Даже если откажут — спрос не бьет в нос. Так она говорила себе каждый раз при очередной попытке вырваться из замкнутого круга, в который сама себя загнала.

Всю жизнь с самого детства она хотела быть ветеринаром. Это была ее первая по величине мечта. Даже больше, чем выйти замуж за Виктора. Но только выслушивала от родителей доводы о целесообразности поступления либо на учетно-финансовый (мамино мнение), либо на что-нибудь надежное, крепкое, технарское (папино мнение). Даша сделала по-своему. Окончила девять классов и отнесла документы в Козелецкий техникум ветеринарной медицины. Естественно, без ведома родителей. Скандал был грандиозный. Но обошлось. Кардинальных мер никто предпринимать не стал, оставили в покое. В итоге технарь она окончила с красным дипломом. На этом везение все вышло. Уже в тот же год случился облом — в НУБИП на соответствующий факультет она не поступила. В ветеринарную клинику в Козельце не взяли — без высшего образования и опыта работы. Несколько других заведений, куда она попадала, в ее услугах тоже не нуждались. Аргументировали тем же. А где его возьмешь, этот опыт работы, если саму работу не найдешь?

Зато в Козелецкой библиотеке нашлось место библиотекаря. Куда ее и определили по собственному почину вездесущие родители. Правда, это не мешало Даше периодически мчаться, очертя голову, на какую-то очередную ферму или в ветклинику у черта на рогах, чтобы поискать еще хоть что-нибудь по специальности. И в Киев под всеобщие клеветки ее больше не отпустили — но героизировать она и сама теперь не решалась. Слишком болезненно долбануло.

— Таськ, — медленно проговорила Даша, — а вдруг, и правда, подождут... если судьба, а? Все же так хорошо складывается. Свадьба, ферма... Если получится, напьюсь.

— Обязательно напьемся. На твоей свадьбе, — рассмеялась Таська. — Все, небось, уже готово?

— Наверное. Родители занимаются. Платье — точно готово. Вчера весь вечер гладила.

Подружка удивленно воззрилась на Дашу.

— А чего попроще не было? Ну, чтобы не гладить.

— Я не хочу быть тортом с занавеской, — надулась Даша. — Сама фасон придумала! Оно такое... легкое-легкое... В субботу увидишь.

— Ну-ну... Все равно помнется, — глубокомысленно заявила Тася. — Я вот напрокат взяла — и не парилась.

— Прокат — это не свое. Это чужое. А мне чужого не надо. Мне вообще много не надо.

Беда была в том, что при своих не очень больших запросах, в итоге Даша осталась без

всего. А счастье было так возможно.

На пятницу она отпросилась с работы. В сущности, предлог был вполне себе реальный, не надуманный — последний день перед свадьбой, когда еще очень много всего надо успеть. По мелочи, но надо. В итоге выкупать и отвозить каравай и торт в кафе, где планировалась гулянка, были командированы Таська с Федором. Остальным занимались родители. Виктору была отправлена жизнерадостная смска (они редко звонили друг другу — его раздражали телефонные разговоры): «Спиртное твои вчера перевезли. Мои везут нарезку. А у меня, наверное, будет для тебя сюрприз». А сама Даша, вооружившись книгой «Болезни домашней птицы», отправилась в Лемешу.

Она прогадала. Никаких птиц на ферме Кочубеев не наблюдалось. Был свинарник. Большой такой свинарник, запах от которого разносился по всей округе в особенно жаркие дни. Сейчас, правда, стояла страшная сырость, и лето было не очень знойным. Потому вполне себе можно жить. Но вот следующая ошибка состояла в том, что и ветеринар им был не нужен. Нужна была уборщица. Убирать за животными.

Василий Леонтьевич, владелец свинарника, смотрел на Дашу сквозь толстые линзы очков и улыбался. Она мялась на месте и не знала, смеяться или плакать.

— Ну... Хотите, попробуйте за поросятами ухаживать, — неловко проговорил Кочубей. Девушке с такими голубыми глазами совсем отказывать было даже как-то неловко.

— Спасибо за предложение, — улыбнулась девушка с голубыми глазами, — я подумаю.

В общем-то, ничего нового не произошло. Накрапывал дождь. Даша плелась на остановку, чтобы успеть вернуться в Козелец — и желательно до обеда. В конце концов, ей еще на маникюр. И нужно очень постараться, чтобы очередное разочарование в сфере карьеры не сказалось на завтрашнем настроении.

Ей это вполне могло удалиться. Даже почти без вариантов могло. Если бы настроение не было испорчено еще одним свершившимся на ее глазах фактом, вероятности которого она этим утром даже не предполагала.

На остановке стояла темно-зеленая Нива. Сердце подпрыгнуло. И по лицу расплзлась улыбка. Даша сложила зонт в сумку и бросилась к машине почти бегом, несмотря на давившие туфли на каблуках, от которых уже изрядно устали ноги.

— У тебя командировка закончилась? — это было единственное, что она успела произнести, наклонившись к приоткрытому окошку прежде, чем задохнуться.

Ее глазам предстала полная романтики картина: страстный поцелуй и не менее страстные объятия. И даже мужская рука, жадно исследующая женское тело под кофточкой, могла бы выглядеть вполне безобидно, если бы не одно но...

— А ты чего здесь делаешь? — проворчал Витек, неохотно оставляя барышню в покое. На его щеке заметно выделялся размазанный след от помады.

Даша ойкнула и отлепилась от окошка Нивы. Еще раз осмотрела машину, будто не верила своим глазам, и снова наклонилась, чтобы убедиться... В чем убедиться? В том, что ее жених накануне свадьбы лапает какую-то постороннюю барышню? Убедилась!

Спутница жениха издала нечленораздельный звук и спрятала лицо в волосах.

— Витя... — прошептала Даша, все-таки не веря.

— На самом деле, все совсем не так! — рявкнул он.

Тут встрепенулась девушка, облапанная им несколько мгновений назад. Из-под волос показалась хорошенькая мордашка с острыми карими глазками. И вместе с Дашей хором эта мордашка выдохнула:

— А как?

— Это ничего не значит! — сказал Витек, не глядя ни на одну из девушек.

— Ах ничего! — взвизгнула кареглазая. И коварный изменщик получил звонкую оплеуху. Дверца машины дернулась, и барышня вылетела из автомобиля, едва не сбив с ног Дашу. Та едва успела отскочить в сторону. Но разлучнице и того было мало, она снова обернулась к Витьку и заорала: — Это член у тебя ничего не значит! Незначительная хреновина! Девушка, не рекомендую!

И с этими словами она помчалась по улице прочь. Даша только и успела что всхлипнуть.

— Вот дура, — буркнул Витька и посмотрел на Дашу. — Слушай, ну это ерунда все, правда.

— Ерунда? — чуть не поперхнулась она. — То, что сейчас было, это ерунда? Это она — твоя командировка, да?

— Слушай, ну не начинай, — протянул он со скукой в голосе. — Поехали домой, что ли...

— То есть ты считаешь, что это нормально, да? Чтобы я после этого... куда? В твою машину села? На место... этой?

— Пешком пойдешь? — он вышел из авто и сделал шаг к Даше. — Ну это... ну типа проверки, что ли...

— Проверки? Это была проверка? Ты уехал в «командировку» к ней на два дня, а... а завтра свадьба... У нас с тобой завтра свадьба, а ты проверял?

— Вот именно потому, что у нас с тобой свадьба завтра, я проверял! — крикнул Витька.

— Что ты проверял? — ошеломленно переспросила Даша. — Себя? Меня? Эту?

— Да с вами обеими и так все ясно! — пробурчал Витька.

На мгновение ей показалось, что он ударил ее по лицу. Словно она кожей почувствовала звонкий шлепок, а потом горячее красное пятно стало расплзаться от места удара. Оно пекло и болезненно пульсировало. И сделать с этим она ничего не могла. Могла бы только ударить в ответ, да не знала как.

— И как? Проверил? — медленно проговорила Даша.

— Даш, ну че ты?..

— Так проверил или нет?

— Допустим! — разозлился Витька. — Проверил! Счастлива?

— Нет, не счастлива. Завтра я планировала стать твоей женой. А сегодня... А сегодня ты мне изменил и ведешь себя так, будто ничего не случилось. Но ведь случилось же, Вить...

— Да нифига я тебе не изменял! Говорю, это ничего не значит. Чего непонятного? — он орал уже на всю улицу. Люди с остановки с любопытством оглядывались на них.

— А! Ну да! Это была проверка, а не измена! — воскликнула Даша. — Мои чувства при этом не в счет. Такая мелочь! То, что я тебя люблю, значения не имеет. У тебя был секс в качестве эксперимента! Ты ее хоть где подцепил?

— Тебе оно нужно?

Вопрос был своевременным. Она уже собиралась, было, выпалить, что нужно, но на мгновение ее внимание привлекла старушка, шедшая по другой стороне улицы за руку с ребенком. Черт его знает, что за процесс запустился в ее голове, но желание хоть что-то понимать куда-то исчезло. Даша поморгала, будто отгоняя наваждение, и отчетливо произнесла:

— Мне уже ничего не нужно.

Витька кивнул.

— Успокоилась? Вот и не делай из мухи слона.

— Не буду. Предупреди, пожалуйста, гостей с вашей стороны, что все отменяется, хорошо?

— Все вот прям так серьезно?

Даша улыбнулась и пожала плечами. Понимала, что если не улыбнется, то обязательно расплечется. Первое было предпочтительнее.

— Вить, ты так и не понял, что все связанное с тобой для меня всегда серьезно?

— Дашка, кончай дуться. Поехали домой! С ветерком доведу, — рассмеялся парень.

— Не, я на автобусе, — мягко ответила Даша, развернулась на сто восемьдесят градусов и побрела к козырьку остановки. Туфли, кажется, стали жать еще больше. И лужи под ногами немного пугали — вдруг под водой ямка. Осталось только ногу сломать для полного счастья.

Неожиданно даже для самой себя Даша вдруг остановилась, оглянулась на жениха, теперь уже бывшего, и как-то легко, непохоже на себя, не так, как чувствовала, произнесла:

— А ты тоже проверку не прошел!

Витька в ответ пожал плечами, бросил себя в машину и громко хлопнул дверцей. Потом тормоза взвизгнули, из-под колес вырвались комья грязи, и машина резко рванула с места в сторону Козельца.

Даша вернулась домой только к полудню с совершенным осознанием, что грядет грандиозный скандал. Прямо сейчас. И, что характерно, ей хотелось просто лечь на диван, уткнувшись носом в его мягкую спинку, поджать колени. И не вставать, пока все не закончится. Но у нее не было вариантов.

Несколько мгновений она стояла у ворот дома, не понимая, что говорить, когда встретится взглядом с мамой. Вот этого она действительно боялась. Потому что прекрасно представляла себе то разочарование, которое обязательно промелькнет в ее глазах. Об отце и говорить не стоило. Там не промелькнет — там разразится.

Даша тяжело выдохнула.

И открыла калитку.

Истеричные женские крики и грозные мужские порывкивания на пересечении Толстого и Журавлева раздавались едва ли не до самого вечера.

Великое множество аргументов, основным из которых был «все оплачено!», сыпались на несчастную Дашкину голову с завидной регулярностью. А вот сказать, что Витя попросту изменил ей за два дня до свадьбы, у нее язык так и не повернулся. Потому что с ее везучестью это выглядело так, будто с ней и жить нормально нельзя. Остаток вечера Дашка лично обзванивала приглашенных гостей, извинялась и сообщала, что мероприятие отменяется. Потому что «хватит позорить родителей, разбирайся сама!» В общем-то, она и разобралась... сама.

Приблизительно в 22:30 у Таськи и Федьки зазвонил телефон.

— Пустите переночевать? — раздался вялый Дашкин голос, у которой к тому времени уже заплетался язык.

— Случилось чего? — любопытствовала подруга.

— Случилось. Я уже ни в какой замуж не выхожу.

— Как это не выходишь? Ты с березы рухнула?!

— Лучше бы с березы. Такпустишь или нет? Я не могу здесь... он же утром приедет... точно приедет.

— Да приходи уже. Заодно и расскажешь, что там у тебя случилось, — сердито сказала Тася.

В общем, ночью никто, кроме Федьки в кресле, не спал. И тот просыпался от периодических всхлипов. И удивлялся — он ни разу в жизни не видел Дашу Чугай пьяной. Но теперь смело мог сказать, что невозможное тоже бывает возможно.

Девушки сидели на диванчике на кухне, почти в обнимку, библиотекарьша ревела, Таська вытирала ей слезы и периодически восклицала: «Вот гад!» Федор кивал, когда при особенно громких всхлипах открывал глаза. Соглашаться с супругой было первой обязанностью мужа. По всей видимости, потому у Дашки с Витькой и не сложилось — он не согласился, что изменял. Никогда нельзя спорить с огорченной женщиной. Никогда.

— И самое обидное! — рыдала Даша, подтверждая Федино умозаключение. — Самое обидное, что он даже не считает, что сделал что-то неправильное! Для него это в порядке вещей, понимаешь?

— Мужики — странные особи. Не поймешь их, конечно. Но я б Федьку за такое урыла! — заявила Тася, сосредоточенно хрумая огурцом.

— Я не умею урывать!

— Ну отомсти...

Даша всхлипнула, и рука ее потянулась за рюмкой. Тушь, размазавшаяся по лицу, добавляла ситуации драматизма.

— Это я тоже не умею, — сообщила она важно. — Помнишь, как Егор мою домашку перекатал, а подумали, что я у него?

— Ну ты сравнила, — протянула нетрезво Таська.

— Позор на всю жизнь! Я до сих пор вспоминаю... Короче, не умею...

— Пора учиться. Что ты все как маленькая? Пусть твой Витька тоже... прочувствует!

— Да?

— Да!

Даша замолчала. Смотрела куда-то мимо Таськи, мимо Федьки и даже мимо рюмки. А потом шумно вздохнула.

— Отмена свадьбы мстью не считается, да?

— Нет. Отомстить нужно по-крупному. Так, чтоб этот гад все понял! — подружка глубокомысленно подняла вверх палец. — Понимаешь?

Даша уверенно кивнула.

— Не понимаю!

— Измени ему, — вынырнул на мгновение Федька из состояния анабиоза и переместил

сонную голову с одной руки на другую.

— Вот! А я про что! — радостно воскликнула Тася, нежно глянув на мужа. Он всегда понимал ее с полуслова.

— Как это изм... менить? — икнула Даша.

— Как обычно! Так же, как и он!

Как и он. Перед Дашиными глазами промелькнула Витина рука, шарившая под кофточкой разлучницы. Она сжала зубы, чувствуя, что еще немного и заорет.

— Это противно... с посторонним мужиком...

— Значит, надо найти такого, с которым не противно, — ударилась Тася в рассуждения. — Витька твой не Брэд Питт, чтобы, кроме него, никто не нравился совсем.

— Да я же... Я... Ни с кем... — задохнулась возмущением Даша. Федя заинтересованным приподнял голову, а она продолжила лопотать: — Мне, кроме Вити, кто угодно посторонний.

— Что ты как маленькая, — отмахнулась от нее обиженно Таська и поднялась. — Все, спать пошла. Федор!

— Да уже через час вставать на свадьбу собираться, — сонно сообщил Федька.

— Тем более.

Даша поморгала и заревела пуще прежнего. Пьяные слезы самые горькие.

Она не помнила, как укладывалась спать. Сон пришел сразу. Свалил с ног. У нее совсем не было шансов лежать и думать. И слава богу — она не знала, что так устала, но тем лучше. Что снилось, она тоже не помнила. Помнила только кошмарное ощущение, будто бы давят туфли. Те, и правда, страшно давили. Все то время, что она ехала домой. И это было единственным, на чем она пыталась сосредоточиться. Другие мысли упрямо гнала, даже почти получалось.

Зато мысль о туфлях стала навязчивой.

А проснулась она от звенящего голоса Селин Дион, возвещавшей, что однажды откроется дверь, он войдет в ее сердце, и ее сердце забьется. Что было явным признаком того, что это Витенька наявивает. Часы показывали 9:30 утра. Роспись была назначена на 11:00. У него оставалось время.

Даша сбросила вызов. Потом подумала и выключила телефон. Голова все еще была слишком нетрезвой, чтобы пытаться хоть что-то анализировать. И никакого плана дальнейших действий у нее так и не оформилось. Зато на языке настойчиво вертелась расхожая фраза о том, что месть — это блюдо, которое надо подавать холодным. Стоило признать, что до холодности Даше было еще очень далеко.

Под вечер Витька ее нашел. Во всяком случае, вопль под окнами «Я знаю, что ты там!» только так и можно было растолковать.

— Надо, Дашунций, надо. Иначе он до завтра тут орать будет, — покачав головой, проговорил Федька в ответ на ее невысказанный вопрос, что делать. Они снова заседали в гостиной — уже не пили и не рыдали. Смотрели футбол и ели пиццу. Даша глухо застонала и перевела взгляд на Таську.

— Иди, иди, — подтвердила подружка. — И скажи ему, что он мудака. А будет орать — позвоню дяде Мите.

Дядя Митя был местный участковый, по профессии и по жизни. Он никогда долго не разговаривал, а сразу ездил по уху. Это обнадеживало, если хоть что-нибудь вообще могло обнадежить Дашу в создавшихся условиях. Она уныло встала с дивана, отправила

недоеденный кусок пиццы в коробку и поплелась на улицу. Витя стоял при параде. В свадебном костюме и с цветочком в петлице. Даже в парикмахерскую после пятничного адюльтера сбегать успел. Почему-то последнее показалось Даше очень смешным.

— Ну и? — очень сильно надеясь, что ее голос звучит спокойно, произнесла она.

— Я тебя, вообще-то, в ЗАГСе ждал! — обиженно заявил Витя.

— Насколько мне помнится, я тебя предупредила, — пожала плечами Даша.

— Я думал, то ты сгоряча.

— Я застукала тебя целующимся с посторонней бабой за день до свадьбы. Вить! Я естественно, пошутила!

— Гордая, что ли?

— Допустим. Все? Я могу идти?

— Иди — иди, — фыркнул Витька. — Сама еще обратно прибежишь. Кому ты нужна такая?

Даша замерла, не ступив и шагу. Посмотрела на бывшего жениха, не веря своим глазам. Даже поморгала, в ожидании, что наваждение развеется. Но наваждение стояло на месте, сунув руки в карманы брюк. Выглядело на редкость презентабельно. И... самоуверенно.

— Какая такая? — осторожно поинтересовалась Даша.

— Ветеринарша-неудачница! — рявкнул Витька.

— И как это должно сказаться на моей личной жизни? Тебе же ничего не мешает с твоим брошенным высшим на одной жениться, а с другой роман крутить. Или, может, в том и корень зла? До конца ничего основательно не доводишь?

Выпалив это, Даша шумно выдохнула. От самой себя подобной тирады она не ожидала.

— Зато ты довела, — Витька сплюнул. — Дура!

Он резко развернулся и быстро скрылся за углом дома. Даша перевела дыхание и с изумлением обнаружила, что уже даже не всхлипывает и не ревет. А злится. Злость она всю жизнь полагала чертой, абсолютно ей не свойственной. А вот тут здравствуйте, пожалуйста!

Мысли о мести снова отчетливо зазвучали в ее измученной голове. Отчетливо, но вяло.

Все воскресенье она провела у Таси и Феди. Они не прогоняли. Даже терпели ее устойчиво плохое настроение. В понедельник на работу ушла из их дома. Там уже все были в курсе несостоявшегося бракосочетания. И спешили высказаться по поводу того, что, вообще-то, никто свадьбу за день до церемонии не отменяет. Даша кивала и слушала. Рассказывать про Витькин адюльтер по-прежнему не находила в себе никаких сил. Почему-то проще было выслушивать наставления других, чем выносить на обсуждение истинные причины. Как бы там ни было, измена жениха — это слишком личное. Помимо прочего, она будто все еще слышала его слова про «ветеринаршу-неудачницу». В подобном свете все выглядело так, словно ее собирались облагодетельствовать, а она, дура, не позволила. Придумала себе про любовь, а ничего подобного и не было. Может быть, вообще нет даже.

Вечером понедельника, собирая небольшое количество пожитков, с которыми примчалась к Таське, она задала этот во всех смыслах идиотский вопрос лучшей и, по сути, единственной подруге. Разве только в несколько иной интерпретации.

— Тась, а у вас с Федькой по любви, а? — спросила она, допивая последнюю кружку какао — за три дня выглушила все имеющееся в наличии. На эту кружку из банки наскребли с трудом.

— Конечно, — удивленно ответила подруга. — Еще бы он не по любви, я б ему задала!

— Даже не сомневаюсь, — тяжело вздохнула Дашка.

Но тот же вопрос на всякий случай, в целях обмена опытом, она задала через пару дней у себя дома. Матери. Отцу не рискнула — он с ней не разговаривал с пятницы.

Дело было на кухне — где еще вести беседы о сокровенном? Даша уписывала борщ и задумчиво крошила батон. Мать варила компот. И неодобрительно сопела носом. Некоторое время понаблюдав за ее сердитыми и почти агрессивными движениями, Даша отважилась полюбопытствовать:

— И как это, когда всю жизнь любишь одного человека, а? Любишь же?

— Любишь, — Алла Васильевна задумалась. — Сначала весело, потом привычно.

— Привычно — это же не плохо? — на всякий случай уточнила Даша.

— Это как у всех.

— Наверное, это не самое худшее — привыкнуть к кому-то...

— Тебе не пять лет, чтобы верить в сказки! — вспыхнула мать.

— Вот именно потому, что не пять... — пробубнила Даша и снова уткнулась в тарелку.

Однако хватило ненадолго. Еще через пару минут ее прорвало: — В конце концов, это я ваша дочь! У Вити свои родители есть!

— Ты наша дочь. И мы хотим, чтобы у тебя все было... — Алла Васильевна задумалась на мгновение, — хорошо. Правильно. Муж, дети... Это семья. То, что должно быть у каждой девушки.

— Почему должно быть? — вспыхнула Даша. — Кому должно? Мама! Все плохо! Просто поверь на слово!

— Конечно, сейчас плохо. Свадьба не состоялась, ресторан и гостиница пропали даром, а еще Турция! — лицо Аллы Васильевны вдруг озарилось догадкой. — А что, если вы поедете? Только вдвоем, море, рестораны, экзотика... а?

— Ну что ты говоришь, мам?

— А что такого я говорю?

— Как ты себе это представляешь? Мы разошлись, все. Насовсем. Какая может быть Турция?

— Обыкновенная. Вчера разошлись, завтра помириться. Обстановка поможет.

Даша опустила глаза и вернулась к тарелке. Та, к сожалению, была пустой. Потому отвлечься не удалось.

— Давай не будем! — выпалила она, поднявшись из-за стола и направляясь к мойке. — Мне всерьез кажется, что вам потраченных денег жалко!

— Да бляха-муха! Естественно нам жалко денег! — заорал с порога отец, нарисовавшийся на кухне в самое подходящее время. — Денег, сил, времени! Дашка замуж выходит! Дашку по высшему разряду только! И никакой благодарности! Все ей не так!

— Миш, — примирительно заговорила мать, — одумается она. Свадьбу, конечно, уже не соберешь, но хоть пристроим.

Тарелка звонко ударилась о раковину. Белая, как мел, Даша обернулась к стоявшим за ее спиной родителям. Ее потряхивало, но она все еще пыталась держать себя в руках.

— Что значит «пристроите»? — медленно проговорила она.

— Ну под дуру-то не коси! — рявкнул отец. — Тебе двадцать лет. Из них девятнадцать ты просидела у нас с матерью на шее. С образованием самовольничала. В институт не поступила. Работу путевую не нашла. Мужика — и то проморгала! С таким характером так и будешь до старости хренью страдать!

— Миша! — Алла Васильевна снова попыталась утихомирить мужа.

— Что Миша? Миша на собственную свадьбу явился! У Миши все хорошо! А у этой!..

— Что у этой? — пискнула Даша.

— Да вся жизнь шиворот-навыворот! Ты же ни разу ни к кому не прислушалась! Делаешь, что хочешь. А теперь пожинаешь результат! Ты, Дашка, все, что сейчас имеешь, заслужила!

— Даш, ну, может, съездите в Турцию? — снова встряла мать. — Путевка же...

Ответом Даша поперхнулась. Он замер, так и не родившись на свет, на какой-то из станций между мозгом и языком. Она даже не замечала, что по щекам стекают горячие дорожки слез. И на этот раз действительно чувствовала себя неудачницей. Самой настоящей. За что бы она ни взялась, все шло прахом. И, может быть, Витина выходка — тоже ее вина. Может быть, это она... чего-то не додала, из-за чего он...

— Ладно, — отмахнувшись от собственных мыслей, выдохнула Даша. — Хотите сбагрить — сбагрите! К ужину не ждите!

Будто не видя перепуганных глаз матери и удивленных — отца, она вылетела из кухни в чем была, не задумываясь и не давая себе времени задуматься. Импульсивность никогда не была ей свойственна. Напротив, саму себя Даша считала упорной и последовательной. Но вот уже почти неделю ее действия носили хаотичный характер. И чаще всего были спровоцированы чем-то сторонним. Ей было страшно, она смотрела прямо перед собой и едва ли что-то видела.

Очнулась только посреди улицы, обнаружив себя в ярко-синем дождевике верхом на велосипеде, изо всех сил вращающей педали. И вдруг поняла, куда едет. Витя часто оказывался прав. Спорить с ним было бесполезно. Даже теперь — «сама прибежишь». Вот она и бежит. Мчится что есть духу — потому что, в конечном счете, она действительно никому не была нужна. Ну, разве только кроме Таськи, и то — сомнительно.

Ветеринарша-неудачница.

Недоучка.

Камень на шее.

Круглая дура.

Доведенная до того, что готова сделать все что угодно лишь бы от нее отстали.

В какой момент она не успела затормозить, выезжая из-за поворота, Даша не поняла. И когда перед глазами проносилась вся ее жизнь, по-идиотски удивлялась, откуда взялся на абсолютно пустой дороге этот гребанный танк почти белого цвета, который обязательно был бы именно белым, если бы не дождь.

Врезалась она лихо — по касательной, вырвав в последнюю секунду на обочину, куда благополучно и свалилась, оказавшись прямо в грязи и с феноменально пугающей мыслью о том, что могла повредить этот чертов танк, и без единой о том, что могла повредить себе.

— Машина цела? — это было первое, что она спросила, едва водитель оказался возле нее.

А дальнейшего впоследствии почти и не помнила. Все слилось во что-то полубезумное. Колено, истерика, дорога, дождь, слезы, какой-то нелепый спор неизвестно на какую тему. Дом Липковичей, известный на весь Козелец. Снова колено. Чай с пустырником. Герман. Отчетливые разговоры. Пульсирующая то ли в колене, то ли в душе боль. Все растущая, разрастающаяся, подчиняющая себе, терзающая каждое мгновение времени. Сон. Ужин в удивительной компании Льва Борисовича и его племянника.

И поездка домой. Все-таки домой. Не к Вите — к себе, на перекресток Толстого и

Журавлева.

Когда она вошла в дом, было тихо. Родители смотрели телевизор. Будто бы совсем ничего не произошло. Разве только отец чуть напрягся, увидев, что она показалась на пороге комнаты. Даша даже не сомневалась в том, что он испытывает теперь определенное чувство вины. Но вместе с тем, в данную минуту это казалось блажью. За что боролась. Оставалось только выдохнуть так, чтобы это звучало достаточно жизнерадостно и легко:

— Я решила! Путевка на два лица. Паспорта у вас имеются, вот и поезжайте. Я с турфирмой договорюсь! И да, чтобы не было недомолвок. Я Витю застала в пятницу с женщиной.

Немая сцена. Занавес.

А родители в Турцию все-таки поехали. За несколько дней до свадьбы собственной дочери, о чем они так и не узнали до самого возвращения — слишком были заняты сборами, но это уже совсем другая история.

Идея выйти замуж за этого Липковича была спонтанной. Но все же закономерной после всего сделанного и сказанного. Наверное, последние безумные дни и должны были вылиться в нечто подобное. Изначально в плане значилось просто погулять. Эдак громко, на весь Козелец. Чтобы пыль по степи! Погулять! И все! Но эти чертовы бабки, эти чертовы козы, этот чертов Герман со своим предложением! Ему что? Девочек вокруг мало было?

Даша тяжело выдохнула и достала из чемодана очередную тряпку светло-голубого цвета, чтобы повесить ее на плечики. Ее любимым цветом был синий во всех возможных его оттенках. В общем-то, всегда считалось, что ей он и идет больше всего. Еще только утром, облаченная в любимый свой «выходной» наряд, она точно так же стояла у шкафа, изучая отражение. А кончик свадебного платья, в котором ей так и не было суждено покрасоваться, торчал из приоткрытой дверцы. Теперь из приоткрытой дверцы совершенно чужой квартиры торчали вещи из собственной разрушенной жизни. Но размышлять об этом она не могла. Роспись и кошмарная пикировка по приезду домой к мужу совсем лишила ее сил. Она жалела себя и ненавидела Витю, Таську, Германа и всех на свете. Так было проще, чем думать о том, что наворотила. И чем думать о неизбежно приближающейся ночи, потому что... оттого что...

Даша сглотнула и села на кровать. Когда они только приехали, она шаг ступить боялась — вдруг он появится откуда-нибудь из-за угла и... утащит ее в спальню. Но пока обошлось, хотя и сказывалось. Например, в душе, когда она занервничала, вдруг он не уйдет. Ушел.

А теперь? Вот теперь ей что делать? Спать с этим... мужем он точно была не готова. Штамп в паспорте — ерунда. Глупость. Шутка. Лишь бы проучить Виктора. Лишь бы кому-то доказать, что не настолько уже и никчемная — сам Липкович запал! Мог сгодиться любой другой, но у Германа были ощутимые плюсы, которых у других быть не могло. Во-первых, Липковичи — люди, чья фамилия в Козельце ассоциировалась с достатком и успехом. А во-вторых, он жил в Киеве. А возможность уехать в данном случае решала все. Вообще все.

Даша уволилась из библиотеки. Даже договорилась не дорабатывать две недели.

Даша собрала чемодан.

Даша вышла замуж. Назло целому миру.

Но все это еще не повод спать с посторонним мужчиной!

Она хохотнула — почти истерично. Этот посторонний мужчина — ее муж. И с этим придется считаться. И она соврала ему так же, как соврала всем. Даже себе.

Сколько она находилась одна в этой чужой комнате, толком не видя ничего вокруг, Даша не знала. Зато знала, что там, за дверью находится Герман. И если что-то решать, то лучше решить прямо сейчас.

Через секунду она стояла в гостиной. И смотрела, как ее муж сжимает в руках бутылку с жидкостью характерного цвета.

— Я не могу... — выдохнула она.

Он обернулся к ней. На лице улыбки не было. Скорее напротив — она казался не таким, как обычно.

— Коньяку хотите? — раздалось в ответ. А Даша только теперь поняла, что они все еще обращаются друг к другу на «вы». Она мотнула головой и проямлила:

— Ннет... не знаю... Вы слышали? Я не могу, мне лучше уехать...

Реакция на ее слова была потрясающая. Он выпил и протянул ей бокал. Даша кивнула, толком не понимая, на что отвечает. Герман вопросительно посмотрел на нее и произнес:

— Ну и?..

— Ну и... все. Вы же сами видите, что все это как-то... нелепо получилось.

— Что вы предлагаете?

— Я уеду. Маршрутки каждые полчаса ходят. Или, если хотите, сразу разведемся, а потом уеду. Как вам будет удобнее.

— Почему вы хотите уехать?

— Да потому что я обманула вас! — воскликнула Даша и разрыдалась. Спрятала лицо в ладонях, потому что смотреть на него она не могла. И не хотела, чтобы он видел ее в таком состоянии.

— Вы брачная аферистка? — нервно хохотнул Гера. — Или у вас парочка детей живет в дальней деревне?

Даша мотнула головой и всхлипнула. Горе ее было велико и неподдельно.

— Нету у меня никаких детей, — еле выдавила она.

— А что есть?

— Ничего. Мама с папой... — Даша тщетно пыталась успокоиться. И в ужасе понимала, что у нее ничего не получается. Все, что случилось, наконец, прорвалось наружу. Должно было прорваться, но почему в присутствии Германа? Даша судорожно выдохнула и подняла на него глаза: — Еще жених... был. В прошлый четверг. В пятницу я его бросила. А в субботу не пришла на свадьбу.

— Бросила? — удивленно переспросил Липкович. — Чем не подошел?

— Это к делу не относится, — шмыгнула носом Даша. — Наши представления друг о друге разлились с действительностью.

— Что свойственно многим, — проворчал он в ответ, убирая бутылку на место. — Ладно, Даша, спать пора. Вы устали, я устал. Завтра с утра на свежую голову разбираться будем.

— Если вы отвезете меня на автовокзал, я уеду сейчас же и не буду вам тут мешать.

— Прекратите истерику, — голос Германа стал строгим. — Я вас не повезу, и вы никуда сейчас не поедете.

— Я не истерю! — возмутилась Даша. — Это все ошибка и глупость, вы же сами понимаете!

— Но это вовсе не означает, что нужно их множить. Идите спать! И не волнуйтесь, я переночую на диване.

— Лучше я переночую на диване!

— Если вы не уйметсяь, я накормлю вас валерьянкой, — пообещал Герман.

— Да, в общем-то, мне и не повредит, — совсем уж нелепо всхлипнула она.

— Тогда идите и возьмите. В кухне над холодильником.

Даша кивнула и торопливо вышла. Некоторое время до гостиной доносились короткие всхлипы, тарыхтение стекла и шум воды из крана. Потом она снова показалась на пороге и нерешительно спросила:

— Может, лучше все-таки я на диване?

— Может, лучше все-таки вы пойдете спать?

— Извините...

Это было последним, что он услышал от нее в этот вечер. Она быстро скрылась в комнате. И уже не показывалась на глаза. Что дало возможность Герману недолгое время подумать о странности происходящего. Ситуация, которую он сам же и создал, была откровенно абсурдной и несколько вышла из-под контроля, но не настолько, чтобы он лишился сна.

Ночь Липкович провел без сновидений и проснулся с твердым намерением поговорить с Дашей об их дальнейшей семейной жизни. Он знал с чего начать свои объяснения, но проблема заключалась в том, что сообщить их было некому. Даши в квартире не оказалось. Ее вещей тоже.

— Вот зануда! — ворчал Герман, пока сооружал себе завтрак и собирался.

Отпуск все равно был испорчен. Возвращаться к дядьке, а тем более гоняться за «женой» он не собирался. И единственное, что Гера придумал — съездить на работу. Там ему занятие всегда найдется.

Но и в этом намерении он ошибся. Второй раз за утро.

Дверь была не заперта. Даша благополучно сидела на второй ступеньке лестницы, устроив голову на чемодане, и, кажется, преспокойно дремала. Пушистые волосы были сурово заплетены в очередную косу.

— Чего вам в постели не спалось? — поинтересовался Герман, усаживаясь рядом.

Она встрепенулась, оторвала голову от чемодана и испуганно взглянула на него.

— Доброе утро! — звонко поздоровалась «жена».

— Доброе? Уверены?

Даша тут же поникла и опустила глаза.

— Не очень. У вас дверь не захлопывается. Я не могла оставить квартиру открытой, пока вы спали.

— Ждали бы в квартире, пока я проснусь. Чего вас в подъезд понесло?

Даша открыла рот, чтобы что-то ответить, но тут же закрыла его. Несколько секунд она молчала, обдумывая вопрос, а потом вдруг улыбнулась и выпалила:

— А черт его знает!

— Исчерпывающе, — усмехнулся Герман, поднялся и протянул Даше руку. — Идемте домой. Вы завтракали?

— Нет. Если честно, я вообще не знаю, что делать, — ответила она, подавая ему ладонь. Встала, отряхнула юбку и добавила: — Наверное, самым разумным будет быстро развестись и забыть обо всем. Да?

— Давайте вечером об этом поговорим. Мне на работу надо, — Герман затащил ее чемодан обратно в квартиру и на пороге остановился. — Вы не сбежите?

Даша демонстративно стукнулась головой о стену подъезда и бодро сообщила:

— Я уволилась с работы и послала жениха за сутки до свадьбы. Так что в определенном смысле я вольна распоряжаться собственным временем. К тому же, у меня по-прежнему нет ключа, а оставить квартиру открытой я не могу.

— Ключ в шкафу у зеркала, — он усмехнулся. — Но на вашем месте я бы не уезжал. Лучше сходите погуляйте. До вечера.

Герман быстро сбежал по ступенькам. Даша глупо улыбнулась, глядя ему вслед. И почему-то думая о том, что нормальный мужик на его месте выставил бы ее за дверь еще вчера — после всего сказанного. А этот ничего... Может, и правда, влюбился? Между ними и было-то полтора поцелуя. Первый — когда замуж звал. И половинка — в ЗАГСе, после

росписи, когда он небрежно чмокнул ее в губы. Но кто их разберет, этих Липковичей? Они всегда отличались свободой мысли. Даже когда Борис Александрович ходил в парторгах, умудрился жениться на женщине «из народа» без образования, с двумя детьми, героически отбив ее у колхозного механика, и прожив с ней почти полвека. История семьи Липковичей — это почти летопись Козелецкого края. Местный сериал.

Дашка потрянула головой. Ветеринарша-неудачница размечталась о большой, но чистой. Тихонько хихикнула и заперла изнутри квартиру.

Едва Герман переступил порог родной клиники, как на него со всех сторон посыпались расспросы и выяснения причины его скорого возвращения. Соорудив дежурную фразу о том, что скучал без клиники и всех ее обитателей, он направился к великому и ужасному.

— Приветствую, ИванСаныч! — жизнерадостно возвестил Герман.

ИванСаныч поднял глаза от компьютера и внимательно посмотрел на вошедшего. Удивления или радости не выказал. Только чуть прищелкнул языком и глубокомысленно изрек:

— Твой Григораши в интенсивной терапии. Упился, идиот. Отек головного мозга. Вчера поступил.

— Вот достали эти... — Липкович выругался. — Я могу ковыряться в их мозгах за их деньги, но новые не вставлю!

— Ну раз уж пришел, так, может, поковыряешься? Этот экземпляр на вес золота. Еще угробит его наш орел Эгембердиев, а?

— Я официально в отпуске, — Герман расположился на диване и подхватил с тумбочки первый попавшийся журнал.

— И как он проходит?

— Плодотворно, — Герман с шумом перелистнул страницу.

— Поздравляю. А что тогда к нам, работягам, приперся?

— Вызывать чувство зависти. Но так уж и быть. Григораша возьму.

— Эгембердиев обрадуется, — хмыкнул великий и ужасный. О том, как Эгембердиев не любит брать «чужих» пациентов, ходили легенды. — Так что? В свое таинственное путешествие не поехал?

— Почему? Поехал. Уже вернулся.

— Ааааа... Кофе будешь?

— Нет, спасибо. Я попозже на кофе зайду. Пока к себе схожу, — Герман поднялся.

— Давай. Там твоя Нескородева с утра не в духах. Всех отправляет на общий анализ крови. Только и успеваю, что отлавливать и перенаправлять к Эгембердиеву.

— Да? Ну-ну... — многозначительно выдал Липкович и вышел от Ивана Александровича.

Кабинет встречал его тишиной и нестертой пылью на рабочем столе. Единственное, что напоминало о том, что он отсутствовал неделю. В остальном все осталось, как было. Будто бы вся жизнь не полетела в совершенно неожиданном направлении, да еще и на скорости, явно превышающей установленную ПДД.

Сначала в дверь сунулась острая мордочка медсестрички с сакраментальным вопросом:

— Герман Валентинович, а хотите я вам чаю принесу?

Потом медсестра была вытеснена Юлькой.

— Спасибо, Наташик, я сама! — сообщила бывшая и вошла в кабинет.

— С чего вдруг? — удивился Герман.

Дверь захлопнулась, а Юлька уже выливали остатки воды из чайника в поддон от фиалки на окне. Улыбка на ее лице была ангельской. А значит, великий и ужасный прав — не в духах.

— Что ж, по-твоему? Я не могу уже тебе и чаю заварить? — поинтересовалась она. —

Или ты теперь даже чай из моих рук не примешь?

— Да я-то приму. Не пойму, тебе оно зачем? Заняться, что ли, нечем? — Герман стер со стола пыль и сел в рабочее кресло.

— Считай, что я тебя поздравить пришла. Мне твой отец звонил. А ему — Леон Борисович. Впервые за сколько там лет? Три? Пять? Хотя ради таких новостей...

Юлька многозначительно посмотрела на Германа и наполнила чайник из бутылки.

Когда Герману стала ясна причина явления Юльки, он довольно улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

— Я рад, что ты оценила.

— Значит, правда?

— Правда. Отец вообще говорит только правду, когда это не касается работы. Одно из его домашних хобби.

— Круто! — усмехнулась Юлька. И нажала на кнопку электрочайника. Тот браво зашумел, а она устроилась на стуле возле него. — Это какая-то старая любовь возродилась или новое чувство? Мы всего неделю не виделись.

— Расспросы — это вместо варенья к чаю? — рассмеялся Герман, внимательно следя за Юлькой.

Он не верил ни своим ушам, ни глазам. Она всегда утверждала, что не ревнивая. Но, если подумать, повода для ревности у нее и не было никогда. В отличие от сегодняшнего дня.

— Ну, варенья же действительно нет, — пожалала она плечами. — И мне, правда, любопытно. Может, у тебя давно уже был запасной вариант, а я не знала. Не то, чтобы в сложившихся обстоятельствах это было плохо, но... Гера, это неделя! Ты женился за неделю!

— Я женился за неделю, — повторил он за Юлькой. — Чайник закипел.

— Закипел, — кивнула она, обернулась к шкафчику и, не вставая, достала из него заварник. Насыпала туда чай и залила кипятком, продолжая при этом болтать. — Пойми меня правильно, Гера. Между нами все кончено, но это не значит, что я за тебя не волнуюсь. Я очень волнуюсь! В твоем состоянии легко было наделать ошибок, и в этом моя вина. Потому ответь мне, пожалуйста, на единственный вопрос — это у тебя серьезно?

— Ты готова предположить, что я могу быть легкомысленным? — Герман снова рассмеялся.

— Я готова предположить, что ты мог свалить дурака!

— Ты ошибаешься, у меня все очень серьезно.

Кажется, она даже в лице изменилась. Оно стало обиженным, почти серым, что так не вязалось с ее обычной лучезарностью. Не произнося ни слова, придвинула поближе чашку и насыпала в нее сахару. Еще немного помолчала, изучая серебристую крышку заварника. А потом выдала:

— А вообще, я рада! Тем лучше, если так. А то уже запереживала, вдруг это все... назло мне. Как видишь, я была права. Теперь у нас точно есть повод остаться друзьями и не париться из-за всего.

— Мир не вертится вокруг тебя.

— К счастью, он достаточно многообразен, — ответила она, быстро наполнила чашку, встала со стула и поставила ее перед ним. — Не знаю, есть ли у тебя лимон. Но за неделю он мог высохнуть. Кстати, девушка, которая за неделю соглашается выйти замуж за столичного мужчину на иномарке — в наше время такая редкость! Но главное, чтобы тебе было

комфортно. Так что поздравляю. Счастья тебе в семейной жизни, Герочка.

Она ядовито улыбнулась и выплыла из его кабинета.

Герману тоже было весело — впервые за прошедшую неделю. Характер Юльки всегда был не подарок, но сегодня она сыграла лучшую свою партию, которая ему понравилась. И это давало некоторую надежду... Знать бы на что... Ревность Юльки никак не отменяла факта того, что она сделала. Но и он не мог так скоро притвориться, что больше не любит ее. Его скоропалительная свадьба — лишь желание доказать, что она ошиблась. И пусть думает, что хочет. И пусть ревнует...

А для этого всего-то и надо, чтобы Даша оставалась его женой.

В смысле, с ним.

Вернее, в его квартире.

И, чувствуя себя заговорщиком, Липкович рванул домой. Обсуждать план дальнейших действий. Но угодил в эпицентр вооруженного сопротивления. Даша, экипировавшись двузубой вилкой, поварешкой и кастрюлькой, воевала с куриными крылышками на сковородке. Те отчаянно шипели в масле, а она продолжала поливать их соусом и что-то бормотать под нос. Герман отчетливо разобрал только возмущенное «в глаза-то зачем!» Она подпрыгнула и принялась вытирать ладонью веко.

— Предупреждаю сразу: от единственного окулиста, которого я знаю близко, лучше держаться подальше, — сказал Герман с порога, поведя носом в сторону сковородки.

Она обернулась и растерянно посмотрела на него.

— Я тут... ужин готовлю, — голос ее сейчас был чуть настороженным, но без капли истерики, как еще накануне. Похоже, этот зверек начинал осваиваться на местности. — Как вы относитесь к меду с горчицей?

— Положительно.

На некоторое время он снова исчез из кухни. Были слышны шаги в комнате, плеск воды в ванной, иногда становилось совершенно тихо. А после Герман появился снова, в домашней одежде и с мокрыми волосами. Загремел посудой, накрывая на стол.

— Я, кажется, знаю, как поступить дальше, — сказал он между делом, будто рассуждал о погоде.

— Если речь идет дальше десерта на сегодняшний ужин, то я очень внимательно слушаю, — усмехнулась она, переставляя посуду и не глядя на него.

— Дальше, — усмехнулся и Герман. — Я предлагаю вам остаться у меня.

Даша так и застыла с кастрюлькой в руках. В кастрюльке были остатки соуса.

— Я не очень понимаю... в каком качестве?

— В качестве моей жены, — терпеливо объяснил Гера и добавил: — Как бы...

Кастрюля была водружена на стол. Даша потянулась к сковородке.

— Как бы?..

— Естественно, как бы! Все, о чем я вас прошу, чтобы вы жили здесь и для всех считались моей женой.

— Это как-то странно звучит...

— Уверен, что и выглядит не менее странно. Но... — Герман посмотрел в окно, не увидел там ничего нового или вдохновляющего и перевел взгляд на Дашу. — Есть женщина, которую я люблю. И я хочу, чтобы она ко мне вернулась. А до тех пор я прошу вас пожить здесь.

Она надолго замолчала. Завозилась над плитой. Он мог видеть ее сосредоточенно

насупившийся профиль и то, как она закусила нижнюю губу. Потом убрала с лица прядь волос, упавшую на лоб. И перед его носом оказалась тарелка с крылышками и большая миска салата.

— Если хотите, можно рис подождать. Доваривается, — каким-то потусторонним голосом сообщила Даша. И выпалила: — У меня два вопроса. Можно?

— Можно, — к собственному удивлению, Герман был совершенно спокоен. Каким бывал перед операциями. С той разницей, что пациентом предстояло стать ему самому.

— Хорошо. Тогда первый... — сказала она, кивнув. Потом собралась с духом, чуть сжала кулаки и выдала: — Если у вас есть любимая женщина, зачем вы женились на мне? В смысле... я как-то не обольщалась про любовь, но... это странно.

— Мы расстались.

Даша резко села напротив.

— Ну это-то понятно... Вы расстались. Такое бывает. Вы ее бросили или она вас?

— Это второй вопрос? — Герман пристально посмотрел на нее. Глаза его казались почти черными, а круглое лицо, обычно довольно живое, сейчас застыло бледной маской.

— Нет, это продолжение первого.

— Вы жульничаете.

Даша нервно хохотнула и опустила взгляд.

— Мы оба жульничаем.

Герман кивнул.

— Никто никого не бросал. Мы расстались. Так бывает. И это временно.

— И именно поэтому вы решили жениться на первой попавшейся девушке?

— Именно.

— Знакомо. Второй вопрос можно?

— Даша, у вас очень плохо с математикой, — улыбнулся Герман. — Но можно.

— А у вас чувство юмора не самая сильная черта. Ладно. Если вы намерены с ней опять... воссоединиться, то зачем вам здесь нужна я? Тем более, в качестве как бы жены?

— Для ускорения реакции.

— Черт! Забыла! — Даша вскочила со стула, одернула занавеску, взяла с подоконника бутылку вина и, будто извиняясь, проговорила: — Я помню про ваш коньяк, но у меня от него голова болит... Вы пьете сухое?

— Не сегодня, у меня завтра пациент сложный. Отпуск закончился.

— Извините, — Даша отставила бутылку и села снова. — У меня не только с математикой проблемы. Вообще с сообразительностью туго... Каким образом наличие жены в вашем доме способствует ускорению реакции в ваших отношениях с этой... вашей?..

— Вы же не маленький ребенок, Даша, — Герман принялся за ужин, пахло слишком соблазнительно. — Все просто. Ревность.

— Аааа... Ну да... просто... — согласилась Даша и уставилась в свою тарелку. А потом вдруг рассмеялась. — Слушайте, бывает же! Мы с вами просто уникальный случай! Как два магнита, на которые налипли гвозди и гайки. И вместо того, чтобы тихонько отсиживаться каждый в своем углу, мы притянулись друг к другу.

— Очень образно, — сказал Герман, подкладывая себе салат.

— Чересчур, да?

— Да нет... Кстати, вкусно.

— Спасибо. Во всей этой ситуации утешает только одно. Не только я вас использовала.

Хотите еще? Осталось.

— Хочу, — он протянул Даше тарелку. — Люблю поесть.

— Это хорошо, — хохотнула она. — Потому что я сегодня, как вы предложили, пошла гулять и затарила вам холодильник.

Через мгновение перед ним стояла порция добавки.

— Еще будет пудинг.

Герман присвистнул. Она улыбнулась и потопталась на месте. Если вдуматься, то нельзя сказать, что его предложение ее не устраивало. Ее потряхивало от одной мысли, что после того, как ей с этой свадьбой в Козельце перемыли все кости, придется вернуться домой и слушать насмешки. Когда смеялся один Витя — это одно. Когда весь поселок — проще удавиться. Ее окрестили неудачницей еще в детстве. Она ни одного начинания не довела до ума, хотя была упорна. Вечно обстоятельства давали ей основательного пинка. Может быть, этот последний пинок — то, что ей, и правда, нужно? Постараться жить своей жизнью. И чтобы никто не лез с советами и нравоучениями. Во всяком случае, этот... «муж» не производил впечатление любителя почитать нотации.

— В общем, концепция ясна... — наконец, сказала Даша. — Что я должна делать? Просто жить у вас?

— Просто жить в моей квартире, — подтвердил Герман.

— И я могу заниматься, чем хочу?

— Конечно.

— И потом мы с вами разведемся, как только этот спектакль сделает свое дело?

— Да.

Она замолчала, о чем-то раздумывая. Потом лицо ее просветлело, и она сказала:

— Ну, я думаю, пара месяцев в запасе у меня есть... а в сентябре в общежитие съеду. Спасибо!

— В какое еще общежитие? — удивился Герман.

— При университете, — уже совсем весело сообщила Даша. — Я как раз успеваю подать документы! И если поступлю... Вот если бы я замуж в позапрошлую субботу вышла, у меня бы точно шанса не было!

— Ааа, — понимающе протянул Липкович и резко перешел на «ты»: — Ну если какая помощь понадобится — говори, не стесняйся.

— Я уже взрослая девочка, — усмехнулась Даша и убрала свою тарелку. — Чай? Кофе?

— Какао. Но все-таки, если вдруг...

Она улыбнулась. И сварила две чашки какао с молоком. Как любила сама.

Утренние телодвижения Германа Липковича были отработаны до автоматизма. Отключить будильник, принять душ, собраться на работу. Впрочем, теперь этот процесс проходил гораздо быстрее. Отпала необходимость гладить рубашки, и завтрак был всегда приготовлен. Как и ужин по вечерам. Однажды Герман попытался объяснить, что это вовсе не обязательно. Но особо не настаивал, когда Даша продолжила делать то, что считала нужным.

— Доброе утро! — появился он на кухне.

Даша оторвалась от книги, качнула головой, отхлебнула кефир прямо из бутылки и сказала:

— Привет.

Она была немногословна, хотя по природе казалась болтливой. Но совсем никогда не приставала с разговорами. Если бы не эти самые рубашки и не забитый едой холодильник, то можно было бы и не замечать ее присутствия. С другой стороны, что удивительного — провинциальная девочка с консервативным воспитанием. Слава богу, хоть не забитое село.

— Как учеба? — спросил Герман.

— Продвигается, — снова раздалось из-за книги. — Штудирую паразитологию. Боюсь на профэкзамене провалить. В прошлый раз я там не ответила.

— Угу, — кивнул Герман и уткнулся в свои бумаги.

Даша опустила учебник ниже уровня глаз и на мгновение замерла, глядя на него. Она не любила быть навязчивой. А вот наблюдать за таким диковинным экземпляром, как Герман Липкович, оказалось интересно. Она никогда не жила с мужчиной, кроме отца. Да и вообще ее опыт общения с противоположным полом был весьма скуден. Витю за мужчину она вот уже вторую неделю отказывалась считать, хотя сердце периодически ёкало — как он там? Федька был чужим мужчиной. Герман... Герман в каком-то смысле сосед. Но ведь и муж же! Фыркнув про себя на слово «муж», Даша снова отпила кефир и решительно встала, направившись к мойке.

— К которому часу ждать? — осторожно спросила она и тут же осеклась — не очень вежливый вопрос. Совсем невежливый. — В смысле... ужин когда греть?

— Даша! — он оторвался от чтения и посмотрел на нее. — Приду — разберемся.

— Хорошо, — ответила она и раскрыла кран, воинственно затарахтев посудой. Потом выхватила у него из-под носа уже пустую тарелку и поинтересовалась: — Еще?

— Спасибо, нет.

Переспрашивать она не стала. Его хороший аппетит ее почему-то вдохновлял, но лишний раз лезть, куда не просят, она побаивалась. Просто убрала со стола и все. И прежде, чем совсем скрыться с глаз, негромко пожелала ему:

— Хорошего дня.

— И тебе, — ответил Герман, а через пять минут уже сбегал по ступенькам подъезда.

День, неожиданно для середины июня, выдался душным и липким, без малейшего дуновения ветра. Герман лениво наблюдал за набегающими тучами, с удовольствием выдыхая под кондиционером в своем кабинете, когда дверь распахнулась, и в нее просунулась блестяще-черная голова Эгембердиева.

— Каким ветром тебя не пронесло мимо? — усмехнулся Герман, обернувшись от окна.

— Муссоном, — отозвался Руслан Эгембердиев и ввалился в кабинет целиком, всей своей не самой незаметной тушей. — Григораш чуток оклемался. Готов делать ставки, сколько после выписки протянет, пока опять к нам не попадет?

— Может к нему нарколога пригласить? Устал я от него.

— Нарколог ему не поможет. Даже если от алкоголизма закодирует, он начнет башкой о стену долбиться. Счастливчик!

— И в чем счастье?

— В его случае — в деньгах. Иначе давно под забором бы валялся. Так что? Я ему даю от двух недель до месяца. Гуров говорит, полгода протянет. Нескородевой его жалко. Думает, что после отека за ум возьмется.

— Юлька начала верить в сказки? Что-то новенькое.

— Ваше расставание благотворно повлияло на ее характер. В курилке анекдоты травит.

— Смотрю, ты в курсе всех ее трансформаций, — проворчал Герман.

— Тебе ревновать не положено, — рассмеялся Эгембердиев. — Начал бы курить, тоже был бы в курсе. Но ты, мать твою, весь положительный.

— Не твое дело, что мне положено.

— Не мое, — согласился Руслан. — А вообще, я по другому поводу. Ты на корпоратив-то идешь?

— Какой еще... Ох, ё! Я и забыл совсем.

— Что неудивительно с твоей бурной личной жизнью. Кстати, жену приводи. Великий и ужасный дал команду с семьями.

— И кого приведешь ты? — хохотнул Гера.

— Себя.

— Скромно, однако. Из чего выбирать-то будешь, если все семьями?

— Нас, стойких и убежденных обоих полов, сколько-нибудь наберется, сам знаешь.

Намек на Юльку был более чем жирным.

— Ну-ну! — криво усмехнулся Герман.

— Ну, с Днем медработника, короче, — хмыкнул Руслан, лихо козырнул и, уже выходя, обернулся на пороге и выдал: — На твою жену, кстати, тоже ставки делают. Сколько проживешь с ней. Ввиду твоей положительности я поставил на полвека. Не подкачай.

— Да иди ты! — полетело Эгембердиеву вслед.

— Уже ушел! До вечера, Гера!

— Даша! — влетел Герман в квартиру. — Даааш, дело есть! — он сунулся на кухню. — Важное, — заглянул в комнату. — Очень.

«Черт!» — буркнул он, вытаскивая телефон. Впрочем, телефон не понадобился. Даша высунулась с балкона и недоуменно похлопала длинными ресницами.

Герман спрятал телефон обратно в карман и тут же сообщил:

— У нас сегодня корпоратив. Велено быть с семьями.

— По поводу чего корпоратив? — поинтересовался член «семьи».

— День медика, — обреченно ответил Герман.

Даша просияла улыбкой.

— Поздравляю! Прости, я никогда не помню про все эти профессиональные праздники. Я вообще даты не запоминаю.

— Я и сам их не помню. Но у нас есть один из тех, кто помнит каждый повод, — усмехнулся Липкович. — В общем... Даш, надо.

— Надо?

— Очень.

Она задумалась. Закрыла балконную дверь. Прошла в комнату и выдала сакраментальное:

— Часть плана?

— Можно и так сказать.

— Ясно.

Объяснять ему, что по договоренности она должна просто у него жить, Даша не стала. Какой в том прок, если ему, и правда, очень надо? Задавать другие сопутствующие вопросы — тоже. Какая разница, например, будет ли там его Юля? Или ей просто донесут, что он с женой явился? Станут ли шептаться за спинами и сравнивать ее с его бывшей? Или в коллективе не особо в курсе личной жизни отдельных сотрудников? Все это было не так уж важно на фоне того, что она и сама догадывалась, что отсиживанием у него дома не обойдется. И рано или поздно встанет вопрос о том, чтобы показать ее его обществу. Потому Даша, вместо того, чтобы сыпать глупыми расспросами, поинтересовалась:

— В котором часу мне надо быть готовой?

— В шесть — начало седьмого. Пока доберемся... Я не сбил никакие планы?

— Что ты! Конечно, сбил! Наполеоновские. Приготовить ужин, поболтать с Таськой, лечь спать в десять.

— Ну прости, — рассмеялся Герман.

— Да ладно, сочтемся, — пожала она плечами. — Тогда я пошла собираться.

Пропустив мимо ушей его «угу», Даша помчалась в комнату, которая считалась теперь ее территорией. Вернее, так постановил Герман. В ответ на ее возражения «это ваша квартира и ваша кровать!» он разок основательно рявкнул, что хватит ему выкать, и отвоевал свое право спать на диване окончательно и бесповоротно.

Теперь спальня Германа Липковича приобрела неуловимый девичий оттенок — в том, как на тумбочке лежали расческа, косметичка и крем для рук. На стуле устроилась сумочка. Кровать была идеально заправлена, и на подушке примостился плюшевый кот, привезенный в прошлые выходные из Козельца вместе с учебниками и конспектами. И легкий цветочный запах духов, непривычный этой комнате. Юлькины были горьковатые, сложные, наверное, даже слишком взрослые для ее возраста. Это было необычно и странно для того, кто три года прожил с одной женщиной и не собирался этого менять.

В один из вечеров Даша, перестилавшая постельное белье, обнаружила между матрасом и спинкой кровати провалившуюся в щель фотокарточку. На ней Герман был запечатлен с улыбочивой светловолосой девушкой, при одном взгляде на которую становилось очевидно, что это птица совсем другого полета, чем Даша Чугай из Козельца. Девушка дергала его за щеку, а он ржал, чуть прищулив глаза и демонстрируя ряды ровных зубов. У них с Витей никогда не было таких фотографий. Никогда.

Даша тогда надолго зависла над снимком, размышляя о жизненном непостоянстве, но почему-то именно этих отношений ей стало жаль. Или Германа. Он был очень счастливым на фото. И она понимала, почему он хочет все вернуть — ради таких мгновений.

Наверное, тот день и определил ее нынешнее состояние и решительную готовность идти туда, куда она не хочет идти.

Задача выбрать платье сегодня представлялась Даше более сложной, чем в день собственной свадьбы. Наверное, потому что сейчас, в отличие от того сумасшедшего

времени, она была во вменяемом состоянии. Впрочем, на росписи они были только вдвоем, и ей было все равно, что на ней надето, если это не свадебное платье, и если жених — не Витя, а посторонний мужчина. Теперь же она отдавала себе отчет в том, что на этом корпоративе, который где-то в глубине души навевал на нее ужас, в чем она ни за что не призналась бы, будут не просто коллеги и друзья Германа Липковича. Там почти наверняка будет Юлия. И их точно станут сравнивать. Даша не обольщалась, понимая, что сравнение вряд ли может быть в ее пользу. Но хотя бы попытаться она была обязана.

Ворох платьев полетел из шкафа на кровать. Даша отчаянно перебирала вещи, в поисках чего-нибудь... да хоть чего-нибудь! Ее гардероб никогда не отличался большим разнообразием, но платья и юбки она часто предпочитала джинсам. Потому надежды питала.

В сущности, надежды оправдались, когда среди тряпок было найдено почти невесомое бледно-голубое коктейльное платье на тонких бретельках, которое отец строго охарактеризовал словом «ночнушка». Его она надевала единственный раз на выпускной в техникуме после длинной лекции родителей на тему того, что так одеваться неприлично. Даша кивала и радовалась про себя, что хватило ума прятать его до самого последнего дня.

Теперь вот... пригодилось! И оставалось только порадоваться, что в прошлые выходные в Киев перевезены были не только плюшевый кот и учебники.

Когда Даша высунулась из комнаты с босоножками в тон платью в руках, в гостиной было тихо. Она поправила распущенные по плечам волосы, глянула в зеркало в коридоре и крикнула куда-то вглубь квартиры:

— Я готова! Если пора, то можно ехать.

— Такси будет через пять минут, — выходя из гостиной и взглянув за часы, сказал Герман.

Быстро осмотрел Дашу с ног до головы и улыбнулся. У Юльки будет повод позлостствовать. Платье Дашы было одного тона с его рубашкой, к которой он надел темно-синий костюм. — Обуваться собираешься?

— Собираюсь, — ответила Даша, поставила босоножки на пол, вставила в них ноги, застегнула, а когда разогнулась, порядочно «выросла». — Если я буду лететь вниз, лови.

— Туда нужно прибыть без видимых ранений.

— Я буду очень стараться. Но, в крайнем случае, нас тут полтора медика. Залатаем.

В ресторан Герман ввел Дашу, крепко держа за руку: чтобы не убежала. Он прекрасно понимал, что она вовсе не обязана его сопровождать на глупую вечеринку. Более того, понимал, что останется ей должен.

«Интересно, чем долг отдавать буду?» — мысленно смеялся Липкович, пока они ехали в такси, и Даша сосредоточенно молчала. Просьбами она не обременяла. За столько времени всего-то попросила свозить домой на выходных. Домашнее хозяйство разделили поровну: с него финансы, с нее фактический результат.

Липковичи оказались не первыми прибывшими, но и далеко не последними. И потому попытка смотринами оказалась быстрой и нестрашной. Герман успел заметить Юльку, резко отвернувшуюся, едва они с Дашей появились среди тяжелых портьер входа. И Эгембердиева, почти прижавшегося губами к ее уху.

К счастью, великий и ужасный восседал с противоположного от милой парочки конца богато украшенного стола, и Герман провел Дашу напрямиком к нему.

— Добрый вечер, Иван Александрович!

— Ну-ну! — хмыкнул великий и ужасный и воззрился на девушку. — Особо заинтересованные тут ставки делали, приведешь ты ее или нет.

Его прозвали великим и ужасным в том числе за прямоту, граничившую с хамством.

— Знакомь! — добавил он после непродолжительного молчания.

— Даша, — ответил Герман и повернулся к жене. — А это Иван Александрович. Нап великий и ужасный.

— Наслышана, — сказала с улыбкой Даша.

— Специальность? — поинтересовалось начальство.

— Почти ветеринар.

— Почему почти?

— Надеюсь продолжить образование в НУБИП.

— Будете почти коллегой.

— Надеюсь.

— Животных любите? — продолжался допрос.

— Временами больше, чем людей.

— Солидарен. Вы знаете, что он отфутболил предложение уехать в Цюрих?

— Нет.

— Теперь знаете. Гера, — резко переключился великий и ужасный на подчиненного, — в конце дня пришли анализы Ивановой. Мне не понравились. Посмотришь после выходных?

— Посмотрю. Мы пойдем? — усмехнулся Герман.

— Свободны! — махнул рукой Иван Александрович. — В отличие от меня. Мне еще речь толкать.

С этими словами он потянулся к рюмке.

Едва они отошли от начальства на безопасное расстояние, Даша осторожно спросила:

— И что это было?

— Ритуал посвящения, — ответил Гера, отодвигая для нее стул. — Любит страху напустить.

— Аааа... — Даша села и стала оглядываться по сторонам, рассматривая приглашенных. И безотчетно пыталась найти Юлию. Имея в памяти один фотоснимок, она рисковала не угадать. А спрашивать Германа было как-то неловко. Вместо этого, чтобы не молчать, а выглядеть оживленной — все же жена на выгуле в свет — спросила: — А что с Цюрихом?

— Да ничего. Отказался я.

— Не жалеешь? — наблюдая, как великий и ужасный встает из-за стола и направляется к сцене, бросила она.

— Нет, — Герман посмотрел в другую сторону, на Юльку. Теперь уже она что-то нашептывала Руслану.

— Значит, все правильно, — улыбнулась Даша, проследив за его взглядом. Кое-что стало на место. В памяти ярко всплыла Витькина ладонь, шарившая под чужой кофточкой. Мысли ее резко перебил искаженный микрофоном голос великого и ужасного, принявшегося приветствовать сотрудников и поздравлять их с профессиональным праздником. Он что-то говорил о гостях мероприятия, вложивших немалые средства во что-то очень важное, а Даша слушала вполуха, уставившись в свой бокал. Болтал Иван Александрович невыносимо долго. И, видимо, сам кайфовал. Только неизвестно от чего больше: от звука собственного голоса или от мучений сотрудников. Но его перло. Потом на

сцену стали подниматься «высокопоставленные» гости. Каждый тоже нес какую-то приличествующую случаю ахинею. Под занавес великий и ужасный выдал фразу, заставившую Дашу слегка проснуться:

— А Валентин Борисович Липкович просил передать свои пламенные поздравления. К сожалению, он присутствовать не смог. Дела державные не пускают.

Даша искоса посмотрела на мужа и решительно подалась к нему, чтобы сказать на ухо:

— Слава богу, День медработника раз в году! Он и на работе такой же?

— Он имеет право быть таким, — пожал Герман плечами. — А когда к нему привыкнешь, то и не замечаешь. Вино будешь?

— Буду.

До них донесся гогот Эгембердиева, прибнявшего Юльку за талию.

— А танцевать?

— Буду.

— Тогда идем, — Герман повел ее к другим гостям, которые уже танцевали под оркестр, выдававший мелодии и ритмы на любой вкус. — Ноги не оттопчу, обещаю.

— Бойся, чтобы я тебе не оттоптала, — нервно улыбнулась Даша.

Танцы — это уже серьезно. Танцы — это как на ладони у всех остальных. Золушкой она себя, естественно, не ощущала, но все же дурацкое волнение имело место быть — любимое место для танцев по-прежнему находилось между мойкой, плитой и холодильником, когда никто не видел. Но она крепко вцепилась в локоть Германа, намереваясь даже виду не подать, что ей непривычно все происходящее, и эти танцы — в частности.

К облегчению обоих, шанса оттоптать друг другу ноги не представилось. Оркестр исполнял исключительно зажигательное — пришлось соответствовать, вспоминая и воплощая в жизнь всё, что умели. К концу второго танца Герман распустил узел галстука.

— Если они сейчас заведут рок-н-ролл, я сдаюсь, — хохотнул он.

Даша, всерьез обдумывавшая перспективу скинуть босоножки, рассмеялась. С непривычки, и правда, оказалось слишком резво. Вопреки опасениям, завели не рок-н-ролл. Но диско в рок-обработке тоже звучало лихо.

А вот уже диско сменилось банальным медляком. И под известную песню из репертуара Тони Брэкстон в исполнении оркестровой вокалистки появилась возможность выдохнуть. Даша именно так и сделала. Перевела дыхание и обняла Германа за шею. Оказалось, что ловить на себе любопытные взгляды в данных конкретных условиях не так уж и страшно. Особенно зная то, чего окружающие не знают.

И только один взгляд ее тревожил. Из-за стола, где, закинув ногу на ногу, сидела Юлия и курила, выпуская клубы сигаретного дыма. Ее спутник куда-то подевался. И она сейчас была одна, задумчиво рассматривала танцующих и загадочно улыбалась. Даша не знала, что на нее нашло. То, что она сделала, вообще не укладывалось в систему ее личностных координат. Но в тот момент, когда Юлия струсила в пепельницу пепел, она порывисто встала на носочки и положила голову на плечо Германа.

Он сцепил руки у Даши на талии и спросил:

— Устала? Хочешь, домой поедем? Будем считать, что повинность отработали.

— Герман, ты как маленький, — зашипела Даша ему на ухо, не поднимая головы. — Мы молодожены вообще-то. Медленный танец. Подумай логически, что надо сделать. Она смотрит!

Он искренне надеялся, что не выйдет сейчас совершеннейшим идиотом. Отлично

понимая, на что намекает Даша, Герман готов был признать ее правоту. Но он также понимал, что если начнет вести себя как «молодожен», то все может закончиться несколько иначе, чем представляет себе его «жена». И, попытавшись прийти к компромиссу между совестью и желанием вызвать Юлькину ревность, Герман прижался губами к виску Даши и медленно гладил ее спину в такт мелодии. И с недоумением ощущал, как ее пальцы легко перебирают волосы на его затылке.

По счастью, мучения длились всего лишь до конца песни. А сразу по ее окончанию возле них нарисовался великий и ужасный:

— Герман, не жадничай. Одолжи партнершу!

— Даш? — он вопросительно посмотрел на девушку.

— За один танец вы же меня не сожрете? — засмеялась Даша, глядя на Ивана Александровича.

— Исключено. Пищу надо пережевывать медленно.

— Не посмеет, — подтвердил Герман. — Иначе я уеду в Цюрих.

С этими словами он отошел от Даши и вернулся на свое место за столом. Но долго оставаться в одиночестве ему было не суждено. Юлька нарисовалась рядом почти сразу. В каждой руке она держала по бокалу с вином. Один — начатый. Полный протянула ему.

— Ок! Она ничего, — сообщила бывшая. — Мне нравится. Свежесть майской розы. Великий и ужасный, кажется, вообще без ума.

— И мне нравится, — улыбнулся Герман и поставил протянутое Юлей вино на стол.

Юлька без спросу уселась возле него и снова посмотрела на Дашу, танцевавшую с великим и ужасным. По ее лицу расползлась улыбка, не предвещавшая ничего плохого, но это-то и настораживало.

— Я даже готова представить себе, что ты в том состоянии, в каком находился, вполне мог влюбиться в нее, если она нашла, как тебя поддержать. Она красивая и, кажется, веселая, все время улыбается.

— Ты хочешь об этом поговорить? — усмехнулся Герман и тоже посмотрел на танцующую Дашу.

— Представь себе! Мы не чужие люди, Гера. Глупо убеждать себя в обратном, даже если наша история закончилась.

— И потому мы должны разговаривать о моей жене?

— А мне хочется. Это пока еще актуально. Прости, я не уверена, что актуально будет через пару месяцев, когда ты с ней заскучаешь. При всех ее достоинствах, она не дотягивает до тебя. Простовата. Сейчас-то понятно. У тебя новизна ощущений.

— Ты всерьез думаешь, что мне бывает скучно? — удивился Герман.

— Всем бывает скучно.

— И тебе?

— Разумеется, Гера. Иначе сегодня мы были бы вместе.

— Ааа, — весело протянул он. — Теперь нескучно?

— Пока нескучно. Но ты ведь тоже развлекаешься.

— При чем здесь я?

— Ты всегда ни при чем. Просто светоч правильности и благочестия! — хмыкнула Юлька и отпила от бокала. — Но я с удовольствием понаблюдаю, как ты, в конце концов, ее бросишь. Не то, чтобы я не желала тебе счастья в семейной жизни. Но хотелось бы, чтобы хоть раз ты побывал в моей шкуре.

С этими словами она вскочила со стула и резво направилась к появившемуся в дверях Эгембердиеву. Что-то сказала ему, и оба весело захохотали.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но Герман этого уже не видел. Великий и ужасный возвращал ему жену в абсолютной целостности и сохранности.

— Не кусался? — спросил Герман.

— Нет, — улыбнулась Даша. — Рассказывал про удаление пара-са-гиттальной менингиомы головного мозга. Если я ничего не путаю.

— Черт, опять не попадаю в Цюрих, — засмеялся Герман.

— Посочувствовать или обойдешься?

— Пожалуй, обойдусь.

— Спектакль подействовал? — уточнила Даша. — Я видела, что она подошла.

— Похоже, подействовал. Актеры же старались, — подмигнул ей Герман.

— Чем могла! — кивнула Даша.

— Спасибо. Домой?

— Домой!

Такси они брать не стали. Захотелось пройтись. После этого сумасшедшего дня мозги следовало проветрить, иначе даже усypалось бы с трудом. Вечер отличался тишиной и легкой прохладой в отличие от предыдущих дней, когда было душно. Июнь в Киеве не успел раскочегариться до невыносимой жары. Над Днепром горели фонари, отражаясь бликами на воде. Даша временами засматривалась на другой берег. И в эти моменты в глазах ее тоже отражались огоньки.

— Я не совсем бестолковая, — смеясь, рассказывала она. — Как-то раз вылечила соседскую козу. У нее была непроходимость пищевода. Дядь Толе неохота было ветеринара везти, уже рукой махнул. Машка, коза в смысле, двое суток промучилась. Думал забить ее и все. Но я влезла. Уже почти год прошел — скачет. Всего лишь растительное масло и массаж, представляешь?

— Представляю. Но, боюсь, в моей практике этим не воспользуешься. А тебе, правда, все это интересно? — спросил Герман, посмотрев ей в лицо. Оно было вдохновенным и светилось немного детской радостью. Он вспомнил себя в период учебы. Почему-то особенно ярко он помнил свою первую артротомию. Была и у него своя «коза Машка».

— Интересно. С детства. Я еще дятла выхаживала в десять лет. Знаешь, такого... в шапке, из Красной книги. Мы гулять ходили в лес. А его кот гонял по тропинке, он взлететь не мог. Я и забрала. Он у меня почти полгода прожил. Выпустить, наверное, надо было, но он же к жизни не приспособлен оказался. И умер через полгода. Рыдалааа...

— Ну Машку же свою спасла.

— Почти десять лет спустя, — улыбнулась Даша. — Правда, с тех пор больше никого спасать не пришлось. В нашей ветлечебнице места не было. И я со своим технарем такая: «У меня призвание!» По фермам бегаю, ищу, может, что-то найдется. И ничего второй год. Глухо, как в танке.

— То-то ты и прешь, как танк, — рассмеялся Герман.

— В смысле?

— В смысле, поступать собираешься не на библиотечный.

— Аааа... — Даша задумалась и засмотрелась на воду. Кажется, едва ли не впервые она кому-то так много рассказывала о себе. Таська не в счет. — Ну, библиотека — это

временное. Я всегда как временное воспринимала. Мои смеялись, что нет ничего более постоянного, чем временное. Но... зачем мне то, что я не хочу, если я точно знаю, что мне надо?

— Наверное, незачем.

— Это похоже на твой Цюрих?

— Не совсем. Просто иногда нельзя получить все одновременно. Приходится выбирать.

— Но если точно знаешь, что хочешь, выбирать легко, верно?

— Не люблю выбирать, — рассмеялся Герман. — Даже когда знаю, чего хочу.

Даша негромко засмеялась в ответ и повернула к нему лицо. Его внешность трудно было назвать непримечательной. Крупные, даже немного грубые черты на круглом добром лице — этикие залихватские, будто на тяп-ляп лепили. Серо-голубой взгляд, который часто улыбался, но и часто бывал мрачен. Четкая поперечная морщина на переносице. Умный, думает много. Нос с горбинкой. Но при этом красивая линия тонких губ. Ему шла улыбка. Делала его моложе, что ли. Небрежная щетина. Смесь мишки Гамми и БрэдПитта.

— Иван Александрович прав, — констатировала Даша. — Ты жадный.

— А ты альтруистка?

— Если бы я была альтруистка, я бы во имя мира и спокойствия домашних и друзей пошла на библиотечный и вышла замуж за Витю. Нееееет... Я тот еще эгоист.

— Я заметил. Слушай, эгоист, может, такси вызвать? Не замерзла? — спросил Герман.

— Я редко мерзну. Мне жара хуже. А вот разуться очень хочется. Ненавижу шпильки.

— Так не интересно. Вот и как о тебе заботиться?

— Ну, если бы мы были влюблены, — засмеялась Даша, — подхватил бы меня на руки, потому что ноги, и правда, огнем горят. Но ты можешь все-таки вызвать такси.

Что он и сделал. Такси приехало быстро, доехали по ночному городу еще быстрее. У подъезда Гера распахнул дверцу машины и весело спросил:

— Ну что, на руках нести или сама пойдешь?

Даша высунулась наполовину из авто и открыла, было, рот, намереваясь, судя по выражению лица, отпустить какую-то остроту, как взгляд ее зацепился за что-то за спиной Германа, да так и застыл. Улыбка с лица медленно сползла, и Даша выдохнула:

— Ой, мамочки...

— Дарья! — раздался во дворе суровый голос Михаила Дмитриевича.

— Даш! — одновременно с ним выкрикнула Алла Васильевна.

— Ты почему трубку не берешь?! — это уже они орали хором.

Маршрут семьи Чугай под подъезд семьи Липковичей был сложным, может быть, даже несколько запутанным, но вполне закономерным в сложившихся обстоятельствах.

Киев-Козелец-Киев.

В обед приземлились в Борисполе. Добрались до дома, чтобы найти там письмо от Даши настолько странного содержания, что хоть за голову хватайся. Единственное, что сумела произнести после прочтения оногo Алла Васильевна, было буквально следующее:

«Допристраивался!»

На что услышала в ответ:

«Это были твои слова! Не вали с больной головы на здоровую!»

«Да я не то имела в виду!»

В сущности, оба родителя «не то имели в виду». Но получили имеющееся.

Письмо было короткое. Но более чем внятное.

«Мама, папа!

Не переживайте! Я вышла замуж за Германа Липковича и уехала в Киев. Как вернетесь домой, обязательно сразу позвоните, я все объясню.

P.s. газ и воду перекрыла».

Вещей Дашиных в доме почти не наблюдалось. Алла Васильевна охала. Михаил Дмитриевич скрежетал зубами. Даша на звонки не отвечала. Примерно в течение часа их осенила гениальная во всех смыслах идея съездить в фамильное гнездо Липковичей, пообщаться со Львом Борисовичем на предмет того, что за хрень происходит.

Тот немного помялся, предложил им чаю. А потом выдал с некоторой долей иронии:

«Любовь — субстанция сложная. У них сложилось за неделю».

Но адрес дал, хотя от чая новоявленные родственники отказались.

Дальнейшее было предсказуемо. Они снова помчались на автовокзал. Сели в первую попавшуюся маршрутку до Киева. А по городу добирались уже на такси, продолжая без конца набирать Дашу. Та по-прежнему не брала.

В квартире тоже никого не оказалось. И сидело семейство Чугай под подъездом второй час подряд. И звонить уже перестали. Что толку? Мать только тихонько всхлипывала. А смертельно бледный папаша даже перестал зубами скрежетать. До тех пор, пока не увидел высунувшуюся из такси непутевую дочку.

— Ты почему трубку не берешь?! — заорали родители хором на весь двор.

— Ой, — снова ойкнула Дашка и спряталась за «мужа». — У меня телефон сел, я дома заряжаться оставила.

— Дома? — рывкнул отец. — Это где это дома?

— На втором этаже, — ответил Герман, вытаскивая Дашу из-за спины. — Зайдете?

— Ну не на улице же нам ночевать, зятёк! — гавкнул отец.

— Мама, папа, познакомьтесь, это Герман, мой муж! — спохватилась Даша. — Гера, это папа и мама...

— Дмитрий Михайлович! — отрезал папаша.

— В смысле Михаил Дмитриевич, — поправила дочь.

— Да!

— И Алла Васильевна, — представила Даша маму.

— Очень приятно, — кивнул Герман и, подхватив жену под руку, направился к подъезду. Придержав дверь, пропустил всех вперед. — Веди, Даша.

И Даша повела. Мимо лифта — по лестнице. Ключ затерялся на дне ее сумочки — еле нашла. Открыла дверь, включила свет в коридоре и выдохнула.

— Ужинать хотите?

— Нет! — откомандовал отец.

— Зря, — пожал плечами Герман, разуваясь. — Котлеты вкусные.

— Я знаю. Дарья нормально готовит. Единственное, что она нормально делает.

— Папа! Я все объясню!

— Обязательно объяснишь! Это ж мы вас типа поздравить должны, да? Единственная дочка замуж вышла!

— Как отдохнули? — спросил Герман Аллу Васильевну, проигнорировав пылкое заявление «папы».

— Жарко было, — махнула рукой теща, — просидели у бассейна. Отец только ел да коктейли пробовал! — она осеклась и быстро спросила: — А тапочки есть?

— Какие тапочки! — взревел тесть. — Даха! Собирайся, мы домой едем!

— Даша никуда не поедет! — уверенно заявил Герман. — Да и вам ехать не на чем.

— Такси в любое время суток работает!

— Папа!

— Ок, рад был познакомиться, — снова заговорил Герман. — Даша, пошли спать!

Даша затравленно переводила взгляд с отца на мужа, а с мужа на маму, не имея ни малейшего представления, что делать. Но эту жуткую сцену срочно надо было прекращать. Хотя бы потому, что все это сейчас носило угрожающий характер, но при папином норове могло перерасти в настоящий скандал, отголоски которого будут слышны еще долго. И большой вопрос, как это сделать, если в ее ушах уже раздавалось отцово «а я предупреждаааал!», которое он обязательно скажет сразу после неминуемого развода, который был лишь делом времени.

Но делать нечего. Вместо того чтобы препираться, Даша молча подошла к шкафу и вынула из него свежее постельное белье.

— Может, все-таки поужинаете? — осторожно спросила она. — Наверное, весь день голодные, дома же не осталось ничего...

— Твоей милостью! — взвизгнул Михаил Дмитриевич. — Нас не было десять дней, Дарья! Как это все понимать?

— Как свершившийся факт.

— Чего?

— Михаил Дмитриевич, можно узнать, что именно вас не устраивает? — спросил Гера. — Мы с Дашей женаты, она всем обеспечена...

— Да при чем тут обеспечена! — заорал папа. — Она и дома всем была обеспечена! Вы откуда вообще взялись! Вы что? Не видели, что она невменяемая была?

— Я, конечно, не психиатр. У меня другая специализация, — принялся разъяснять Герман. — Но и психиатр не диагностировал бы у Даши невменяемости.

— А вы в курсе, что она из-под венца почти удрала? — прищурился Михаил Дмитриевич.

— Вот ко мне и удрала, — не моргнув глазом, ответил Липкович.

— К тебе? — отец почти схватился за сердце.

— К нему! — подтвердила Даша.

А Алла Васильевна тихонько присела в кресло и обреченно переводила взгляд по очереди на каждого из своих родственников — старых и новых.

— У вас валерьянки нет? — всхлипнула она.

— Сейчас принесу, — бросила Даша и скрылась на кухне.

Михаил Дмитриевич некоторое время внимательно изучал зятя. С ног до головы и обратно. Тот, надо отдать ему должное, пристальный придирчивый взгляд выдержал. Потом тесть медленно проговорил:

— И как вы познакомились?

— Самым романтическим образом, — поведал Герман.

— Да? — голос Михаила Дмитриевича особого доверия не выражал.

— Герман меня спас! — радостно сообщила Даша, влетая в гостиную с валерьянкой и минералкой. — Я под машину почти попала.

— Как под машину? — вскрикнула Алла Васильевна.

— На велосипеде. Но все хорошо! Герман был рядом, оказал помощь. Да, Герочка? — Даша быстро глянула на мужа и принялась отсчитывать капли.

— Да, — тут же подтвердил «Герочка».

— Ну? — Даша протянула перед собой стакан с водой и каплями. — Кто первый на очереди?

— Не, я все-таки сначала поел бы... — задумчиво промолвил отец.

Часом позднее, пока Даша с мамой сидели в гостиной и негромко обсуждали Дашину новую семейную жизнь, Герман был вынужден на кухне выслушивать излияния отца своей «как бы жены». Стрелка часов уверенно близилась к первому часу ночи.

— Она у нас знаешь, какая? — заплетающимся то ли от усталости, то ли от количества выпитого языком промямлил Михаил Дмитриевич.

— Знаю, — кивнул Гера.

— Неее... ты не знааааешь... Дура, конечно, хоть и умная... Но зато дообряя.

— Я знаю.

— Ну... тем лучше, — крикнул тесть и отправил в рот кусок котлеты. — И готовит божественно! Она тебе свой фирменный с абрикосами пекла?

— Пока нет, — усмехнулся Герман и, увидев удивленные глаза Михаила Дмитриевича, поспешил добавить: — Но я наслышан. Он мне обещан на первую годовщину.

— Вот бестолочь! Чего тянет? Я ей утром скажууу!

— Даже не вздумайте! С пирогами мы сами разберемся.

— Ну-ну, — проворчал Михаил Дмитриевич, — одного мужика проворонила, второму пирога ни разу не испекла... Слушай, обидишь ее — пеняй на себя, понял?

— Понял, понял. Не обижу.

— И сам на меня не обижайся! Я тебе это только раз говорю и все! Больше не возвращаемся! Доведешь ее — откручу все, что болтается. Один уже свое, считай, получиинил, — тесть весело заржал, потом умолк и задумчиво наполнил очередную рюмку. И свою, и зятя.

— Учту, — хохотнул Герман и резким движением влил в себя водку. — Ну я тогда пойду, пока у меня все на месте.

— Иди, иди. Я тоже спать, — сообщил Михаил Дмитриевич. — Завтра мы домой, но ты учти, что еще приедем. Знакомиться нормально!

— Спокойной ночи! — распрощался Липкович с тестем и ввалился в гостиную, забирать Дашу. — Спать пора.

Даша глаза подняла, Алла Васильевна — опустила. Неловкость прослеживалась основательная. Но все-таки изначальный лед треснул.

— Мам, ну ты же постелешь сама, да?

— Конечно, постелю, — засуетилась мама. — Завтра поспите подольше, выходной все-таки.

— Как получится, — бросила Даша и встала с дивана. — Спокойной ночи!

Обреченно посмотрела на Германа. Но делать было нечего — родители не оставили вариантов.

Уже позже, в комнате, стоило закрыть дверь, Даша несчастным голосом проговорила:

— Прости. Я не думала, что так будет... Наверное, где-то понимала... Ну забыла я, что они сегодня прилетают!

— Да ладно. Прилетели и прилетели, — Герман достал из шкафа подушку и простыню. — Даш, я, правда, спать хочу.

Он быстро разделся, завалился с краю кровати, где не было подушки, и облегченно выдохнул. Даша завозилась, открывая дверцу шкафа и прячась за ней так, чтобы не попасть в поле зрения мужа. Через несколько минут шороха и скрипа дверцы, имевшей явное намерение захлопнуться обратно, она переоблачилась в пижаму и быстро прошмыгнула под одеяло с другого края от Германа.

— Спокойной ночи, — сказала Даша.

Ответом ей послужили тишина и мерное дыхание не вполне трезвого супруга.

Курил Герман редко, но иногда случалось. И когда накатывало, уходил на задний двор, где царствовали кошки, подкармливаемые поварами из столовой. Извечная борьба главврача и пищеблока никогда не заканчивалась, а лишь временно приобретала характер вялотекущего конфликта, чтобы потом вспыхнуть с новой силой.

Судя по незначительному количеству четырехлапых созданий, сейчас преимущество было на стороне главврача. При виде Германа «бедненькие котики» кинулись врассыпную, с трудом волоча свои откормленные бока в укромные места.

К великому изумлению Липковича здесь же обнаружилась и парочка двуногих, пораженных самым весенним настроением, несмотря на вполне себе июльский солнцепёк. Но врассыпную, в отличие от пушистых «собратьев», они не кинулись, даже не заметив его появления. Они не отлипали друг от друга, явно не слыша ни посторонних шагов, ни всполошившихся котов. Мощная туша Эгембердиева, а это был именно он, практически прижимала к кирпичной стене свою спутницу, его ладонь гладила ее по руке в белом халате, а его бесстыжий рот вдохновенно нес какую-то ахинею про абсцесс головного мозга. Она — Юлька — сексуально смеялась (а Герман точно знал эту ее интонацию и ни с чем перепутать не мог) и призывно водила ногой, касаясь ноги Руслана.

— Приветствую, коллеги! — весело окликнул их Герман.

Парочка как-то одновременно вздрогнула, но по-прежнему не спешила кидаться врассыпную. Юлька только выглянула из-за спины Руслана, да и тот повернул голову.

— Привет! — улыбнулась Юлька, разглядывая бывшего.

— Виделись, — выдал Эгембердиев.

Герман закурил, медленно выпустил дым и поинтересовался:

— Не жарко?

— Здесь тенок, — рассмеялась бывшая.

— Так под кондиционером и того удобнее, — рассмеялся в ответ Гера.

— Зато здесь воздух свежий. Надо же и мозги проветрить, — Юлька отлепилась от стены и отстранилась от Руслана. — Ладно, мальчики, у меня работы много. Русик, заглянешь потом?

— Обязательно. Мы не договорили, — хмыкнул Русик.

— А разговоры не отвлекают? — Герман кивнул вслед Юле, скрывшейся за углом. В том же направлении глянул и Эгембердиев. Потом усмехнулся и ответил:

— Немного. Но в качестве прелюдии сойдет.

— Помнится, еще недавно ты утверждал, что разговаривать с ней совершенно не о чем.

— Подтверждаю. По-прежнему не о чем. Только это не разговор. Это стимуляция сексуального возбуждения. Кого-то игрушки заводят, кого-то абсцессы.

— Какая забота о ближнем! — зло ухмыльнулся Герман.

— Тебя что-то не устраивает?

— Это не твои проблемы.

Эгембердиев смерил его отвратительно хитрым взглядом и подмигнул.

— Ну ты же помнишь правила, братец. Я никогда не клеюсь к чужим бабам. А Нескородева с некоторых пор бесхозная.

— А ты пристроился. С некоторых пор.

— Имеешь возражения?

— Да никаких.

— Ну и прекрасно, Липкович. Потому что оснований у тебя тоже никаких. Привет жене!

Легко кивнув на прощанье, Эгембердиев поплелся в здание клиники, насвистывая что-то из Бизе.

— Идиот! — буркнул ему вслед Гера и выбросил окурочок.

Во второй половине дня сердитый голос доктора Липковича раздавался в разных углах клиники.

Девочки в регистратуре перешептывались о причине.

— С женой поссорился, ночью помирится, — со знанием дела сказала старшая медсестра и рявкнула: — А ну марш работать!

Липкович же вовсе не собирался делать ничего подобного по причине того, что ни с кем не ссорился. И потому вечером, все в том же мрачном расположении духа, он ввалился в квартиру и молча бросил собственное тело на диван, врубив музыкальный центр. Из колонок громко зазвучали Gregorian.

Даша показалась в гостиной почти сразу. Лицо не выражало любопытства, но выглядело не особенно довольным.

— Вообще-то, я занимаюсь, — сообщила она и продемонстрировала ему учебник по кормлению сельскохозяйственных животных.

— А я отдыхаю.

— Но мне мешает.

— Значит, заканчивай заниматься.

— Вступительная кампания начинается 11 июля. Завтра я еду подавать документы. Первый экзамен — двадцать первого. У меня катастрофически мало времени. Сделай потише.

— Один вечер ничего не решит.

— Ты издеваешься?

— Нет. Это ты думаешь только о себе.

— Приехали!

— Вот именно! Привыкла все делать по-своему?

— Да, привыкла! — взвилась Даша. Ее настроение тоже не было похоже на привычно добродушное. — Тебя никто не заставлял оставлять меня здесь. Потому будь любезен, считайся!

— Я должен был считаться с Юлькой. Теперь должен считаться с тобой. А до этого с тобой должен был считаться твой жених. Самые умные?

— По всей видимости! Раз она ушла от тебя, как я ушла от Вити, мозги какие-то у нее все-таки имеются!

— Свалить от мужика, который хочет на тебе жениться, много ума не надо.

— Никто и никогда не валит просто так! Так что совсем не обязательно изображать из себя ангела о двух крылах!

— Я не ангел! — заорал Герман. Ему вторили Gregorian. — И не претендую.

— Да ты и не тянешь! — вскрикнула Даша. — И на твоём месте я бы не рассчитывала, что она вернется. Если вернется — дурой будет!

— Тогда объясни мне, всезнайка, что плохого в желании жениться на бабе, которую

любишь, и завести ребенка?

— Если параллельно с этим ты не пытаешься шарить своими лапами под чужими юбками, то ничего!

— А когда от одного тут же бежишь к другому, будто ничего и не было, то это нормально!

— Это нормально и даже правильно! Почему вам можно, а нам нельзя?

— Не слишком ли многое вам можно?!

— А вам? — совсем расходилась Даша. — Знаешь, не самое приятное за день до свадьбы застучать собственного жениха с любовницей! После такого не знаешь, как себя по кускам собрать! А вам пофигу! Вы даже изменой такое не считаете! Оторваться напоследок! Все равно что высморкаться! Подумаешь, из постели одной в ЗАГС к другой мчаться. Всего и делов — по дороге заскочить домой и костюм переодеть!

— Вернуться после аборта в постель к тому же мужику куда как порядочнее! — окончательно взорвался Герман и швырнул пульт в колонку.

Даша замерла на мгновение, переваривая услышанное, и тяжело дышала, тщетно пытаясь успокоиться. В гостиной орало Bring Me To Life ангельскими голосами Gregorian. Она резко бросила учебник в кресло, подошла к музыкальному центру и отключила его из розетки. Обернулась к Герману и мрачно процедила:

— И чем она это объяснила?

— Намерением ехать в Цюрих, — так же мрачно ответил он и снова рявкнул: — Да какая разница!

— Ты прав. Никакой, — теперь ее голос звучал сдержанно, что так не вязалось с раскрасневшимся лицом. — Извини, я... позанимаюсь сегодня на воздухе. Съезжу на Набережную.

Герман кивнул. Даша быстро подобрала книгу и торопливо направилась к выходу. А потом снова обернулась к мужу. И обреченно сказала:

— Утром приходил твой папа...

— Папа всегда умел выбрать время, — устало сказал Гера.

— Не волнуйся. Это было недолго, и я ему не понравилась.

С этими словами она уныло улыбнулась и вышла из комнаты.

Утро не предвещало ничего плохого. В такие утра обычно у нормальных людей ничего не случается, чтобы раскатывало по асфальту. Но то у нормальных. Даша себя к ним давно уже не причисляла.

Она проснулась оттого, что за окном весело щебетали скворцы. Часы показывали 6:30 утра, а это значило, что до звонка будильника у нее еще целых пятнадцать минут. Это время можно было использовать с пользой, а можно было просто поваляться, забив на то, что существует немалый риск снова уснуть, и тогда пробуждение будет ужасно. Потому Даша неохотно встала и поплелась в ванную. Пока Герман еще спал, она приняла душ, переделалась и приготовила завтрак. К его подъему обычно все уже было готово.

Прошедший месяц был не самым худшим в ее жизни — она это признавала и втихомолку радовалась возможности пожить отдельно от родителей, помечтать о чем-то своем и не выслушивать кошмарные ежедневные нотации. Родители, по счастью, признали ее право на самоопределение при условии поддержки мужа. По всей видимости, фамилия все-таки сказалась. К Липковичам в Козельце всегда было особое отношение. А Даша теперь тоже была Липкович, хоть и временно.

Но именно это «временно» она особенно остро прочувствовала в то утро, 10 июля.

Герман спокойно встал, они болтали за завтраком о чем-то незначительном. Отношения между ними установились на удивление теплые. Собственно, такой теплоты она не испытывала ни к одному мужчине, даже к Вите в хорошие времена. Странно, но своему фиктивному мужу она могла рассказать о самых глупых своих идеях и не боялась остаться непонятой или, того хуже, высмеянной. Он по-прежнему считал ее танком. Но, следовало признать, Даша была очень тихим, почти бесшумным танком. И — что главное — упорства ее он не осуждал. Она погрузилась в учебу и хозяйство, он ходил на работу. Вечерами они смотрели фильмы на DVD, болтали обо всем на свете или сидели молча, уткнувшись в мониторы своих гаджетов. И совершенно не мешали друг другу. Спустя месяц брака Даша всерьез считала мужа своим большим другом.

И все бы ничего.

Но утром 10 июля возникло обстоятельство по имени Валентин Борисович Липкович.

Высокопоставленный папа Германа приехал, когда тот уже отправился на работу. Звонок в дверь был коротким, но уверенным. Даша, решившая вымыть пол в квартире, бросилась открывать дверь и, не глядя кто там, воскликнула:

— Растяпа, я так и знала, что ты что-то забыл!

И так и замерла с открытым ртом. На пороге стоял незнакомый мужчина с характерным для Липковичей крупным носом с горбинкой. Обладателями точно таких носов были Герман и Лев Борисович.

— Вы Дарья? — хмуро спросил «папа».

— Да, — прошелестела она.

— Отец вашего благоверного! — небрежно представился он, будто бросил кость собаке, и прошел в квартиру, не соизволив разуться.

Зачем он пришел, она не имела ни малейшего представления. Но его визит был похож на настоящий рейд. Он тайфуном пронесся по всем комнатам. Начал с кухни. Осмотрел вымытый пол. Оценил содержимое холодильника. Потом переместился в гостиную. Придирчиво осмотрел помещение. В Дашиной спальне задержался у шкафа. Ненадолго только пощупал зачем-то ее любимые джинсы. Все это он проделывал молча. Даша только и успевала, что так же молча бегать за ним.

Наконец, Валентин Борисович обернулся к невестке и довольно холодно спросил:

— Вы расписывались в Козелецком ЗАГСе?

— Да.

— Вы медсестра? Санитарка? Что-то такое?

— Нет... планирую на ветеринарный...

— Ясно, совсем никто. Ваш отец занимается ремонтом автомобилей?

— Почти... он автозапчастями торгует...

Валентин Борисович помолчал. Но недолго. Ровно столько, чтобы Даше хватило времени справиться с жутким желанием грохнуться в обморок. Обмозговав какое-то время то, что роилось в его голове, он снова заговорил:

— Значит так, девочка. Я человек занятой, и времени у меня в обрез. Еле выкроил, чтобы заехать. Не то, чтобы я имел что-то против вас, Дарья, но вы моему сыну не подходите. Конечно, с вами он будет накормлен и чист. Но он Липкович. И его ждет блестящее будущее, что бы он ни выбрал. Вам с ним не по пути. Это понятно?

Даша внимательно выслушала его тираду, думая, что угодила в какой-то дурацкий

кошмар. А по ее окончании уверенно кивнула и спросила:

— Чай или кофе будете? Еще какао есть...

— Нет. Мне пора. В министерстве ждут. А вам лучше подумать над моими словами.

— Я подумаю, — честно пообещала Даша.

Исчез Валентин Борисович так же стремительно, как появился. А Даша остаток дня до приезда Германа пыталась прийти в себя, сперва изучив свое отражение в зеркале, потом порывав в подушку, потом попытавшись убедить себя, что услышанное не имеет никакого значения, поскольку в ее планах вовсе не значилось оставаться женой Липковича дольше, чем это нужно, чтобы он мог вернуть свою Юлию. Но как бы там ни было, каждое слово его отца успело долбануть в ней по самым болезненным точкам. Даша никогда не была толстокожей. И привыкнув чувствовать себя с Германом на равных, обнаружила, что они вовсе не на равных. Вернее, ей недвусмысленно на это указали.

А когда он явился домой и врубил музыку, она... она... она почти готова была закричать от отчаяния — он тоже не ставил ее ни в грош. Даже в такой мелочи. И ее побег из дома был вполне закономерен. Ей следовало подумать. Или просто помолчать. Побывать наедине с собой.

На Набережной было тихо. Она не знала, сколько просидела там в одиночестве, глядя на воду. Вода всегда ее завораживала. Но вот именно сейчас она понимала, что думает не о том, что делать дальше, что не жалеет себя, а пытается понять, какой надо быть идиоткой, чтобы сделать аборт от мужчины, который так... любит? И что отдала бы она за то, чтобы ее любили хоть наполовину так сильно, как Герман любил свою Юлю. Только вот почему-то одни внушают любовь, а другие — нет.

Ветер подхватил несколько хлебных крошек у нее под ногами и понес к реке. Туда тут же слетелись птицы. Даша вяло улыбнулась. Если она и была танком, то сегодня ее подбили. Причем основательно.

Домой, если квартиру Германа Липковича можно было назвать домом в свете всего произошедшего, она приехала уже поздно. И, стараясь не шуметь, прошмыгнула в «свою» комнату. Спать ложилась с четкой установкой продержаться до поступления. А потом все обязательно как-нибудь устроится. Нужно просто подождать.

Когда Даша вернулась, Герман еще не спал. Пытался читать, потом торчал в интернете. Чтобы не думать о том невообразимом, что творилось в прошедший месяц. Неопределенность всегда его напрягала, а сейчас в его жизни была сплошная неопределенность. С Юлькой ничего не выходило. А после того, как вслух озвучил причину их расставания, закралась мысль, которую Герман усиленно старался не думать. Зачем возвращать женщину, которая не хочет быть с ним, рожать его детей и запросто спит с другим, спустя пару недель?

Чтобы забыть о Юле, принимался думать о Даше. Злился на себя, что орал на нее. Она-то при чем?

Удивлялся, что она тоже, оказывается, умеет орать. В тихом омуте...

Именно в этом взвинченном состоянии позвонил отцу.

— Я тебя к себе приглашал?

— Здравствуй, Герман.

— Что ты ей наговорил?

— Я лишь сказал то, что ты и сам знаешь. Она тебе не пара.

— Ты лучше прочих всё знаешь о паровании, — зло брякнул Гера.

— Герман, ты не понимаешь, о чем говоришь.

— А ты со своим пониманием не лезь в мою жизнь! — бросил Гера трубку.

Кажется, в его окружении вообще мало, кто смыслил в паровании, кроме отца, женившегося на нужной женщине в нужное время для уверенной карьеры. Дядя Лева предпочитал свободный от чужих посягательств мозг. Юлька стала искать экзотического разнообразия в объятиях представителя восточных народов. А Даша умудрилась выбрать муздака, изменившего ей накануне свадьбы. Бред какой-то!

Среди этих безрадостных рассуждений Герман заснул, чтобы проснуться в еще более гадком настроении, чем накануне. Ему повезло, в клинике был свободный день. Хмурый и небритый, он прошлепал на кухню, окинул мрачным взглядом завтрак, оставленный Дашей, и включил кофеварку.

Кофе был выпит, и докуривалась вторая сигарета, когда в дверь позвонили. Герман открыл. На пороге стоял молодой человек смазливой наружности. Бабам такие нравятся, воплощение киношной мечты в реальной жизни.

— Чего хотел? — поинтересовался Липкович.

Киношная мечта зачем-то заглянула за его спину и промолвила человеческим, но довольно неприятным тягучим голосом:

— Я к Даше. Она дома?

— Я дома, — проворчал Герман. — Ты кто такой?

— Гороховатский. Виктор. Мне нужно поговорить с Дашей.

— Угу, — кивнул Герман. — Виктор, значит. Обойдешься без разговоров.

Липкович потянулся, чтобы закрыть дверь. Но смазливый Виктор оказался упертым чуваком и просунулся в квартиру.

— Не обойдусь! Может, ты, конечно, и не в теме, кем я прихожусь ей, но у меня дело есть!

— А кем я ей прихожусь, ты в теме?

— В теме! Но это временно! Потому что у нас с ней типа... отношения!

Происходящее стало забавлять Германа. Он усмехнулся, скрестив руки на груди.

— Сейчас она моя жена.

— Да мне пофигу, что сейчас! Она все равно очухается и вернется ко мне, понял?

— Это ты не понял. Так что можешь смело гулять дальше.

— Сам гуляй полем! Это моя баба, ясно? Мы два года с ней мутили, пожениться собирались!

— Я знаю, как ты собирался. Поэтому теперь будешь мутить в другом месте.

— Чего? — протянул Гороховатский. — Тебя вообще не спрашивали!

— Пошел вон! — негромко сказал Герман.

— Да никуда я не пойду, слушай! — продолжал возмущаться Витя. — Я не дебил! Понимаю, что она тут назло мне!

— Она тут, потому что она моя жена. Что из этого тебе не ясно? Повторяю для непонятливых — пошел вон.

— Да какая она жена! Детский сад — за неделю замуж выскочила! Харе себя успокаивать!

— Меня устраивает. Свалишь ты, наконец? — начал закипать Герман.

— Пока она не явится, никуда я не свалю!

— Пошел вон из моей квартиры!

— Да иди ты!

Герман молча развернул непонятливого визитера за плечи к двери и спросил:

— Сам уйдешь?

Тот упирался и пытался освободиться, что представилось весьма непростой задачей — хватка у Липковича оказалась железной. Потому можно было просто безрезультатно попытаться и не дергаться. Но Гороховатский был упертым. И извратился, насколько хватило воображения. Со всей дури долбанул Германа по ноге пяткой в тяжелой кроссовке. За что немедленно получил в ухо. Витя ухнул от боли, но равновесия не потерял. Даже напротив, умудрился вывернуться. И захватить хозяину квартиры в глаз... локтем. Не то чтобы со зла, но случайно. Герман скривился, мотнул головой и ударил в ответ. В челюсть. Кстати, весьма удачно. И лететь бы Гороховатскому через всю площадку к лестнице, если бы в этот самый момент по ступенькам на второй этаж не поднялась Даша. Она даже сказать ничего не успела — только в ужасе приоткрыть рот — когда Витя заорал на весь подъезд:

— Даха, уйми своего психа!

— Я по-хорошему просил, ты не понял, — ухмыльнулся Герман.

Витя отдернул руку, которую продолжал сжимать Липкович, и отскочил от него на безопасное расстояние. Даша при этом спустилась на одну ступеньку — подальше от бывшего жениха.

— Ты зачем приехал? — сердито спросила она.

— Дык за тобой! — воскликнул незадачливый влюбленный и на глазах Германа и Даши Липковичей, а также соседского кота, сидевшего на перилах, бухнулся на колени: — Дашунь! Ну прости дурака! И выходи за меня замуж, а!

Герман с любопытством посмотрел на Дашу в ожидании ее ответа. Продолжать калечить будущего мужа собственной жены было... несколько неприлично.

— Витя, ты сдурел? — ошалело спросила, между тем, то ли жена, то ли будущая невеста.

— Нет! Я Людку бросил! В смысле, окончательно!

Даша зависла. Потом по губам ее медленно расплзлась улыбка. Мрачная и почти зловещая.

— Спасибо. Хоть узнала, как ее звали.

— Дашунь! Ну прости! Ну я тебе клянусь, все! Я ж тебя любил всегда.

— Аааа... — протянула Даша. — Так это ты любил! А я-то подумала!

— Ну Дашка! — начинал то ли ныть, то ли заводиться Витька.

— Поезжай-ка лучше домой, — буркнула все-таки жена, а не будущая невеста.

— Ну нафига тебе этот индюк! — взвился тут же Гороховатский, вскакивая на ноги. —

Учти, я уеду и точно уже не вернусь!

— Этого я сейчас и добиваюсь.

— Аааа... так комфортная жизнь в столице затянула! Так бы сразу и сказала!

— Даш, иди домой, — проговорил Герман и глянул на Витьку. — Тебя и сегодня не приглашали.

— А меня приглашать не надо, я за своим сам припрусь!

Даша охнула и шлепнула ладонью по лбу. Но мужа послушалась. Таки поднялась на площадку и прошла, обходя Гороховатского десятой дорогой, к Герману.

— Я не твое, — буркнула она, скрывшись в квартире.

— Это мы еще поглядим! — крикнул вдогонку Витя.

Герман развернулся и, зайдя в квартиру вслед за Дашей, закрыл дверь.

Зато на лестнице раздался громкий удаляющийся топот.

— Кошмар, — выдохнула Даша, привалившись к стене.

— Где была? — спросил Герман, не обратив внимания на ее замечание.

— Документы подавала... я вчера предупреждала... Ты зачем драться полез?

— Не сдержался, — пожал Липкович плечами и двинулся в ванную. Глаз, куда угодил Витькин локоть, начал ныть. Даша скрылась на кухне. Ненадолго. Скоро нашла Германа у зеркала и протянула ему пакет с кубиками льда.

— К вечеру красивый будешь, — мрачно сказала она.

— Очень? — хохотнул Герман, прикладывая к глазу лед.

— Ну, может, не все потеряно, — помолчала и добавила: — Он мне раньше таким не казался.

— Это ты сейчас о чем?

— Не знаю... Честно... — Даша растерянно посмотрела на Германа. — В тот день я ездила в Лемеша, на ферму... мне сказали, там место ветеринара было. Я смотрю, на остановке машина его. А он врал, что в командировке. Я еще обрадовалась, что он узнал и за мной приехал... Раньше освободился или что-то такое... Хотя какие командировки у автомеханика? Подошла, а он там... с этой... как он сказал? Людкой? И все оборвалось, что ли... Как будто я безоговорочно верила во что-то незначительное, не имеющее смысла.

— Может, еще образуется? Простишь потом, когда времени больше пройдет. Он сказал, вы два года вместе были.

Ее брови подлетели вверх, и она негромко рассмеялась.

— Два года? Ну да, можно и так сказать... Они с папой работают. Я еще в техникуме на первом курсе училась, когда он приехал — институт то ли бросил, то ли отчислили. Три года я в рот ему заглядывала. Потом, когда старше стала, в его компанию попала... А в прошлом году вдвоем гулять стали, без его друзей, — она тряхнула головой и прислонилась к стене. — Нет, не хочу больше. После такого...

— Не злишься, что я его выгнал?

— Нет. Злюсь, что он приехал.

— С документами все в порядке? Сдала?

— Сдала. Только пришлось свидетельство о браке прикладывать... Диплом же на девичью фамилию. Смешно будет, когда я потом обратно поменяю.

— Ты же почти врач, — сказал Герман, шурша лекарствами в шкафу. — И знаешь, что смех — это хорошая эмоция. Куда подевалась чертова мазь?

— Из моих пациентов ржать могут только кони, — рассмеялась Даша и ткнула пальцем на полочку прямо перед его носом: — Эта?

— Эта, — Герман намазал подбитый глаз. — Слушай, у нас пожрать что-нибудь есть? От твоего жениха аппетит разыгрался.

— Остатки сырного пирога. Греть? Или могу суп быстро сварить? С фрикадельками?

— Давай пирог, потом суп, — распорядился Герман.

— Как прикажете, мой господин, — поклонилась Даша и вдруг весело прыснула: — А за меня еще никто никогда не дрался!

И с этими словами скрылась на кухне.

Если поначалу у нее и была привычка чуть что, звонить в дверь, то с некоторых пор она научилась открывать ключом, не предупреждая звонками, что заходит. Вот и теперь. Несколько мгновений она судорожно рылась в сумочке, разыскивая ключ, который, как всегда, затерялся среди мелочевки. А когда нашла, нетерпеливо вставила его в замок. Повернула, дверь подалась, и Даша вошла в квартиру. Включила в коридоре свет и громко выкрикнула:

— Я есть в списках!

— В каких еще списках? — поднял Герман голову от книги. Даша стояла на пороге гостиной и как-то странно улыбалась. Будто была растеряна или даже удивлена.

— В тех самых... Сегодня вывесили наконец-то. Я с утра проторчала на крыльце. Только в три часа впустили. Герман, я поступила!

— Поздравляю! — улыбнулся Гера. — Зря переживала.

— Спасибо! ААААА! — взвизгнула Даша, с самой жизнерадостной миной бегом пересекла комнату и, плюхнувшись возле него на диван, порывисто обняла за шею: — Спасибо, спасибо, спасибо!

— Мне-то за что? Сама готовилась, сама поступала, — Герман приобнял ее в ответ. — Отмечать будем?

— Не знаю. Я не думала! Я даже сама себя уговаривала не расстраиваться, когда ничего не получится, а получилось и... и ты... Черт, если б ты меня не сбил, я бы не приехала! — Дашка поцеловала его в щеку и тут же, смутившись, отстранилась.

— Вообще-то, это ты меня пыталась сбить, — Герман с улыбкой наблюдал за ней.

— Не знаю... Не помню! Это, кажется, в прошлой жизни было!

— Очень может быть. Так как? Сходим куда-нибудь или дома? Шампанское есть. Ты шампанское любишь?

— У меня от него голова болит. И пьянею сразу. Но это все равно! Сегодня точно только шампанское. В следующий раз — на выпускном.

— Зануда ты, Дашка, — рассмеялся Герман. Достал бокалы, конфеты. Бутылка открылась с тихим вздохом, и Гера провозгласил тост: — Еще раз поздравляю! Родителям звонила?

— Нет... Сначала на метро ехала, потом домой спешила.

— Давай звони!

— Да? Ну да...

Даша бросилась в коридор разыскивать сумочку, в сумочке — телефон. И вскоре до него стал доноситься ее радостный звонкий голос, которым она сообщала о своей первой серьезной победе. Кажется, Дашка очень сильно гордилась собой. Впрочем, повод действительно был весомый.

Чертово время пробежало незаметно. Будто и не происходило ничего. В то же время происходило многое. Заслуженное и не всегда.

Даша пропадала в универе. Но нельзя было сказать, что Герман часто замечал ее отсутствие. Слишком много отвлекающих факторов вмешивалось в его домашние дела. Его основная жизнь сейчас проходила в клинике.

С горем пополам был выписан Григораш. Герман, из последних сил сдерживая себя,

пытался объяснить ему, что следующий раз наверняка окажется последним, и привезут его не в реанимацию.

Юлька с самой лучезарной улыбкой ежедневно заглядывала к нему на чай, доказывая, что так выглядит дружба. Что-то весело щебетала, приносила его любимые пряники и давала редкие осторожные советы по поводу его костюма.

«Когда ты заводишь речь о цвете запонки на левом рукаве, у меня укрепляется уверенность, что ты выбрала не ту профессию», — не сдержался однажды Герман.

«Глупости! — отмахнулась Юлька. — Кто-то же должен тебе помочь в таком нелегком деле, раз твоей жене это не очень интересно!»

«Прежде всего, это не интересно мне. Почему бы тебе не заняться Русланом?»

Она на мгновение задумалась, а потом рассмеялась: «Не знаю, Гера! Наверное, не привыкла о ком-то еще заботиться!»

И упорхнула, небрежно хлопнув дверью.

Впрочем, явления Юльки были не самым сложным. Труднее было решить, должен ли он лезть в чужую жизнь. У Эгембердиева умер пациент. Руслан пил по-черному который день. А Герман точно знал, что, окажись на его месте (а рано или поздно все бывают на этом месте), не хотел бы ничего вмешательства. И потому он брал телефон — и не звонил. Однажды даже приехал к Руслану домой.

Постоял во дворе, но так и не вышел из машины.

День маленькой Дашиной победы, отмеченной шампанским и шоколадом, вернул Германа в его странный семейный мирок. Но ненадолго. Следующий день огорошил Липковича сильнее прочих.

Началось все утром в клинике. Юлька выскочила из ординаторской, столкнувшись с ним носом к носу. WOGовская кофейная чашка в ее руках благополучно подпрыгнула, расплескивая успевший остыть кофе прямо на Юльку. Она громко взвизгнула и растерянно посмотрела на расплзающееся по халату пятно.

— У меня рубашка тоже белая! — неожиданно для Липковича рассмеялась Нескородева.

— Ну прости, — развел руками Герман.

— Повинен смерти! — еще веселее засмеялась Юлька и вдруг прищурилась: — А у тебя в кабинете на вешалке по-прежнему мой запасной халат висит, или выбросил?

— А висел? — удивился Липкович.

— Уууууу! Я сейчас обижусь, милый!

— Не стоит. Мы можем посмотреть.

— Ну пошли. Кофе хочешь? Почти лед! — она протянула ему чашку, но ее сверхлучезарное настроение выглядело странно.

Герман отрицательно качнул головой и провел Юлю в свой кабинет.

— Точно висит, — усмехнулся он.

— Эх ты! — Юлька вытащила из шкафа плечики и сдернула с них халат. — Женщины любят внимание, между прочим!

— Между прочим, раньше тебя все устраивало, — Герман смотрел на нее, не отрываясь. Она быстрым движением расстегнула кнопки халата с ярким пятном кофе на груди, небрежно скинула его. Ее обнаженные руки мелькнули перед его глазами, прежде чем скрыться под белоснежной тканью. — А сейчас и вовсе должно быть безразлично.

— Допустим, мне не безразлично, — рассмеялась Юлька. — Сначала Эгембердиев

игнорит по полной, хотя обещал похитить и увезти в горы. Теперь ты чудишь. Как только твоя Дарья терпит?

Халат она не застегнула. Зато расстегнула несколько пуговиц блузки и заглянула под нее.

— Черт! Бюстгальтер тоже!

— Запасной тоже в моем кабинете? — ухмыльнулся Герман.

— Ну, трусики запасные я держала у тебя в нижнем ящике стола, — хрипловато произнесла Юлька, чуть приподняв бровь. — Раньше. Ты туда никогда не заглядывал. А этот предмет белья как-то не додумывалась.

— Может, заберешь все свое? Чтобы не валялось, — Герман сел в кресло и уставился в монитор. В то время как думать мог лишь о расстегнутых пуговицах Юлькиной блузки.

— Да ладно тебе! У меня своего кабинета пока нет. Как обзаведусь, так сразу и съеду. Жалко, что ли?

— Нет. Но я не хочу, чтобы твои вещи оставались в моем кабинете.

— Эк тебя торкнуло. Боишься, что жена приревнует?

— Не боюсь. А тебе хочется создать повод?

— Гера, ну не будешь же ты отрицать, что если бы я захотела, то могла бы.

— Зачем? — Герман отвлекся от компьютера и посмотрел ей в глаза.

— Затем, что три года и два месяца — это разные весовые категории. Что-то же нужно для самоутверждения.

— У тебя для него все было. Ты же решила, что тебе мало.

— Да, мне мало просто любви. Мне нужно больше. Но ведь каждому человеку хочется многого.

— Возможно...

— Как всегда, в высшей степени снисходителен.

— У тебя настроение плохое? — поинтересовался Герман.

— Наоборот. Мне интересно, где границы твоей сдержанности.

— На отметке 12:30. Тогда я выпровожу тебя из кабинета и пойду на обед.

— Черт, Гера! — вдруг психанула Юлька. — Ты глухой или слепой? Я пытаюсь с тобой поговорить о нас. Между прочим, впервые за эти два месяца. Меня тогда долбануло, неужели не понимаешь?

Герман откинулся на спинку кресла, физически чувствуя неожиданно нахлынувшее спокойствие.

— О нас? Ну давай поговорим.

А вот она явно нервничала. Все-таки смех и веселье в ее случае всегда были признаком чего-то еще, более глубокого и хаотичного. Она подошла к столу и оперлась локтями о столешницу. Так, что лицо ее оказалось прямо перед его лицом. И произнесла:

— Я почти собирала чемоданы. Я всерьез думала о том, что надо учить немецкий в срочном порядке. Я мечтала, чтобы ты сделал карьеру за границей, чтобы у тебя были неограниченные возможности. А ты отказался — запросто. Даже меня в известность не поставил. А я знала, Гера. Знала про это чертово предложение. Может быть, даже раньше тебя. И я бы сделала немало, чтобы все получилось, но тебе оказалось плевать! Все, что ты мог, это твердить, что любишь меня. Так вот, это я тебя любила. Я — тебя. Потому что готова была отказаться от очень многого, чтобы ты достигнул большего. А все, что сделал ты, это женился через неделю после нашего расставания!

Герману, взирающему на Юлькины прелести в вырезе блузки, было не до смеха. Ее запах проникал в него и будоражил фантазию. Он мысленно сосчитал до десяти, как перед началом операции, заставил себя отвлечься и перевел взгляд на ее лицо.

— А что ты ждала, я сделаю? — любопытствовал он.

— Да что угодно, но не это! Ты мог, как Эгембердиев, забухать. Обматерить, за волосы притащить меня обратно. Серенады под окнами орать. А вместо этого ты два месяца изображаешь примерного семьянина с простой деревенской Няшечкой Дуняшкой! Мне вот просто интересно... для справки... если бы ей светило быть женой известного врача из швейцарского нейрохирургического центра, она бы хоть на сотую долю осознала свое везение?

— Я правильно понимаю, что ты осознала собственное невезение, когда тебе не пришлось стать женой... как там ты наговорила? — Герман неопределенно взмахнул рукой перед самым Юлькиным носом.

— Во всяком случае, я в состоянии понять, в чем везение, а в чем нет! В отличие от тебя! Талантливых врачей много, Гера. Но не у всех папа — Валентин Липкович. И вряд ли он хотел бы для тебя подобного!

— При чем здесь отец?

— При всем. Ты думаешь, ты лучше Руслана? Или что по всей стране других спецов нет? Не бывает случайных вещей для таких, как ты, ясно? Их вообще ни для кого не бывает!

— Не ясно! — рывкнул Герман.

— Ну и дурак! Можешь у великого и ужасного уточнить, если не веришь! Это твой отец вбухал чертову кучу бабок в оборудование для центра. И это он дал наводку на тебя! Я — знала. И ждала, когда ты скажешь! А потом снежным комом навалилось!

Герман долго молчал, привыкая к мысли о каком-то нелепом заговоре, творившемся за его спиной. С отцом было все ясно. Его понятия о должном и обязательном всегда шли вразрез с принципами Германа. Желание Юльки оказаться в Швейцарии тоже было объяснимо. Но участие в этом Ивана Александровича оставляло неприятный осадок. И лишь одно примиряло Германа с действительностью — его отказ. Было бы гораздо хуже, если все это стало ему известно уже в Цюрихе.

— Как же вам всем не повезло, — усмехнулся Липкович.

— Не повезло! — Юлька отняла локти от стола и медленно разогнулась. — Черт! Курить хочу... Ты понимаешь, что это все навалилось на меня в один день?.. Еще и беременность эта! И ты не смеешь меня осуждать. Все, что я делала, было ради тебя. Ради нашего будущего. Я хотела, чтобы мы были счастливы.

— Я так и понял, — мрачно сказал Герман и достал из стола сигареты и зажигалку.

Юлька взяла пачку, покрутила ее в пальцах и хриловато проговорила:

— Вот теперь, наверное, все. Остальное — чушь. Было сказано в порыве. Поэтому мои запасные шмотки будут валяться в твоем нижнем ящике. Я заслужила.

С этими словами она таки бросила сигареты ему в руки и вышла из кабинета, запахивая на ходу халат.

Вторую половину дня Герман напряженно заполнял бумаги, искал в интернет-магазинах несколько монографий, до чего никогда не доходили руки, порывался написать заявление и выпил бессчетное количество кофе.

Домой он явился голодный и взвинченный. Не сумев открыть дверь, зло позвонил. Открыли не сразу. Пришлось звонить повторно. Только тогда замок щелкнул. В темном коридоре он мог видеть только Дашин силуэт. Она отступила на шаг, пропуская его. И, буркнув ему что-то неразборчивое странно скрипучим голосом, скрылась на кухне.

— Какого черта закрылась? — рявкнул Герман ей вслед.

— Не в пещере живу, — голос совершенно определенно был не привычно Дashiным, а каким-то чужим.

— Оно и видно! — он ввалился за ней на кухню и ошарашено оглядел открывшуюся ему картину.

Даша сидела за столом, уронив голову на руки, и задумчивым взглядом изучала стоявшую перед ее лицом бутылку коньяка. Рядом был наполненный, но не тронутый стакан. Судя по всему, она не сделала ни глотка, но намерения были очевидны. Лицо припухшее, заплаканное. А под ногами на полу осколки стекла. Если присмотреться к самому крупному из осколков, вывод напрашивался сам собой — широкое квадратное доньшко вариантов не оставляло. Это был стакан из его любимого набора. Даша вяло приподняла голову и по-прежнему скрипуче произнесла:

— Я тут нечаянно разбила... уберу...

— Что случилось? — глядя на осколки, спросил Герман.

— Долго рассказывать.

— Я никуда не тороплюсь, — он отодвинул стул, сел напротив Даши и сделал пару глотков из стакана. — Начинай!

Даша медленно переложила голову на другой локоть. И начала.

Вечерний звонок родителям закончился тем, что с утра ей тупо не дали выспаться. Звонили с восьми часов со своими поздравлениями. Даша искренно любила родной Козелец, но в тот момент готова была проклясть его — ну отчего всем есть дело до того, что она поступила в универ, именно в тот момент, когда у нее разламывается голова после шампанского? А ведь так хотелось, проводив Германа, еще часик-другой поспать, пока есть время.

Но спать уже не получалось. Телефон разрывался от звонков с поздравлениями. Потому она просто лежала, откинувшись на подушках, и вяло размышляла. Размышлялось почему-то о «муже». Тот срок, который она сама себе наметила для того, чтобы от него съехать, подходил к концу. А его отношения с Юлей все еще оставались в мертвой точке. Во всяком случае, ни о каком прогрессе он ей не рассказывал. Правда, Даша была уверена еще и в том, что он мог и просто помалкивать. При всем своем дружелюбии и хорошем отношении к ней он все-таки предпочитал многие вещи держать при себе. Как, собственно, и она. И Даша не могла сказать, что это ей не импонирует. В общем-то, импонировало ей в Германе очень многое. Пожалуй, даже слишком. И как так вышло, что к началу августа он стал центром ее мироздания, она искренно не понимала. Если вдуматься, почти все вертелось вокруг него, и дело было не только в том, чтобы вкусно накормить или стирать и гладить рубашки с

халатами. Ей просто нравилось жить с ним в одной квартире, вечерами сидеть в соседнем кресле и смотреть его любимые фильмы, прислушиваться к его настроению — оно обычно звучало громко и зависело от включенной музыки. Когда ему было паршиво, он слушал Gregorian, когда настроение подходило к отметке «удовлетворительно» — переключал на Би Би Кинга. Чуть-чуть развеять тучи над его умной головой помогали домашние кексы с вишнями (спасибо родителям за своевременную доставку ведра ягод, часть которых пошла на варенье, а часть в заморозку) и котлеты по-донбасски. За него ей было искренно обидно. И даже стыдно за все женское племя. После того, как он сторяча озвучил ей причину своего расставания с бывшей, она всерьез недоумевала, чего им, бабам, вообще надо. И задумывалась над тем, что ей совсем не хочется, чтобы он вернул свою Юлю. «Битую чашку не склеишь», — размышляла она временами, успокаивая себя тем, что беспокоится о друге.

Но ничего не происходило. И вся эта неопределенность в совокупности ее начинала беспокоить. Меньше, чем через месяц, начнутся занятия. А к тому времени она надеялась поселиться в общежитии. Потому что когда Герман все-таки определится, мест там может уже не быть на этот учебный год! Но и оставлять его одного, пока он не сообщит ей, что спектакль окончен, с Дашиной стороны было бы нечестно.

И на фоне всего творящегося в ее жизни бедлама она совсем думать забыла про свою первую и самую сильную любовь, не считая Тони Кертиса. Бывший жених оказался бывшим настолько, что стою дня, как он покинул их лестничную площадку, она о нем почти не вспоминала. Почему-то только вспоминала иногда его Людку. Барышню тоже было жалко, если она на что-то всерьез рассчитывала.

Но Виктор напомнил о себе самым бесцеремонным образом именно в этот день, когда она, выбравшись из постели, изобретала обед и заодно ужин. Телефон затрещал в очередной раз, и Даша, всплеснув руками, поплелась брать трубку.

— Да! — буркнула она в телефон, даже не взглянув на экран.

— Привет! — невозмутимо проговорила трубка Витькиным голосом.

— Черт! — тяжело вздохнула Даша.

— Поздравляю!

— С чем?.. В смысле... спасибо...

— Значит, у тебя все хорошо?

— Лучше всех, — проворчала Даша. Витькин тон ей не очень нравился. Ей вообще не нравилось то, что он позвонил. Ему всегда было плевать на ее мечты — он вообще университет считал в ее случае глупостью.

— А мне, значит, мстишь, — уверенно утвердил он.

— Поверь, в университет я поступала не из чувства мести! — огрызнулась Даша. — Мне и без этого есть, чем заняться.

— Да при чем здесь твой гребанный универ! Твое право хренью страдать, — возмутился Витька. — Батя твой мне запчастей продавать по дешевке перестал. Твоя работа!

В Дашиной груди что-то булькнуло, наверное, протест. Но тут же замолчало. Это было похоже на отца. С первого взгляда и по-горячему он мог всю вину валить на Дашку. И даже сочувствовать брошенному жениху, с которым у него были вполне приятельские отношения. Но, разобравшись, начинал закручивать гайки. Когда-то точно так же он закрутил гайки Дашкиному однокласснику, который имел наглость оболгать ее в школе. Его отец долго пытался понять, почему Чугай отказался подвозить его на Киевский вокзал, где тот приторговывал своей молочной продукцией по выходным. Даше было стыдно, но отца не

убедишь и не уговоришь.

— Я его об этом не просила, это его решение, — сказала она, стараясь говорить хладнокровно.

— Ой, только не надо рассказывать! У меня теперь бизнес прогорает. Тебе-то нахрена это надо? У тебя же все типа в шоколаде? Или обломилось? Так и со мной обломится. Плевать я хотел на тебя и твоего папашу. У меня теперь все ништяк. И с тобой, душой закомплексованной, я возиться больше не буду. Людка — она знаешь какая? Такое вытворяет, ого-го! И просить не надо, — и Витька противно заржал.

А Даша растерялась. Скорее от тона, чем от того, что он сказал. Сказанное начало доходить до нее не сразу. А когда дошло, ударило неслабо — а ведь она думала, что бывший больше уже не способен сделать хуже, чем сделал. Молчание затягивалось, пока она пыталась справиться с собой, понимая, что ничего не получится. Потому, когда она заговорила, голос ее был слишком звонким.

— Ну, я рада за тебя, — сказала она трубке. — А чего тогда приезжал-то? Дулась? Не давала?

— Хотел посмотреть, за сколько продалась. Все вы бабы...

— Витя, тебе не стыдно? Ты мне зачем звонишь? Похвастаться? Я за тебя рада! Очень! Остальное — не твое дело. А твоя половая жизнь меня теперь вообще не касается!

— Нет, мне не стыдно. Я к богатенькому мужику в столицу не сваливал.

— Со своим мужиком, независимо от его материальных возможностей, я разберусь сама. Это мое дело.

— Да он поиграется — и бросит. Нужна ты ему, идиотка такая! — хохотнул Витька и отключился. Даша еще некоторое время не убирала замолчавший телефон от уха. Потом медленно отложила его в сторону и обессиленно вздохнула. Так паршиво ей не было, даже когда она поймала его на горячем. Столько времени прошло, а, оказывается, до сих пор больно, если разбередить.

Дальнейшее было похоже на дурацкий сон. Захлебываясь слезами, она рылась в Герином баре. Отыскав коньяк, приволокла его на кухню. Доставая из подвешного ящичка стакан, едва не свалилась со стула. В итоге осколки валялись по всей кухне, а Даша, только чудом не порезавшаяся, сидела за столом, продолжая рыдать. Понемногу успокаиваясь и постепенно отключаясь. До тех пор, пока не пришел Герман.

— А ведь я тогда к нему ехала на велосипеде. Мириться, — пробормотала Даша, продолжая выговариваться.

— Лучше бы доехала, — брякнул Герман.

Даша подняла на него несчастный взгляд и свистящим шепотом проговорила:

— Думаешь? Чтобы потом всю жизнь слушать про закомплексованную дуру?

— Рассосалось бы...

— Вряд ли... У нас все было как-то... Наверное, я сама виновата, чего-то же ему не хватало. Хватало бы — не было бы Людки.

— Ну, может, чего и не хватало. Сильно, что ли, закомплексованная?

— Откуда я знаю! — взвилась Даша, но тут же погасла. А потом, всхлипнув, совершенно безнадежным голосом сообщила: — Он у меня первый был. В апреле замуж позвал, и как-то само все получилось. Я с ним почти ничего не чувствовала, что в книжках пишут. Все, больше ничего не скажу. Ты прав, надо было мириться, пока предлагал.

Даша встала из-за стола и равнодушно посмотрела на осколки. Отвернулась к мойке,

чтобы достать веник. Но плечи ее снова затряслись едва сдерживаемым рыданием.

— Вот и не реви! — рявкнул Герман.

Даша резко обернулась и вскрикнула:

— Да, я реву! Я не танк, ясно? Я живой человек, у меня чувства есть! Он меня унизил! Мне плохо! Получается, меня любить нельзя, со мной можно только чтобы папа дешево запчасти возил, или кому-то назло! Для остального я не гожусь, потому что закомплексованная дура! Или танк — еще лучше!

Она прошлепала обратно к столу, взяла свой стакан, добавила в него коньяка и резко опрокинула в себя.

— Ты бы закусывала, — рассмеялся Герман, наблюдая за ней. — Развезет!

Даша только зло зыркнула глазами. И через мгновение остатки коньяка из ее стакана были на его рубашке. Герман внимательно посмотрел на расплзающееся мокрое пятно, бросил быстрый взгляд на Дашу, застывшую со стаканом в руке. И принялся медленно расстегивать пуговицы.

— Тебе же стирать, — он продолжал усмехаться, выдергивая рубашку из-за пояса брюк. — А потом еще гладить. А если не отстирается, новую побежишь покупать? А если это моя любимая рубашка? Ее Юлька покупала...

И комок бледно-сиреневой ткани полетел в Дашу. Она шумно выдохнула, скользнула взглядом по его груди, покрытой негустой порослью рыжеватых волос, по животу к паху, где от пупка вниз уходили редкие волоски, к застежке брюк. Сплотнула резко подкативший к горлу ком. Но была слишком разъярена, чтобы испытывать смущение.

— Какая трагедия! — прошипела она. — Юлька покупала! Дорого как память, да?

— Дорого! — зло сказал Герман, поднялся и, опершись на стол, навис над Дашей.

— Ну прости. Не хотела тебя огорчать. Отстирается, будет как новая. В крайнем случае, будешь носить ее дома.

— В крайнем случае, дома я предпочитаю ходить без рубашек, — выдохнул он ей в лицо.

— Да? И зачем было сдерживать себя столько времени, если предпочитаешь? — шевельнула она губами.

В следующее мгновение в них впился рот Германа. Он слабо соображал, что, почему и зачем делает, но остановиться не мог. Крепко схватил Дашу за плечи и притягивал к себе через стол. Даша понимала еще меньше. Только чувствовала, как целует его в ответ, как губы двигаются вместе с его, как ее язык скользит по его зубам. А руки уже отчаянно цепляются за его плечи.

Герман с силой оттолкнул в сторону мешавшийся стол, с которого скатились бутылка и стакан, разлившие вокруг себя сладкий запах коньяка. Теперь Даша вытянулась всем телом вдоль него. Он чувствовал жесткий принт на ткани майки и крепко прижимал ее ногу к своему возбужденному паху, рвал ее одежду и белье. Его горячие губы спускались к Дашинной груди. Он зло прикусывал ее кожу, оставляя влажный след, опаляемый холодом его дыхания.

Герман больше не сдерживался. Впечатал ее в стену всей тяжестью своего тела. И рука его настойчиво хозяйничала в ее шортах, уверенная в своих движениях.

Не испытывая ни доли замешательства, Даша царапала его спину и часто дышала, закрывая глаза. А когда раскрывала их, то, не видя его склоненного к ее груди лица, сильнее прижималась к нему бедрами, чувствуя накатившее бешеной волной возбуждение. Это

чувство было новым и неизведанным. И каждую минуту ей хотелось большего. Больше его рук, больше его губ, больше его.

Он хрипло выдохнул, ощущая ладонями, как мелко дрожит ее тело, и, легко подхватив Дашу на руки, унес в спальню.

Солнечный свет проникал сквозь веки, заставляя проснуться. Герман осторожно потянулся и открыл глаза. Даша спала, прижавшись щекой к его плечу. Он отбросил ее растрепанные волосы, щекотавшие шею, и взгляделся в лицо, пытаясь понять, спит она или тоже проснулась. Если она и спала, то некрепко. Или просто притворялась, черт его знает. Ее длинные темные ресницы иногда чуть вздрагивали, но она продолжала еле слышно сопеть носом. И ее дыхание тоже касалось его кожи.

Герман снова прикрыл глаза. Он совсем не хотел ее будить, и знал, что не уйдет, пока она не проснется. За время их «брака», незаметно для него, они стали не чужими людьми друг другу. И должны объясниться, раз уж он не сдержался вчера. Гера улыбнулся, поймав себя на мысли, что ночь оказалась неожиданно приятной. Долго думать эту мысль не получилось. Дашино дыхание изменилось. Она странно потяжелела, будто бы напряглась. И он почувствовал, как она медленно отстраняется, чтобы не задеть его лишний раз.

Герман открыл глаза и посмотрел на Дашу.

— Доброе утро, — проговорил он негромко.

— Доброе, — сказала она. Звуки, издаваемые ее горлом, были хрипловатыми и тихими. Она быстро убрала голову с его плеча и откатилась дальше по кровати.

— Даш... Ты прости, я... не должен был... — слова подбирались с трудом.

В ее настороженном взгляде, что-то вспыхнуло, и Даша завопилась.

— Все нормально, — сообщила она, подтянув простынь под самый подбородок и одновременно с этим шаря рукой за спиной, будто надеялась найти там хоть что-нибудь из одежды. Правда, за спиной, естественно, ничего не нашлось. И куда все было сброшено, она не имела ни малейшего представления. Потому пришлось торопливо, почти испуганно добавить: — Правда. Не парься. Просто накипело, надо было пар выпустить. Я же тоже... не должна была...

— Уверена? — удивленно приподняв брови, он наблюдал за ее суетливыми движениями. — По тебе не похоже.

— Нет-нет! Ты чего! — горячо запротестовала Даша. — Получилось так. Мне плохо было. Тебе тоже сейчас не сахар, я же понимаю. Мы поддержали друг друга, да? Дружеская поддержка — это хорошо.

— Да? Ну пусть будет так, — задумчиво подтвердил Герман.

— Ну... Давай я в Козелец уеду, так лучше, — голос ее стал совсем тихим.

— Вот это уж точно нет, — резко ответил Герман. — Давно с родителями не разбирались?

— Ты мне дорог. Я не хочу, чтобы все испортилось.

— Не испортится. Сама же говоришь, что все нормально, — Герман повернулся к ней и вопросительно посмотрел ей в глаза. — Или все-таки нет?

— Нормально! — тут же закивала она. — Проехали?

— Проехали. Остается все, как было?

— Ну да... Оптимально же... комфортно?

— Ну да, — у Германа возникло странное чувство, будто его одурачили. Он потер глаза. — Тогда договорились.

— Договорились! — Даша похлопала ресницами и залезла под простыню по самую

переносицу. — А раз уж мы по-прежнему друзья... Еще вопрос можно? Стыдный.

— Можно, — усмехнулся Герман.

Он мог только догадываться, насколько она покраснела, потому что красным был даже лоб, на фоне которого напряженно хмурились темные брови. Но в это утро Дашка отличалась особой бесстрашностью. Даже настораживало.

— А я... ну, как женщина... и правда, кошмар, или не совсем безнадежна?

— Твоему Витьке мозгов не хватает, — проворчал Герман. — Но это не лечится, поверь.

После чего быстро встал и, не оглядываясь, вышел из спальни. Даша, едва закрылась дверь, шумно выдохнула и накрылась простыней с головой. Прошедшая ночь ее шандала по этой самой голове со всей дури. Из плюсов можно было отметить то, что женский оргазм не сказочка, придуманная для любовных романов, и то, что о случившемся она точно жалеть не будет. Минус был один, но жирный. Она влюбилась в Германа Липковича. Причем, очевидно, задолго до этого утра — насколько это возможно при двух с небольшим месяцах знакомства.

Всю следующую неделю Даша активно «дружила». Или, вернее сказать, пыталась делать то, что делала до того рокового вечера, когда они с Германом оказались в одной постели. Завтраки по-прежнему ожидали его на столе, едва он вставал. Халаты и рубашки были наглажены. Только теперь она почему-то стала гладить еще и джинсы. В квартире даже при большом желании нельзя было обнаружить ни пылинки. Но если раньше она могла в любое время суток протопать в гостиную, чтобы вытереть пыль с комода или разложить его вещи, или вдохновенно грохотала кастрюлями на кухне, то теперь со всем справлялась исключительно тогда, когда его не было дома. Будто бы стремилась как можно меньше мелькать перед его носом, и вообще, занимать минимум места, как это было в самые первые дни, когда она еще не освоилась.

Поведение ее было странным еще и в том, что при этом она умудрялась пытаться быть то энергичной и интересующейся, спрашивая его о пациентах, о Юльке или о том, нравятся ему больше вареники с картошкой или вишнями. То часами не выходила из своей комнаты. И эти моменты перевешивали временные приливы энергии, когда она «дружила». Фильмы смотреть с Германом по вечерам Дашка больше почти никогда не выходила. Два раза пожаловалась. Один раз у нее притормаживал мобильный — не ловил сеть. Второй — першило в горле. Больше ничего. Совсем ничего. Ее веселое милое ворчание, когда он раньше топтался по только что вымытому полу, или когда он не запирали дверь в квартире, совсем перестало звучать. И она катастрофически отдалялась от него, будто бы выстроив стену, что, впрочем, было и не удивительно в том случае, если они действительно намеревались оставаться друг для друга в прежнем статусе.

Герман же изо всех сил старался соответствовать предложенной Дашей модели отношений. Gregorian в доме давно не звучали, но удовлетворенность их совместным бытом была сомнительной.

Главная проблема заключалась в следующем: Герману Липковичу не удалось диагностировать причину собственной неудовлетворенности.

И однажды утром, обнаружив Дашу на кухне, что в последнее время случалось крайне редко, он предпринял попытку оценить масштабы катастрофы.

— У меня сегодня операция назначена, — сказал он, отпив кофе, — и больше ничего. Я к обеду домой вернусь.

Даша, драившая плиту после того, как у нее выкипело молоко, и только поэтому не успевшая скрыться в своей комнате до выхода Германа к завтраку, вынуждена была «дружить». Потому повернулась к мужу и улыбнулась сияющей улыбкой:

— Здорово! А сложная операция?

— Обыкновенная, — не намереваясь вдаваться в подробности, ответил Герман. — Пообедаем вместе?

Даша на мгновение растерялась. Улыбка с лица сползла. Брови нахмурились, будто она что-то обдумывала. Но потом лоб разгладился, а улыбка натянулась обратно.

— Я планировала прогуляться, — сообщила она.

— Можем прогуляться вместе после обеда, — сказал Герман, не успев подумать.

— Куда?

— Куда захочешь.

— Хорошо. Что приготовить?

— Даша, — устало протянул Герман, — не пытай меня такими вопросами.

— Ясно, — проговорила она, расставляя конфорки на места, и вдруг улыбнулась — как давно уже не улыбалась. — Сымпровизирую. Удачи тебе на операции.

Сегодня Герман особенно нуждался в удаче. Операция предстояла сложная. Подобные он уже делал, но каждый раз была вероятность, что все может пойти не по плану. Шагая по коридорам клиники, он надеялся провести полчаса в покое, чтобы сосредоточиться и еще раз все обдумать.

Но вместо этого столкнулся с великим и ужасным, явно подстерегавшим его за углом от мужского туалета. Тот вытирал мокрые руки бумажным полотенцем и, не глядя на Германа, негромко спросил:

— Что зашухарился?

— Уговариваю себя не явиться к вам с заявлением, — сердито отозвался Герман, но все же остановился перед Иваном Александровичем.

— Издай сразу манифест. Что за заявление, Гера?

— Уволюсь от вас к чертовой матери!

Великий и ужасный посмотрел на него с любопытством и хмуро одновременно. Так он обычно смотрел на тяжело больных пациентов.

— Эк тебя занесло-то! А что я натворил?

— А кто отцу выкатил список европейских клиник? И все это за моей спиной, — Герман заметно злился.

— И что в этом такого, позволь узнать?

— А по-вашему это нормально, чтобы меня пристраивали, как... — он проглотил ругательство и шумно выдохнул.

— Кто тебя пристраивал, дурак? — рявкнул великий и ужасный. — И куда? Ты головой думал прежде, чем надулся на весь белый свет?

— Не на весь. Только на вас. От вас, Иван Александрович, не ожидал.

— Ладно. Слушай. И учти, что я в жизни ни с кем не объяснялся. Даже с женой! Е конце зимы ко мне явился твой отец. Попросил посодействовать. Я дал наводку на десяток клиник с мировым именем. И ввиду того, что эти имена действительно слишком известные, неужели ты, Герман Валентинович, всерьез считаешь, что руководство хоть одной из них заинтересовано в бестолковом сотруднике, а? Это здесь Валентин Липкович — в МИД свой на Бентли катается. А Чарли Ёнссону из Цюриха, который приехал смотреть, как ты

удаляешь массивный рецидив глиальной опухоли правого полушария, совершенно насрать, кто такой Валентин Липкович. Он тобой, дурья башка, заинтересовался. Ему спец нужен был. Это Европа, мать твою-перемать! Ему плевать, чей ты сын, и сколько у тебя бабок!

— Да ну вас! — отмахнулся Герман и отошел от великого и ужасного.

К счастью, больше его никто не трогал. Операция прошла в штатном режиме, и, вернувшись к себе, Герман усталый, но довольный кинул себя на диван.

— Полчаса отдыха и домой, — бормотнул Герман и блаженно прикрыл глаза.

Отдыха не случилось. Не прошло и пятнадцати минут, как в кабинет маленькой яркой птичкой влетела Юлька, разве что не издавая характерного звука часто машущих крыльев. Зато почти с порога защебетала:

— Ну ты дал! Реально! Руслан сказал, что как по учебнику. Хоть на ютуб выкладывай.

Герман слабо поморщился, не открывая глаз, и негромко проворчал:

— Рожденный делать давать не может.

— Думаю, ты можешь если не все, то многое. Отметим?

— Я устал.

— Да ладно! — отмахнулась Юлька. — Ты после операций час поспишь, и проходит. А мне еще до пяти тут торчать. Так что пара часов в запасе у тебя найдется. У меня, как раз по случаю, полный компьютер вирусов. Нам срочно нужен доктор. Ты же не оставишь бедную девушку в беде? И ее агрегат тоже?

Герман открыл глаза и посмотрел на Юлию. Неохотно сел и спросил:

— Что Руслана не попросишь?

Юлька загадочно улыбнулась и отчеканила «дикторским» голосом:

— Гера, мои отношения с Русланом слишком раздуты и преувеличены. Мы с ним не дошли до той стадии, на которой он имел бы право смотреть мой компьютер, пока мамы с папой нет дома. И, справедливости ради, шансов дойти не было изначально.

— Никогда не думал, что для компьютера нужна какая-то стадия отношений. Ну хорошо, приеду... гляну.

Юлька с облегчением выдохнула, и напряженность, которая мимолетно ее охватила так, что это было почти заметно, исчезла.

— Сегодня в шесть. Я закажу лазанью и куплю вина. С тебя — тело. Можно без цветов.

— Учту, — сказал Гера, соображая, что все это значит. Ничего и никогда Юлия Владимировна Нескородева не делала просто так, без масштабной цели. И, кажется, он начинал понимать, к чему вся эта мистификация.

— Ну и отлично. Еще учти, что это надолго, — теперь ее голос стал серьезным. — Боюсь, там не только вирусы.

— Я так и понял, — кивнул Герман.

— Ну и прекрасно! — звонко щебетнула она, поцеловала на прощание его щеку, фыркнула: — Колючий! Побрейся!

И упорхнула из кабинета.

А Герман Липкович собрался и поехал домой. То ли обедать с нынешней женой, то ли собираться на свидание с бывшей сожительницей. В Юлиных намерениях у Германа сомнений не было. И он удовлетворенно, не без радости думал о том, что план его наконец-то сработал. Сейчас он приедет домой, примет душ, побреется и поедет к Юльке. А после...

Здесь мысли его странным образом обрывались, и возникало неприятное, почти болезненное чувство, что он не может вспомнить что-то крайне важное. Так бывает во сне,

липком и тяжелом, не отпускающем даже после пробуждения, отравляющем утро и весь последующий день. И это не обязательно кошмар. Это жуткое ощущение, что пытаешься догнать что-то ускользающее, но даже разглядеть его не можешь. И точно знаешь, что вот именно это «что-то» нужно тебе больше всего на свете. Такие сны не забываются долго и в лапах своих держат надежно.

— Даш! — позвал он, разуваясь в прихожей. — Ты дома?

Даша показалась из кухни. Волосы были слегка завиты. И появилась короткая челка. Теперь она казалась еще более пушистой, чем обычно.

— Как операция? — сходу спросила она.

— Все хорошо. Экспериментируешь?

— Я же сказала, что симпровизирую. Нравится?

— Непривычно, но прикольно.

— Спасибо, — подмигнула ему Даша и неловко улыбнулась. — Обед я тоже приготовила. Еще посмотрела афиши... можно в кино сходить. Если хочешь.

— Даш, ты прости, — Герман подошел ближе. — С кино не получится. Меня Юля на ужин пригласила.

Естественно, возникла пауза. Естественно, ее рот на мгновение приоткрылся, как это происходило всегда, когда она была удивлена, и эту ее привычку Герман успел запомнить. Естественно, она не позволила себе ничего, кроме как быстро-быстро заговорить, часто моргая:

— Но это же здорово! Вот так взяла и запросто пригласила? Или повод какой-то? Вы объяснились?

— Даш, я... — кажется, впервые Герман не знал, что отвечать. — Что там у нас на обед?

— С обедом я тоже импровизировала. Мне понравилось три рецепта запеченной форели. Я их объединила в один. На десерт будет абрикосовый пирог. Ты еще не пробовал. Папа любит. Во сколько ты уходишь?

— Часов в пять. Давай обедать.

Дашин взгляд метнулся к часам. Она снова улыбнулась — будто в пропасть шагнула, кивнула и кинулась на кухню.

Обед был пыткой. Она бесконечно что-то говорила, не давая передышки ни себе, ни ему. Ее природная живость в этот момент почему-то была через край, сшибая с ног. Или это только казалось? Даша никогда не была молчуньей, кроме первых недель их совместной жизни. Правда, и не болтала понапрасну. А сейчас слова лились сплошным потоком. Она рассказывала, как поехала за этой чертовой рыбой на рынок. Как по дороге ей попала парикмахерская, и она решила, почему бы и нет. И ведь не зря же решила — в новую жизнь с новой прической. Как потом готовила, и ее бесконечно отвлекала Таська, которая с утра подавала на развод, а к обеду интересовалась, нет ли у Германа хорошего гинеколога в числе знакомых, потому что они с Федькой точно намерены планировать ребенка. Как, пока рыба была в духовке, решила, что хочет сходить на какую-то французскую драму, которая, наверное, должна была понравиться Герману. В этом месте она на мгновение смешалась, потому что стало как-то неловко. И тут же добавила, что фильм только начали показывать, и он еще успеет сходить. Быстро перевела разговор на его работу, расспрашивая про проведенную операцию, и энергично кивала, слушая его сдержанные ответы. В своем желании казаться непринужденной Даша превзошла себя.

И чем больше она говорила, тем сдержанней он отвечал. Снежным комом нарастало раздражение. Дашей, Юлькой, собой. Собой особенно. Он понимал, что не хочет тащиться на другой конец города из-за чужого компьютера. И знал, что потащится. Потому что там Юлька, потому что он Юльку любит, и потому что Юлька решила вернуться.

Окончание обеда не освободило Германа от Дашиного участия. Она будто наверстывала упущенное время, пока пряталась от него между «дружбами». Даша появлялась на пороге его комнаты каждые пять минут с советами и пожеланиями. Надеть следовало рубашку в мелкую светло-бежевую полоску, поехать на такси и надуться Дзенья, которые ей больше всего нравились.

Герман больше не отвечал. Лишь кивал. И, в конце концов, скрылся от нее в душе.

— Даш! — крикнул он перед самым уходом.

Она показалась в коридоре с нарисованной на лице улыбкой и окинула его взглядом. Он был в кроссовках, рваных джинсах и ярком реглане горчичного цвета. По шее закручивались кольцами мокрые отросшие волосы, лицо напротив — гладко выбрито. Дашка улыбнулась еще шире. Ее пушистые завитушки весело подпрыгнули, и она произнесла:

— Так тоже круто! Удачи вам!

— Спасибо! — буркнул Герман, взял с тумбочки ключи от машины и вышел.

А спустя час звонил в дверь квартиры Юлиных родителей, куда она перебралась от него. Откуда он когда-то перевозил ее к себе. И где он не был, кажется, тысячу лет.

Юлька открыла почти сразу. Будто только и ждала под дверью. Это было совсем на нее не похоже. Она любила заставляя томиться. Наверное, это тоже было в прошлой жизни.

Улыбнулась, поправила и без того идеально лежавшую над ухом прядку. Новая стрижка на длинные волосы — волосок к волоску. Видимо, тоже только сегодня побывала в салоне. В квартире пахло ею. Запах духов и легкий сигаретный, который она унесла от него сюда, которого совсем не осталось в комнате, куда он поселил Дашу.

— Проходи, пунктуальный мой, — зазвенел ее голос, когда она открыла дверь шире. Чтобы он мог лицезреть короткую джинсовую юбку, открывающую ноги, и блузку, завязанную на животе и оставляющую под узлом тонкую полоску обнаженной кожи. — Лазанью привезли пять минут назад.

— А комп где? — спросил Герман.

Легко ориентируясь в квартире, он прошел в зал, где на столе был приготовлен обещанный Юлей ужин.

— В моей комнате валяется. Признаков жизни не подает. Но я в тебя верю.

— Ты мне льстишь, — усмехнулся Герман.

— Да нет. Я всегда старалась воспринимать тебя объективно. Правда, к сожалению, иногда была слишком самоуверенной в своем восприятии.

— Каждый имеет право на собственное мнение, даже самоуверенное.

Юлька кивнула и указала ему на диванчик:

— Я многое пересмотрела. Два месяца — приличный срок, чтобы прийти в себя.

— И как оно? — поинтересовался Герман, усаживаясь.

— Если ты хочешь, чтобы я посыпала голову пеплом и молила о прощении, то этого не будет, — рассмеялась она. — Да, я жалею о том, что тебя бросила. Я тебе сделала больно. Но дело в том, что больно я сделала и себе. Это как по-живому отдирать, Гера. Я переусердствовала. Наверное, ждала от тебя чего-то, что заставит вернуться, а ты — женился. Но это не значит, что я не хочу вернуться.

— И чего ты ждешь от меня теперь?

— Тебя, — прошептала Юлька и села возле него, совсем близко. — Потому что я ни за что не поверю, что ты разлюбил меня, потому что я знаю, что того, что между нами было, нельзя забыть. Мы — это было по-настоящему. Все остальное в эти месяцы — только с оглядкой друг на друга.

С этими словами она приблизила свое лицо к его и закусил губу, как часто делала, когда ждала, что он ее поцелует. А потом сама приникла к его рту своим. Герман зло захватил ее губы, которые он помнил до сих пор. Их вкус, мягкость, все, что они умели. Рука его крепко прижалась к коже, заметной между поясом юбки и блузкой. Кожа была прохладной, почти сразу покрылась мурашками от его прикосновения. И Юлька глухо застонала, пересаживаясь на его колени и не останавливаясь — поцелуй захватил все ее существо. Она любила целоваться и делала это так, что у партнера сносило голову, и продолжение было неминуемо.

Продолжая целовать, Герман прижимал ее к себе все крепче. Но вдруг, словно обжегшись, одернул руку и отстранился. Юлька, не понимая, в чем дело, стала покрывать быстрыми поцелуями его лицо, спускаясь по шее к вырезу реглана. Царапала ногтями ткань,

пробиралась пальцами ниже, к застёжке джинсов.

Герман перехватил ее руку, сжав в ладони, и зашептал:

— Юль, все. Все. Перестань. Все, что было, прошло. Совсем.

— Что? — только и спросила она, чуть отдалив свое лицо от его. — Не глупи, ты же хочешь...

— Это не имеет никакого значения.

— Господи, ты о чем? — хохотнула Юлька и недвусмысленно двинула бедрами. — Ты хочешь, я хочу...

— Не хочу.

— Как это?

— Обыкновенно.

Юлька сглотнула и скатилась с его колен назад на диванчик.

— И что это значит?

— Только то, что все навсегда закончилось.

Она поморщилась, соображая, а потом ее красивое лицо исказилось усмешкой.

— Понимаю, — протянула она. — Тебя все еще мучит история с абортom. Да, это единственное, в чем я виновата перед тобой так, что не отмыться... но если я кого-то и вижу отцом своих детей, то только тебя.

— Да неважно все это, правда.

— Неважно? — ее брови взметнулись вверх. — Неважно? Это то, что я тебя люблю, неважно? Твое желание отомстить идет так далеко, что тебе плевать? Ведь ты же тоже любишь меня!

— Не люблю. Больше не люблю, — легко произнес Герман. Так, будто понял это очень давно, а не только сейчас, когда Юлька заявила ему обратное.

Она огорошенно смотрела на него, ничего не понимая. И, когда вопрос с ее губ все-таки сорвался, он прозвучал, почти как если бы она была обиженным ребенком:

— Тогда зачем ты приехал? Ты же знал, зачем я тебя зову. Ты не мог не знать. Мы оба понимали, что будем мириться, а потом трахаться. Ты все бросил, оставил жену и примчался сюда ко мне! Зачем?

Герман пожал плечами.

— Не знаю. Попытался дружить, как ты предлагала.

Сказал и мысленно выругался. Порочный круг дружбы, навязанный ему повсеместно, пора было решительно разрывать.

— Господи! Я два месяца таскалась к тебе пить чай — по-твоему, потому что дружила? Я Эгембердиева у тебя на глазах соблазнила, чтобы ты прочувствовал, каково мне смотреть на тебя и эту твою! Ну не могу я без тебя!

— Между прочим, Руслан — нормальный мужик. Присмотрелась бы, а?

— Это ты мне сейчас советуешь? Гера! С тех пор, как мы разошлись, не было у меня никого, слышишь? И я даже почти перестала ревновать тебя к твоей жене — вот, до чего я дошла! Мне просто больно и... И я рассчитывала на то, что она — временное явление.

— Знаешь, мне кажется, мы оба в чем-то просчитались... Я пойду. Ты права, мне не нужно было приходить. Но так уж получилось.

Юлька побледнела, взгляд ее сделался пронзительным, каким-то незнакомым, у нее никогда не было такого взгляда.

— Гера, ты же навсегда уходишь, да?

— Да, — Герман поднялся.

— Тогда удовлетвори мое любопытство. Ты просто меня разлюбил? Или, и правда, любишь свою ветеринаршу?

— Любопытство сгубило кошку... — Герман задержался на пороге комнаты. — Я благодарен тебе за все. Правда. Не провожай.

Он вышел, аккуратно притворив за собой дверь, и сбежал по ступенькам, не дожидаясь лифта.

Ему казалось, он едет до невозможности долго. Гнал по вечернему городу и рывкал на каждое зажигающееся окно. Эти чертовы окна были виноваты в том, что Дашка его отпустила из дома. Не просто отпустила, еще и собрала в дорожку. Только что до цвета трусов в своих рекомендациях не дошла. Другая бы на ее месте сцену закатила, а эта!..

Сейчас он придет домой и скажет ей обо всем. О дружбе, их браке и значении секса. А еще о том, что на абрикосы у него аллергия.

В отличие от многих других, в окнах его квартиры было темно. Это озадачивало, и Герман, влетев в дверь, заорал:

— Даша!

А в ответ не услышал ничего. Вообще ничего. В квартире стоял мрак. И не раздавалось ни единого звука, будто здесь никто не жил.

Везде включая свет, Герман обошел квартиру. Даши не было. Не было и ее вещей. Единственное, что осталось — большой плюшевый рыжий кот, которого она однажды привезла из дома. На коте была пристроена записка. У Даши был не очень красивый почерк, но писала разборчиво, хоть и мелко:

«Я уехала в Козелец. Все в порядке.

Прости, я не стала звонить — это, наверное, было бы неудобно и глупо. Да и вряд ли по телефону я могла бы сказать тебе самое важное.

Ты очень хороший. И заслуживаешь счастья. Я рада, что у тебя теперь все будет так, как ты хотел. И именно поэтому мне лучше уехать сейчас, сразу. Мы не говорили об этом за обедом сегодня, но если у тебя все наладится с Юлей, то мне пора съезжать. Конечно, было бы очень смешно, если бы от жены ты начал бегать к любовнице, но, боюсь, уже этот спектакль не по мне, я бы не выдержала.

Как только тебе понадобится развод — ты знаешь, где меня найти. Перекресток Журавлева и Толстого =)

Я все подпишу, как договаривались.

Но только я хочу, чтобы ты знал. Эти несколько месяцев в качестве твоей жены — понарошку или почти понарошку — они были самым лучшим и настоящим в моей жизни, несмотря ни на что. Спасибо тебе за них.

Как надумаешь разводиться — звони!

Даша».

Герман сунул записку в карман и набрал сбежавшую жену. Долго слушал гудки в трубке, чертыхнулся и вскоре мчался по направлению к черниговской трассе. Где ее искать он, к счастью, знал. Именно там намеревался найти и сегодня же вернуть обратно.

— «Надумаешь разводиться!» — ворчал он, внимательно всматриваясь в дорогу. — Все бросил и начал разводиться!

Набирал Дашин номер каждые пять минут. Иногда она пропадала из зоны доступа. В следующий раз ему опять приходилось вслушиваться в длинные гудки, и Герман отбрасывал

трубку на соседнее сиденье.

Обиделась? Наверняка обиделась! Сам виноват.

Герман пытался понять, когда влюбился в нее. И как так случилось, что он уже не первый день возвращается не домой, а к Даше. И почему он ничего этого не заметил.

Снова звонил.

И убеждал себя, что теперь неважно, когда влюбился. Теперь важно, чтобы Даше это оказалось нужно. Ее записка давала ему некоторую надежду. Так ведь даже текст эта ненормальная умудрилась составить таким образом, будто говорила: «Гера, нахрена тебе эти проблемы? Беги!»

Подъезжая к перекрестку Журавлева и Толстого, Герман нервничал, как не нервничал даже перед первой своей самостоятельной операцией.

Он заглушил мотор и выключил фары, когда рядом звонко затрещив телефон.

Это был Дашин номер. Она все-таки ему перезвонила.

— Привет, — раздалось из телефона тихо и как-то не очень уверенно. — Ты звонил... Мне смс от оператора пришло...

— Ты где? — сердито спросил Герман.

В трубке засопели. Что-то зашуршало. Потом Дашкин голос устало произнес:

— Я же написала... Все хорошо, все нормально.

— Я не спрашивал, как оно. Я спросил: где ты сейчас?

— В маршрутке.

— Приедешь на вокзал — не вздумай никуда дергаться! Поняла?

— Да я домой всего лишь приехала, Герман! — глухо выдохнула она. — Ну чего ты?

— Пока ничего.

Герман снова завел мотор.

— Я слышу! — зло отозвалась трубка. — Все, мы к станции подъезжаем, мне выходить.

— Угу, — проворчал Герман и, отбросив трубку, рванул с места.

Когда он влетел на площадь автостанции, народ с маршрутки толпился, разбирая багаж. Счастливики медленно расползались от автобуса. Гера припарковался на соседней платформе и выскочил из машины.

Даша стояла, обхватив себя руками, будто не могла согреться, и напряженно оглядывалась по сторонам. Возле нее довольно немаленькой горой были расставлены на асфальте два чемодана и несколько сумок. Как она доехала с таким количеством вещей до автовокзала, оставалось только предполагать или надеяться на то, что она хотя бы взяла такси, и таксист попался сердобольный. Когда она увидела приближающегося к ней Германа, то встрепенулась и вытянула руки вдоль тела. Вместе с тем на лице ее не отразилось ни единой эмоции, кроме настороженности. Но глаза были красными и припухшими.

— Покаталась? — усмехнулся Герман.

— Я же тебе написала, что я домой! — выпалила она.

— Делать тебе было нечего на ночь глядя, — Герман взял ее сумки и скомандовал: — Пошли!

Даша упрямо отскочила от него на несколько шагов.

— Никуда я с тобой не пойду! — вскрикнула она, не обращая никакого внимания на пробегающих мимо и, конечно, оглядывающихся прохожих. — Ты какого черта вообще приехал? Ты с Юлькой своей должен быть! Вот и будь! А с меня хватит! Я не железная! Я

хотела нормально и спокойно уйти, и все! И больше разыгрывать этот дурацкий спектакль не буду! У меня от этого всего ум за разум заходит!

Видимо, сцена, которую она не закатила ему перед его уходом к Юле, разразилась сейчас.

Герман невозмутимо забросил сумки в багажник своей машины и вернулся за чемоданами.

— Ты идешь? — глянул он на Дашу.

— Куда? — всхлипнула она.

— Домой.

— Конкретнее.

— К нам домой, — пояснил Герман.

Она побледнела и устало прикрыла глаза. Потом снова открыла их и совсем безнадежно произнесла:

— Ну зачем тебе это надо, Гера? Неужели ты не видишь и не понимаешь? Я же почти прямым текстом тебе сказала, что влюбилась... А это неправильно, мы так не договаривались... Потому нам лучше расстаться сейчас, а не когда я начну считать себя твоей настоящей женой. Я и так не знаю, как сегодняшняя обед пережила.

Герман что-то проворчал неразборчивое и отнес в багажник чемоданы. Снова вернулся к Даше и, подхватив на руки, поволок к машине и ее, хотя она и не сопротивлялась. На нее напал странный ступор. Он запихнул ее в салон, пристегнул и, устроившись в водительском кресле, развернулся к ней. Вытянул руку вдоль спинки ее кресла, коснувшись шеи, и его ладонь опустилась на Дашино плечо.

— Мне это очень надо, — наконец, заговорил Гера, — и я очень хочу, чтобы ты была моей настоящей женой. За сегодняшняя обед и испорченный вечер прости. Я знаю, я обещал тебе другое. Но ты должна знать. Я не жалею, что поехал к Юле. Иначе я бы еще долго доходил до того, что мне на самом деле нужно.

— Да я сама себе что-то про сегодня нафантазировала, дура! — проворчала Даша. — Ты не виноват, что я решила, что это свидание. И имел полное право ехать, куда хочешь.

— Ну типа, — он сжал ее плечо. — Завтра будет свидание, и послезавтра, и послепослезавтра...

Герман наклонился к ней, когда в его кармане снова затрезвонил телефон. Он все же быстро поцеловал Дашу в губы и вытащил из кармана трубку.

— Ты родителям звонила, предупреждала, что приедешь? — удивленно спросил Гера.

— Таське звонила... Чтобы Федьку за вещами пригнала, — вяло пробормотала Даша, разглядывая его. А потом выхватила трубку и решительно сбросила вызов. Подняла на него глаза и воскликнула: — Я ничего не понимаю! Ты чего?

— Ничего. Просто я тебя люблю.

Она сглотнула и откинулась на спинку кресла — совсем как в первый день их знакомства, когда он ее повез не в том направлении, а она захлебывалась истеричным смехом. Смотрела на него и все равно не понимала.

Едва Герман пошел к своей Юле, а она закрыла за ним дверь, ноги ее подкосились, и она медленно осела на стул в углу прихожей. И сколько так просидела, глядя в одну точку, не знала. Потом встала, подошла к зеркалу, внимательно посмотрела на свое лицо и тихо сказала: «Размечталась? Получай!»

И в следующее мгновение уже носилась по всей квартире, судорожно собирая вещи.

Планы на будущее оформлялись в ее голове по ходу дела. Позвонить Федьке, чтобы подобрал ее на станции. Вызвать такси. Придумать, что сказать родителям... Родители... вот это было самое сложное, потому она решила дать себе передышку и временно спрятаться у Таськи с Федей. Хоть на день. Чтобы разложить все по полочкам. Кота оставить — все равно не влезет. Позвонить Герману? Предупредить? Нет... не стоит его отвлекать, когда он там... с ней. Быстро написала ему записку, надеясь, что та не слишком минорно звучит. Заглянула в холодильник. На завтра оставалось жаркое, а завтрак... завтракать он явно будет не дома. Тем лучше даже. Вот только интересно, когда он домой заявится? Не думать!

Выходила из квартиры, заперла дверь и некоторое время смотрела на связку ключей. Решила, что отдаст, когда он приедет за разводом. Приедет же... когда-нибудь. В конце концов, она никогда не могла оставить квартиру открытой... Жаль, что он так и не сменил замок на что-то захлопывающееся.

Уже потом, в дороге, тихо всхлипывала на заднем сидении, не обращая внимания на неловкие взгляды соседней пассажирки. Когда поймала на себе этот взгляд, отвернулась к окну. И ничего не чувствовала, кроме жуткого желания вернуться и вклеить ему пощечину. Или, еще лучше, выцарапать этой Юлии глаза! Как? Как он мог простить ее после всего, что она сделала с ним?

Уже подъезжая к Козельцу, достала-таки из сумки телефон, чтобы позвонить Федьке и уточнить время приезда. И увидела полтора десятка пропущенных от мужа.

А сейчас она смотрела на него и все еще не понимала. В ушах только многократно отдавалось его «Ничего. Просто я тебя люблю». И она отчаянно хотела в это поверить безо всяких оговорок.

— Ты отрастишь бороду обратно? — хмуро спросила Даша.

— Договорились, — согласился Герман.

— И мы пойдем в кино?

— Пойдем.

— И ты меня, правда, любишь?

— Правда.

— И я тебя — правда, — и Дашино серьезное лицо вдруг озарилось широкой улыбкой — совсем такой, как раньше, а не как всю последнюю неделю, когда она с ним «дружила». Она подалась к нему, но замерла на полпути: — Значит, теперь по-настоящему?

— По-настоящему, — сказал Герман и, притянув ее к себе, поцеловал. По-настоящему.

И тут телефон затрещал снова, а Даша от неожиданности уронила его на пол, не прерывая поцелуя.

Гера с глухим фырканием отстранился от нее и поднял аппарат.

— Добрый вечер, Михаил Дмитриевич! — бодро сказал Герман в трубку.

Из трубки заорал голос тестя, который можно было бы охарактеризовать словом «обеспокоенный». Где-то рядом явно попискивала мама. И Даша отчетливо расслышала: «Машина была под окнами! Куда подевались?!»

— А мы вспомнили, что тортик купить забыли, — не моргнув глазом, ляпнул Герман. — Сейчас будем.

Трубка продолжала вопить. Даша только улыбалась и смотрела на мужа. Когда из телефона донеслось: «Какого хрена не предупредили!» — она тихонько захихикала в плечо Липковича.

— Ну так сюрприз, — рассмеялся и Герман.

«Сюрпризы так не делаются! Чтобы через десять минут были дома!»
— Будем! — крикнула в телефон Даша и потерлась носом о его щеку.
А Герман отбросил в сторону телефон и вернулся к Дашиным губам.

Отключив будильник, Герман легко поднялся и прошлепал из спальни. Сначала включить кофеварку, потом в душ — как спасение от невероятной жары, установившейся с неделю назад. Кажется, так бы и жил в душе. Подставив лицо прохладным струям, Герман что-то весело напевал себе под нос.

Его непродолжительная идиллия прервалась Дашиным сонным голосом, звучащим довольно глухо из-за двери:

— Гера, мне тоже надо!

— Сей-час! — крикнул Герман.

Сквозь шум воды он различил только ее удаляющиеся шаги. Даша протопала на кухню — в противовес кофе варить какао. И соблазнять его запахом.

Герман очень скоро пришел на этот самый запах. Подошел к Даше и чмокнул ее в шею.

— Что случилось? — спросил он.

— Кое-что, — сообщила она, повернув к нему голову, и в губы прошептала: — Я опять проспала, потому есть будешь бутерброды.

— А ты что будешь есть?

— Ответ «тебя» не считается?

— На завтрак — нет!

— Мммм... У меня есть банан, какао и печенье. Печеньем могу поделиться.

— Сейчас у тебя будет еще и бутерброд, — Герман сунулся в холодильник.

— Хочешь, чтобы мне стыдно стало? Не получится. Ты уйдешь, а я лягу спать дальше.

— Приятных снов, — улыбнулся Герман, поставил на стол тарелку с несколькими бутербродами, сделанными на скорую руку, и сам принялся жевать свой, запивая его кофе. — Я вечером буду поздно.

Даша подняла голову от своей чашки, которую до этого увлеченно рассматривала, гоня пенку с одной стороны в другую. В глазах ее замер вопрос, который был немедленно озвучен — с некоторых пор она предпочитала не держать все в себе:

— И в какую это сторону тебя занесет?

— В сторону Валеры.

— Это который гинеколог?

— Он самый.

Даша на мгновение задумалась и снова заглянула в чашку. Потом подозрительно произнесла:

— И по какому поводу сборище?

— Да, как обычно, просто так.

— Как обычно, — проворчала Даша. — Твой Валера так и не женился? Холостяцкая вечеринка, да?

— Дашка, уймись, — рассмеялся Гера.

Даша смешалась, покраснела и показала ему язык. А потом деловито предупредила:

— И не вздумай считать, что я ревную, ясно?

— Ну я так и понял: не ревнуешь.

— Не ревную! — кивнула она. — Ты к нему вечером или как? Когда ждать-то?

— Лучше не жди, спать ложись, — ответил Герман и направился к выходу.

— Кошмар! — возмутилась Дашка и вымогательски добавила: — Не лягу, пока не придешь.

— Дашка! — докторским тоном рыкнул Герман и ушел собираться.

А Даша стала как шелковая. Мама ей популярно объясняла, что ревность и навязчивость не красят женщину. Хотя это и не значило, что она не воплотит свои угрозы в жизнь. Но об этом Герман узнает только вечером. Или ночью — как повезет.

Через десять минут она увлеченно целовалась с ним в коридоре, прекрасно понимая, что перегибает.

Несмотря на утренний час, весь город буквально плавился от солнца: асфальт и дома расплывались в раскаленном воздухе. Кондиционер был единственным спасением, а пять минут между машиной и клиникой показались пыткой.

— Когда уже закончится эта аномалия, — ворчал он, ныряя в дверь холла.

Но уже в холле его ждала другая аномалия. Великий и ужасный стоял у регистратуры и орал своим прокуренным голосом на весь первый этаж:

— Это когда-нибудь кончится, а? Сколько ж можно! Почему он не шею свернет где-нибудь? Не ноги переломает! Не смертельный штамм гриппа подхватит! Почему у него башка такая больная?

— Что стряслось? — поинтересовался Гера у нарисовавшегося тут же Эгембердиева.

— Григораш поступил, — ухмыльнулся Руслан, внимательно наблюдая за голосившим великим и ужасным. — Субдуральная гематома. Состояние, как видишь, тяжелое. Возьмешь или таки в отпуск?

— Нет! У меня отпуск. Очень длинный. Ооочень, — и Герман попытался незамеченным улизнуть с места событий.

Но усилия его были напрасны. Голос великого и ужасного зазвучал еще громче:

— Липкович! Разговор есть!

— У меня встреча, — предпринял еще одну попытку Гера.

— Да! Со мной, в моем кабинете! — и резвым Бонапартом великий и ужасный проследовал мимо Липковича к своей двери. Потом обернулся на пороге и выдал: — Чаем угощу, не боись!

Герман кивнул и без колебаний вошел в кабинет следом за Иваном Александровичем, плотно прикрыв за собой дверь. Тот уже колдовал над чайником, перемотанным у основания шнура синей изолентой. Электроприбор включаться не желал, и великий и ужасный бормотал под нос что-то непристойное.

— Да оставьте вы его, — нетерпеливо проговорил Герман. — Начинайте уже без чая.

— С Григорашем не уговаривать? — обернулся к нему Иван Александрович и стал хаотично перемещаться по кабинету, пока в его руках не оказался кипятильник.

— Не уговаривать. Иначе я его стрихнином накормлю!

— Ты клятву Гиппократу давал?

Герман от всего сердца красочно выругался.

— Ладно, понял! — Иван Александрович разлил воду по чашкам и подключил, в конце концов, кипятильник, опустив его в одну из них. — Стажировку в Принстоне тоже Эгембердиеву отдавать? — замолчал, выдержал паузу, наблюдая эффект, потом продолжил: — Гера, я хочу, чтобы поехал ты. Это на год. Руслан — орел, конечно, молодой, но пусть еще в гнезде посидит, разгильдяй.

— Подумать надо, — сказал Герман.

— Ну вот и подумай. Пока в отпуске будешь. С женой посоветуйся. Тебе с сахаром?

— Без. Я понял. Я подумаю.

— Ну и прекрасно!

Великий и ужасный поставил перед ним чашку, из которой живописно торчала нитка с липтоновской маркой на конце.

— Вообще-то, я обещал, что в следующий раз уеду, — сказал Герман и, забрав чашку, вышел.

В своем кабинете, наконец-то в тишине и покое, он пил немного остывший чай и умиротворенно раздумывал о том, как многое повторяется. На носу отпуск, что не может не радовать. В дальнейшем возможна стажировка за границей, что устраивало его несколько больше, чем категоричное признание его достижений. А о нем, кажется, в очередной раз думают как о весьма посредственном враче, прогуливавшем во времена студенчества, как минимум, гинекологию. И последнее бы определенно напрягало, если бы у него было плохое настроение.

Но настроение, ко всеобщему удовольствию, у Германа Валентиновича Липковича было превосходное, и потому он достал телефон и набрал Валеру.

— Все в силе? — спросил он.

— Естественна! — отозвался приятель. — Только это... У меня чуток планы поменялись. Я после двух уже освобожусь. Ты как?

— Понял, буду к двум.

— Ага, жду! Но учти, еще за пивом заехать! Я как-то не готовился.

— Да ладно, разберемся, — сказал Гера и отключился.

После двух его устраивало даже больше, чем после пяти. Это означало, что Дашка убрякается приблизительно к часу, а не под утро. Потому что, несомненно, сначала будет дожидаться его, а потом выпытывать, как пошла встреча. Кроме того, Герман иногда подозревал, что и его рубашки подвергаются тщательному одорологическому исследованию. А это тоже требовало времени.

В начале третьего дня он бодро шагал по больничному коридору, пока на лавке под одним из кабинетов не увидел Дашу. И его накрыло.

Это была та же самая лавка, на которой год назад он застал Юльку. Впрочем, законная супруга выглядела сейчас едва ли лучше. Она была смертельно бледна, так, что цвет ее кожи сливался с блеклой стеной. Только темные брови и ресницы выделялись четкими яркими линиями на бескровном лице. Да под глазами пролегли жуткие тени. Веки ее были смежены, и она массировала виски тонкими пальцами.

Какая-то медсестра из числа сердобольных подошла к ней и проговорила:

— Ты б позвонила кому! Куда ж тебе такой-то ехать одной, а?

— Нельзя, — прошелестел слабый Дашин голос в ответ, но глаз она не раскрывала. — Сейчас такси вызову.

— Уже приехало, — услышала она откуда-то сверху.

Даша почти подпрыгнула на месте и «очнулась». Муж возвышался над ней с самым заинтересованным видом. Медсестра ретировалась. И она не нашла ничего умнее, чем выпалить:

— Черт!

— Где? — еще более заинтересованно спросил Герман.

Даша поморгала. И откинула голову на стену, внимательно рассматривая мужа. Вид ее

был одновременно сердитый и испуганный.

— Ты к Валере приехал? — спросила она. — Вот и иди к нему!

— А ты к кому приехала? — проигнорировал Гера ее замечание.

— К Новиковой. Ты ее не знаешь.

— Тоже пиво пить? — продолжился допрос.

— Нет, — хмуро ответствовала жена. А потом, совсем разозлившись, выпалила: — Я все рассчитала! Я обо всем договорилась! Ты должен был явиться сюда самое раннее через два часа, когда я была бы дома! Но ты все испортил!

— Придется тебе смириться с этим фактом, — Герман развел руками.

— Я пытаюсь! — Дашка закрыла глаза и тяжело вздохнула. — У меня давление упало из-за жары. Вот и сижу.

— Значит, сейчас домой поедем.

— Нет, тебя Валера ждет.

— Я ему позвоню, и он ждать перестанет. Перенесем.

— Ты — ходячее крушение планов, — вздохнула Дашка. — И Валериных, и моих.

— Я тебя тоже люблю.

— И даже не спросишь?

— Надо?

— Не надо. Я тебе через два дня скажу. На годовщину. Хорошо?

— Хорошо.

Через два дня они пили чай на кухне Льва Борисовича, слушали Битлз и горячо спорили Даша хотела Артема, а Герман — Ксюшу. Но до пренатального определения пола ребенка ждать было еще минимум десять недель.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net